

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ФГБУН «ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РАН»

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

**Региональная экономика и
развитие территорий**

Сборник научных статей 1 (15)

Под редакцией Л. П. Совершаевой

Санкт-Петербург

2021

ББК 65.9
УДК 338.1 + 339.9 + 332.02
Р 32

Научное издание

Региональная экономика и развитие территорий / Под ред. Л. П. Совершаевой. – СПб.: ГУАП, 2021, 1 (15). – 220 с.

ISBN 978-5-8088-1636-7

Утверждено к печати решением Ученого совета ФГБУН ИПРЭ РАН
«04» октября 2021 г., протокол № 12

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор (СПбГУ)
Кузнецов Ю. В.

доктор географических наук, профессор (СПбЭУ)
Разумовский В. М.

Редакционная коллегия

**Гринчель Б.М., Елисеева И.И., Иванов С.А., Климов С.М., Кузнецов С.В.,
Совершаева Л.П. (научный ред.), Скворцова М.Б., Ходачек А.М.**

ББК 65.9
УДК 338.1 + 339.9 + 332.02

ISBN 978-5-8088-1636-7

© Совершаева Л.П., 2021
© Коллектив авторов, 2021
© ИПРЭ РАН, 2021
© НИУ – ВШЭ (СПб.), 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается 15-ый ежегодный сборник статей по вопросам региональной экономики и территориального развития. Подготовленный на основе постоянно действующего семинара «Проблемы региональной экономики» Дома ученых им. М. Горького РАН.

Важным аспектом деятельности органов исполнительной власти в регионах становится уровень доверия населения к власти на основе анализа общественного мнения и оценки населением и бизнесом достигаемых национальных целей развития в регионах.

Возникают новые очень важные для развития территорий направления, на которые ранее региональные власти не обращали должного внимания. К этим направлениям можно отнести вопросы изменения климата и качества окружающей среды, которые существенно влияют на уровень жизни населения в отдельных регионах, а также вероятность распространения пандемии и связанный с этим рост социальной напряженности в отдельных поселениях, что требует привлечения дополнительных бюджетных ресурсов.

Распространение различных удаленных форм занятости населения предъявляет новые требования к работодателям и трудовому законодательству.

Сложившаяся за последние два года практика ускоренного развития цифровых образовательных технологий в перспективе будет связана с повышением уровня преподавания и подготовки обучающихся на основе системы непрерывного образования.

Если говорить о сценариях будущего развития территорий, а особенно крупных городов, то здесь возникают новые вызовы. Горожан начинают привлекать условия жизни, складывающиеся в «Умных городах», а участие в общественных проектах и обсуждение перспектив развития территорий становится важным направлением деятельности активной части населения.

Для муниципальных властей на первый план выходят проблемы использования городского пространства и оптимизации ресурсов для развития территории. Формирование городской среды на основе обсуждения и предложений жителей стало теперь частью программ благоустройства и создания комфортных территорий в муниципалитетах.

До настоящего времени существуют проблемы, связанные с формированием стратегий регионального развития и отсутствием эффективных механизмов их реализации. Недостаточно учитываются вопросы ресурсного обеспечения для устойчивого развития региональных экономических систем и использования имеющегося в регионах потенциала развития территорий. При разработке региональных стратегий недостаточно внимания обращается на типологию регионов. Проблемой является слабая скоординированность стратегий развития региона как социально-экономической системы и действующих на его территории крупных хозяйственных комплексов.

Материалы сборника раскрывают ход реализации стратегий социально-экономического развития в регионах, формирование Генпланов и Схем территориального планирования поселений с учетом требований «зеленой экономики».

**к.э.н., доцент,
Заслуженный экономист РФ**

Л. П. Совершаева

Васильев И. Г.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА»¹

Федеральный проект «Культурная среда» в структуре Национального проекта «Культура» предусматривает повышение качества жизни граждан путем модернизации инфраструктуры культуры и реновации учреждений: от крупных национальных до небольших сельских.

Государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, которая составляет основу национальной самобытности. Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывают в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяет раскрыть таланты и способности каждого человека.

Государственная культурная политика основывается на признании огромного воспитательного и просветительского потенциала культуры и необходимости его максимального использования в процессе формирования личности.

Природа русской культуры, обеспечивающей единство многонационального народа России на основе сохранения культурной и национальной самобытности всех народов страны, делает необходимым отражение в государственной культурной политике своеобразия каждого региона страны, каждого народа или этноса, проживающего на ее территории. Государственная культурная политика призвана стимулировать насыщенность культурной жизни в каждом регионе России, способствовать развитию межрегионального культурного взаимодействия. Это важнейший фактор роста качества жизни, залог динамичного развития субъектов Российской Федерации, основа государственного единства страны и ее культурного пространства.

Государственная культурная политика предполагает повышение общественного статуса культуры, ее влияние на все сферы государственной политики и жизни общества, рассматривается не как единойжды принятый и закрепленный в программах и мероприятиях комплекс мер, а как непрерывный, динамичный процесс.

В 2020 году паспорт национального проекта «Культура» и входящих в его состав федеральных проектов скорректирован в соответствии с Указом Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 № 474. Новая редакция утверждена президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 29 октября 2020 г. № 11) и вступила в силу с 01.01.2021.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН ««Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-1211011190093-2.

Новая редакция предусматривает, в частности (извлечения):

«б) в рамках национальной цели "Возможности для самореализации и развития талантов":

- формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся;
- создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций;
- увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15%;
- увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года» [1].

Паспорт Федерального проекта «Культурная среда» определяет, что в результате его реализации «граждане получают дополнительные возможности для творческого развития и самореализации в современных учреждениях культуры, а также более широкий доступ к культурным ценностям».

Количество созданных (реконструированных) и капитально отремонтированных объектов организаций культуры с 1182 ед. в 2021 г. увеличится до 2197 ед. в 2025 г. и до 3430 ед. в 2030 г.

Количество организаций культуры, получивших современное оборудование, увеличится с 3 745 ед. в 2021 г. до 6345 ед. в 2025 г. и 8895 ед. в 2030 г. [2].

В состав Национального проекта «Культура» кроме Федерального проекта «Культурная среда» входят Федеральные проекты «Творческие люди» и «Цифровизация культуры» [2].

Мы рассматриваем Национальный проект «Культура» как материальную экономическую основу культурного сегмента социального сектора экономики региона, как особую категорию стратегического управления экономикой региона, тесно связанную с другими категориями, отражающими особенности стратегического управления в других сегментах социального сектора региональной экономики (здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальном и др.).

Такое понимание предполагает необходимость комплексного подхода к анализу и принятию управленческих решений в региональных политиках формирования культурной среды. Об отсутствии комплексности в решении таких вопросов в области охраны культурного наследия говорилось на заседании Совета по культуре и искусству при Президенте РФ. В частности, отмечалось, что закрепление за Минстроем службы единого заказчика привело к многочисленным нарушениям защиты и охраны объектов культурного наследия. По мнению В.П. Гриценко, необходимо в первую очередь придать законодательству о культуре и культурному наследию статус самостоятельного раздела с уникальным предметом регулирования, чтобы выше была только Конституция. Существующее сегодня требование обязательной передачи полномочий в сфере культурного наследия субъектам Российской Федерации должно быть отменено [3].

В уточненном Паспорте Федерального проекта «Культурная среда» комплексное качество проекта закреплено связью со следующими документами стратегического планирования: Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»; Подпрограмма «Обеспечение условий реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Федерации «Развитие культуры и туризма»»; Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»; Подпрограмма «Развитие дополнительного образования детей и реализация мероприятий молодежной политики»[2].

Цель федерального проекта «Культурная среда» – повышение качества жизни граждан путем модернизации инфраструктуры культуры и реновации учреждений: от крупных национальных до небольших сельских.

Инфраструктура культурной среды

Приведем перечень основных объектов культурной среды, начатых в 2020 г. и подлежащих реализации (завершению) в 2021-2030 гг. в соответствии с Паспортом федеральной программы «Культурная среда» [4].

Оснащение образовательных организаций

В 2020 году в ходе реализации федерального проекта «Культурная среда» нацпроекта «Культура» музыкальными инструментами, оборудованием и учебными материалами была оснащена 301 образовательная организация отрасли культуры в 41 субъекте Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский, Сибирский, Южный, Приволжский и Дальневосточный федеральные округа.

Для повышения качества образовательного процесса, создания условий расширения перечня реализуемых учебных дисциплин и увеличения контингента обучающихся в образовательные организации были поставлены:

- музыкальные инструменты: клавишные (пианино, рояли), струнные, народные, духовые, ударные и др.;
- оборудование: интерактивные доски, мультимедийные проигрыватели, проекторы, оборудование для учебных кабинетов, концертно-театральных и выставочных залов, библиотек, фонотек;
- учебные материалы: учебные пособия по музыкально-теоретическим дисциплинам, клавиры, партитуры, наглядные материалы, предметы натурального фонда для отделений изобразительного искусства и др.

В оснащенных 258 детских школах искусств и 43 профессиональных образовательных учреждениях обучаются более 157 000 талантливых детей и молодежи.

Кинозалы

В целях обеспечения доступа к национальным фильмам в рамках национального проекта «Культура» реализуются мероприятия по оснащению оборудованием кинозалов. Современные кинозалы могут размещаться на базе различных организаций (в домах культуры, на частных досуговых площадках), формируя новый культурный облик населенных пунктов. Условия государственного инвестирования в создание кинозалов предусматривают обязательный прокат не менее 50% национальных фильмов в общем объеме репертуара в течение трех лет с момента открытия переоборудованного кинозала. За проектный период будут созданы условия для просмотра качественного отечественного кино не менее чем для 60 млн человек. В 2020 году было переоборудовано 60 кинозалов в 37 субъектах Российской Федерации. Объем выделенных на эти цели средств федерального бюджета составил 0,3 млрд рублей.

Автоклубы

Для людей, проживающих в сельских населенных пунктах без стационарного культурного обслуживания, доступность культурных благ обеспечивается за счет передвижных многофункциональных культурных центров – автоклубов. Комплектация специализированного автотранспорта позволяет обеспечить концертную деятельность, библиотечное обслуживание, организовать познавательный досуг для детей. Минимальный комплект предусматривает сцену-трансформер, спутниковую антенну, звуковое, компьютерное и мультимедийное оборудование. За счет оснащения передвижных центров интернетом имеется возможность организовать онлайн-трансляции культурных проектов, проводить общественно-значимые консультации (с представителями органов социальной защиты, медицинских и других учреждений).

В рамках национального проекта «Культура» в 2020 году для муниципалитетов закуплено 103 автоклуба. Автоклубы поставлены в 15 регионов. Объем средств федерального бюджета на реализацию данного мероприятия составил 458,56 млн рублей.

Модельные библиотеки

Для повышения качества библиотечного обслуживания разработана и утверждена Концепция модернизации муниципальных библиотек Российской Федерации на основе модельного стандарта деятельности общедоступной библиотеки. Реализация Концепции призвана способствовать развитию человеческого капитала, обеспечению безопасности граждан и государства, повышению роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве, повышению статуса чтения как вида досуговой деятельности, содействия появлению новых форм читательской активности и улучшению условий и качества чтения.

Современные общедоступные библиотеки – это интеллектуальные центры, оснащенные скоростным интернетом, доступом к современным отечественным информационным ресурсам научного и художественного содержания, к оцифрованным ресурсам периодической печати.

В процессе модернизации библиотек обязательным являются создание точек доступа к Национальной электронной библиотеке и электронной библиотеке диссертаций, комплектование мультимедийными ресурсами, а также организация современного комфортного библиотечного пространства. В составе библиотечных фондов предусматриваются носители информации, изготовленные в форматах, доступных для незрячих и слабовидящих пользователей библиотек. Создаются дискуссионные клубы, консультационные пункты и лектории для всех возрастных групп. Ожидается, что обновление муниципальных библиотек повысит эффективность их работы и посещаемость не менее, чем в 2 раза.

В рамках реализации федерального проекта «Культурная среда» национального проекта «Культура» в 2020 году в 66 субъектах Российской Федерации открыто 172 модельных муниципальных библиотеки вместо 110 запланированных, из них: 53 сельские, 119 – городские, 39 библиотек расположены в малых городах, 22 библиотеки – в моногородах. Общий охват населения составил 17 млн человек. Финансирование из федерального бюджета составило 1 110 млн рублей.

Модернизация региональных и муниципальных театров юного зрителя и театров кукол путем их реконструкции, капитального ремонта

Одним из главных акцентов национального проекта «Культура» является обеспечение культурного развития и творческой самореализации детей и молодежи. В целях популяризации театрального искусства среди подрастающего поколения, расширения доступности качественных театральных постановок ведется работа по реконструкции и капитальному ремонту детских театров.

В 2020 году финансировалась реконструкция 5 театров юного зрителя в субъектах: Ставропольский край, Удмуртская Республика, Республика Калмыкия, Кемеровская область, Самарская область. Завершена реконструкция театра кукол в Ставропольском крае. Объем средств федерального бюджета на проведение данных работ составил 391,3 млн руб. Закончены работы по капитальному ремонту 7 детских театров, расположенных в Астраханской области (2 театра), Республике Северная Осетия–Алания, Республике Татарстан, Оренбургской области, Ульяновской области, Челябинской области. Объем средств федерального бюджета на проведение данных работ составил 403,9 млн рублей.

Усадьбы

В 2019 году начата работа по реализации ведомственного проекта «Возрождение исторических усадеб» (2019-2024 гг.), входящего в состав национального проекта «Культура».

Основная цель проекта – привлечение частных инвесторов к сохранению усадеб, которые в настоящее время не используются и находятся в неудовлетворительном состоянии, возрождение исторических усадеб с сохранением их культурной ценности и дальнейшее современное использование в качестве сети культурно-досуговых организаций, туристско-рекреационных кластеров, частных музеев и общественных пространств.

В 2020 году были разработаны 10 инвестиционных паспортов таких объектов, как:

- «Усадьба Молоди (Бестужева-Рюмина), XIX в.: Главный дом, Флигель» по адресу: Московская обл., Чеховский р-н, с/п Любучанское, село Молоди, д. б/н.;
- «Бывшая усадьба Пасхаловых 1-я пол. XIX в.» по адресу: Тульская обл., р-н Алексинский, с/п Солопенское, п. Колосово, ул. Мира, д. 1а, лит. А, А1, А2, а;
- «Ансамбль усадьбы Н.Мальцева 2-я пол. XIX в.» по адресу: Тульская обл., р-н Дубенский, с. Воскресенское, ул. Школьная, д. 15;
- «Усадебный дом сер. XVII в.» по адресу: Московская обл., Коломенский г.о., с. Луке-рыно;
- «Промышленно-усадебный комплекс фон Дервиза» по адресу: Рязанская обл., Старожиловский р-н, р.п. Старожилово, ул. Коннозаводская;
- «Усадьба Стрешневых, XVIII в.» по адресу: Тверская область, Торжокский район, с/п Марьинское, п. Раек;
- «Дача Фаберже К.Г. (А.К.)» по адресу: г. Санкт-Петербург, пос. Парголово, Осиновая роща, Песочное шоссе, д.14;
- «Усадьба Кульжинских, сер. XIX в.» по адресу: Тульская обл., Алексинский р-н, Ботнинский с.о., дер. Юдинки;
- «Усадьба Сенницы XVIII - XIX вв.» по адресу: Московская обл., г.о. Озёры, с. Сенницы-2;
- «Усадьба Быково (Воронцовых), XVIII - XIX вв.» по адресу: Московская обл., Раменский г.о., с. Быково, ул. Санаторная.

Вся проектная документация по вышеуказанным объектам культурного наследия разработана, в том числе:

- получены разрешения на проведение научно-исследовательских и изыскательных работ;
- разработана исходно-разрешительная документация;
- завершена фотофиксация объектов культурного наследия;
- проведены предварительные, а также историко-архивные и библиографические исследования;
- завершены полевые работы по наземному лазерному сканированию зданий, в том числе по разработке схем планировочной организации земельного участка;
- выполнена подробная фиксация инженерно-технологического исследования по отдельным и строительным материалам;
- проведена разработка документации по первоочередным противоаварийным мероприятиям на объектах культурного наследия;
- подготовлены обмерные чертежи, а также эскизные проекты по реставрации и современному приспособлению объектов культурного наследия;
- разработаны презентации инвестиционных паспортов объектов культурного наследия, а также завершен монтаж видеороликов об усадьбах, участвующих в проекте «Культура».

По всем объектам получено положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы.

На протяжении всего периода реализации ведомственного проекта «Возрождение исторических усадеб» проводилась непрерывная работа по привлечению предполагаемых арендаторов (инвесторов) к современному приспособлению.

Участвовавшие в проекте объекты культурного наследия, в том числе могут войти в программу «Аренда за 1 рубль», в рамках которой происходит передача в арендное пользование объектов, находящихся в неудовлетворительном или руинированном состоянии. Благодаря этому может быть повышена инвестиционная привлекательность объектов у потенциальных заинтересованных арендаторов.

Разработана мультимедийная платформа для публикации информации об объектах культурного наследия Российской Федерации. На базе данной платформы размещается информация об объектах культурного наследия, содержащая технические характеристики, а также историко-культурные данные объектов, в том числе участвовавших в ведомственном проекте «Возрождение исторических усадеб».

Строительство (реконструкция) и капитальный ремонт сельских учреждений культуры

В рамках мероприятия «Строительство (реконструкция) и капитальный ремонт сельских учреждений культуры» в 2020 году было построено, реконструировано и капитально отремонтировано 335 культурно-досуговых учреждений в 63 регионах. На указанные цели было выделено 334,3 млн рублей.

Реновация региональных и муниципальных учреждений отрасли культуры

В рамках мероприятия «Реновация региональных и муниципальных учреждений отрасли культуры» в 2020 году проводились работы по строительству, реконструкции и капитальному ремонту на 7 объектах региональной собственности в Республиках Мордовия, Марий

Эл, Дагестан, Чувашской Республике, Новосибирской, Омской и Мурманской областях, на которые было выделено 650,7 млн рублей.

Реновация федеральных организаций отрасли культуры

В рамках мероприятия «Реновация федеральных организаций отрасли культуры» в 2020 году было выделено 1 046,0 млн рублей на разработку проектно-сметной документации, реконструкцию, реставрацию и капитальный ремонт 5 объектов культуры.

Также в 2020 году завершены работы по капитальному ремонту Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Музей Победы).

Создание Центров культурного развития в городах с числом жителей до 300 000 человек

В рамках мероприятия «Создание Центров культурного развития в городах с числом жителей до 300 000 человек» (далее – ЦКР) в 2020 году за счет средств федерального бюджета разработаны 8 типовых проектов по строительству ЦКР.

На эти цели выделено 120,0 млн рублей. Получены положительные заключения Федерального Автономного Учреждения «Главгосэкспертиза России». Проектная документация разработана и включена в реестр экономически эффективной документации повторного использования Минстроя России, на основе которой в 2022-2024 гг. будет осуществлено строительство 39 ЦКР.

Создание культурно-образовательных и музейных комплексов, включающих в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и общеобразовательные школы, а также выставочные пространства

В рамках мероприятий по созданию культурно-образовательных и музейных комплексов, включающих в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и общеобразовательные школы, а также выставочные пространства до 2024 года будут созданы 4 культурно-образовательных и музейных комплекса в г. Владивостоке, г. Калининграде, г. Кемерово и г. Севастополе, реализуются мероприятия по созданию следующих филиалов и учреждений культуры:

- филиалы ФГБУК «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея» в г. Владивостоке, в г. Калининграде;
- филиал ФГБУК «Государственный Русский музей» в г. Кемерово;
- филиал ФГБУК «Государственный академический Большой театр России» в г. Калининграде;
- филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный институт сценических искусств» в Владивостоке, в г. Калининграде, в г. Кемерово;
- филиалы ФГБ ПОУ «Центральная Музыкальная школа при Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского» в г. Владивостоке, в г. Калининграде, г. Кемерово;
- филиалы ФГБОУ ВО «Московская государственная академия хореографии» в г. Владивостоке, в г. Калининграде, г. Кемерово;
- филиалы ФГБУК «Государственный академический Мариинский театр» в г. Кемерово, в г. Владивостоке;
- ФГБУК «Севастопольский государственный театр оперы и балета» в г. Севастополе;
- ФГБОУ ВО «Академия хореографии» в г. Севастополь;
- ФГБУК «Российская государственная художественная галерея» г. Севастополь;

– Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» г. Кемерово.

Состояние и перспективы системы государственно-частного партнерства в культуре

Приведенный перечень объектов культурной среды можно рассматривать как *инфраструктурную базу государственно-частного партнерства*. В законе о ГЧП дается следующее определение государственно-частного партнерства: «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера с одной стороны и частного партнера с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, заключенного в соответствии с настоящим федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [5].

Целью настоящего Федерального закона является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и повышения качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Статья 7 закона определяет, что объектами соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве могут быть:

п.12) объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социального обслуживания населения;

п.19) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных, информационные системы (в том числе государственные информационные системы) и (или) сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетях, в состав которых входят такие программы для ЭВМ и (или) базы данных, либо совокупность указанных объектов (далее - объекты информационных технологий), либо объекты информационных технологий и имущество, технологически связанное с одним или несколькими такими объектами и предназначенное для обеспечения их функционирования или осуществления иной деятельности, предусмотренной соглашением (далее – технические средства обеспечения функционирования объектов информационных технологий); (п. 19 введен Федеральным законом от 29.06.2018 N 173-ФЗ) [5].

Ключевым вопросом для всех ГЧП-проектов в социальной сфере служит проблема применяемых механизмов возврата частных инвестиций. В данном аспекте все проекты ГЧП и квази-ГЧП, реализуемые в России, можно условно разделить на четыре группы в зависимости от применяемой модели:

— плата за доступность — возврат вложений частного инвестора полностью или в большей мере обеспечивается за счет платежей от публичного партнера, включая компенсацию затрат на создание и эксплуатацию объекта, а также обеспечение определенного уровня доходности и покрытие расходов на обслуживание привлеченного финансирования;

— прямой сбор платы и осуществление иной коммерческой деятельности по регулируемым ценам (тарифам) — частный партнер обеспечивает возврат инвестиций за счет прямого сбора платы за услуги, товары, работы с потребителей и иной коммерческой деятельности

по регулируемым ценам (тарифам), при этом в силу особенностей законодательства возможна компенсация невозмещенных капитальных затрат частного партнера по завершению проекта за счет публичного партнера;

— минимальная гарантированная доходность со стороны публичного партнера — частный партнер обеспечивает возврат инвестиций за счет прямого сбора платы за услуги, товары, работы с потребителей и иной коммерческой деятельности, в том числе по регулируемым ценам (тарифам), при этом соглашением предусматривается условное обязательство публичного партнера компенсировать установленную недополученную прибыль за определенный период;

— прямой сбор платы и осуществление иной коммерческой деятельности без дополнительных гарантий со стороны публичного партнера — частный партнер обеспечивает возврат инвестиций исключительно за счет осуществления коммерческой деятельности без каких-либо гарантий со стороны публичного партнера [6].

Государственно-частное партнерство может быть оформлено в разных формах. К основным относят концессионное соглашение и соглашение о ГЧП/МЧП. Но есть и иные формы (квази-ГЧП):

Контракт жизненного цикла (44-ФЗ о контрактной системе) – вложение частных инвестиций в строительство, реконструкцию, эксплуатацию, ремонт объекта на протяжении всего срока его жизни, а при необходимости также в последующую утилизацию. Государство принимает на себя обязательства осуществления закупки услуг/товаров у инвестора или предоставляет регулярную плату за инфраструктуру.

Долгосрочный договор с инвестиционными обязательствами (223-ФЗ о закупках) – государственная закупка, в рамках которой предусмотрены инвестиционные обязательства частной стороны и порядок финансового участия публичной стороны.

Инвестиционный договор (39-ФЗ об инвестиционной деятельности) – договор об инвестиционной деятельности, одной из сторон которого выступает государство.

Договор аренды с инвестиционными обязательствами (ГК РФ) – передача государством объекта и (или) участка инвестору во временное владение и пользование за определенную плату с одновременным возникновением у частной стороны инвестиционных обязательств (строительство/реконструкция объекта) [7].

В течение долгого времени основным нормативно-правовым документом, дающим возможность привлекать инвестиции в экономику Российской Федерации, и обеспечивающим эффективное использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям, являлся Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О концессионных соглашениях» [2]. Не так давно появился Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В его основе рассматриваются условия в области права для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации, а также определяет основы правового регулирования отношений, возникающих на всех циклах соглашения о ГЧП [9].

Сопоставление элементов существующей нормативно-правовой базы ГЧП и приведенной выше *инфраструктурной базы государственно-частного партнерства*, складывающейся в результате принятого Национального проекта «Культура», свидетельствует о необходимости выполнения значительного объема исследовательской работы по адаптации нормативно-правовой базы ГЧП к новым условиям стратегического планирования культуры и культурной политики, особенно – на региональном и местном уровне. Высокий уровень разнообразия целей и задач региональных и местных политик потребует принятия новых организационных решений субъектов РФ и муниципалитетов.

Практики государственно-частного партнерства в культуре

В социальной сфере реализуются 85 проектов на 21 млрд руб. Наиболее капиталоемкая отрасль – образование с 13 проектами на 11,8 млрд руб., по количеству проектов лидирует сфера культуры, досуга и туризма – 29 проектов на 5,7 млрд руб. Также 20 проектов на 1,2 млрд руб. представлено в социальном обслуживании, 15 проектов на 1,1 млрд руб. – в спорте, 8 проектов на 1,2 млрд руб. – в здравоохранении [8].

По данным Национального центра ГЧП, сегодня в России реализуется 34 проекта ГЧП в сфере культуры. Большая часть из них сосредоточена в таких сферах, как объекты культурного наследия, центры и пространства искусства и творчества (творческие центры и студии, театры, кинотеатры), центры и пространства для проведения культурно-массовых мероприятий и досуга (дома культуры, концертные залы, развлекательные комплексы, парки культуры и отдыха) [6].

Все три ключевые направления соответствуют стратегическим приоритетам Государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 317, что свидетельствует в пользу перспективности развития их инфраструктуры на основе ГЧП. В рамках практической реализации рынок также предъявляет наиболее высокую активность в реализации проектов в данных нишах: в иницилируемых проектах доля выбранных перспективных направлений составляет более 70%, а в реализуемых проектах превышает 90% [6].

Председатель правления Центра развития ГЧП Павел Селезнев отмечал, что проекты в сфере культуры в рамках ГЧП реализуются в основном на местах. По плану, разработанным Центром развития ГЧП, запуск проектов в сфере культуры проходит в три этапа: в 2016–2017 годах Минкультуры и РОСИЗО подбирают пилотные проекты при непосредственном взаимодействии регуляторов проекта и инвесторов (частных банков, как вариант), в 2018–2019 годах происходит их запуск и с 2020 года начинается распространение успешных проектов.

Высокоперспективными направлениями ГЧП в области культуры видятся проекты, относящиеся к возрождению и реставрации памятников архитектуры, музеев, усадеб и т.д., возведение и эксплуатация центров культуры и досуга, например, следующие проекты:

- реконструкция второй и третьей очереди основного корпуса музея мирового океана в городе Калининграде;
- создание туристического многофункционального комплекса «ГРИНН» в Орловской области;
- создание филиала Малого театра в городе Когалым;
- создание всесезонного туристического центра «Ингушетия» в городе Магас;

- создание туристско-рекреационного комплекса «Царь-град» в городе Йошкар-Ола;
- масштабное инженерно-техническое перевооружение и модернизация объекта Российского академического Молодежного театра [9].

Наиболее креативный подход к сохранению архитектурных памятников возникает в случае наличия стратегии культурного развития территории. Он является и более эффективным, и более демократическим. Стратегический подход дает возможность решить значительный комплекс задач, поскольку благодаря ему:

- восстанавливаются, реставрируются памятники культуры;
- актуализируется историческая память: открываются новые музеи, музейные комплексы;
- зарождается интерес местного населения и некоренных жителей к истории данного памятника и данного места в целом; как следствие, появляются новые посылы для создания культурных субъектов, воссоздающих новые и новые культурные достопримечательности, относящиеся к этой территории;
- формируются целые сферы творческих индустрий;
- формируется туристическая инфраструктура;
- укрепляются в сознании местных жителей и приезжих культурные символы территории, создаются новые культурные бренды;
- развивается туризм;
- организовываются необходимые рабочие места для населения.

В нашей стране существует питательная почва для роста на федеральном уровне индустрии кинопроката и кинообслуживания местных жителей. Новые кинозалы становятся неотъемлемой частью почти каждого торгово-развлекательного комплекса. Коммерческие организации становятся донорами денежных средств на оснащение кинотеатров новейшими средствами для кинопоказа. В лице коммерческих организаций для Госсектора появляется реальная конкуренция в сфере кинопроката [9].

Формируются и первые практики ГЧП в рамках национального проекта «Культура». 8 апреля 2019 года опубликована информация о том, что Минкультуры России и Сбербанк активизируют механизмы государственно-частного партнерства в рамках нацпроекта «Культура». В числе направлений сотрудничества — привлечение частного капитала и поиск решений по финансированию реновации, строительства и реконструкции учреждений культуры, внедрение цифровых технологий в культурное пространство.

Также в рамках партнерства будет проведена работа по созданию специальной программы спонсорства ведущих российских театров и музеев, проведению фестивалей, спектаклей, концертных программ, производства фильмов, реставрации исторических памятников.

Минкультуры России договорилось со Сбербанком о работе сразу по нескольким направлениям с привлечением регионов. Пилотными регионами, в которых будут реализовываться совместные проекты, были выбраны Калужская и Липецкая области, а также Республика Коми. Также была отмечена целесообразность использования продуктов «Страховой брокер» и «Сбербанк Лизинг» при реализации мероприятий национального проекта [10].

Общественные объединения и НКО в сфере культуры

Некоммерческие организации культуры – особая форма партнерства государства, общества и личности, позволяющая в соответствии с законом (ФЗ «О некоммерческих организациях») принимать участие в формировании культурной среды.

В соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» некоммерческие организации могут создаваться для достижения, в том числе, культурных целей, поэтому, говоря о некоммерческих организациях, нельзя не затронуть некоммерческие культурные организации.

Само понятие «некоммерческие культурные организации» в действующем законодательстве отсутствует, однако в Основах государственной культурной политики закреплено, что *граждане имеют право создавать организации, учреждения и предприятия по производству, тиражированию и распространению культурных ценностей, благ, посредничеству в области культурной деятельности в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации*. Кроме того, граждане имеют право создавать ассоциации, творческие союзы, гильдии или иные культурные объединения в порядке, определяемом законодательством об общественных объединениях. Культурную деятельность Основы определяют, как деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей, а культурные блага отнесены к условиям и услугам, предоставляемым организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей [11].

Минкультуры России на основании ст. 31.4 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – 7-ФЗ) осуществляет оценку качества оказания общественно полезных услуг. Это необходимо для признания организации исполнителем общественно полезных услуг, а также ее дальнейшей государственной регистрации в Минюсте России. За 2020 год Министерством было выдано 9 заключений.

В соответствии с п. 2.1 ст. 31.4 7-ФЗ Минкультуры России разработан ведомственный приказ от 07.07.2020 № 748 «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством культуры Российской Федерации государственной услуги по оценке качества оказания общественно полезных услуг социально ориентированной некоммерческой организацией» (зарегистрирован Минюстом России от 22.09.2020 № 59972).

Начиная с 2017 года, ведется реестр социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) – получателей поддержки Минкультуры России.

Также осуществляется работа по заполнению портала Федерального реестра государственных услуг по направлению выдачи заключений СОНКО – получателям поддержки Минкультуры России. Данная система будет способствовать упрощению регистрации организаций для дальнейшего получения заключений.

Указанные мероприятия способствуют систематизации данных обо всех СОНКО, упрощению мониторинга их деятельности и, соответственно, оказания поддержки.

Финансовая поддержка

Минкультуры России предоставляет некоммерческим организациям субсидии на реализацию творческих проектов в сфере культуры (Постановление Правительства РФ от 19.02.2013 № 143, Приказ Минкультуры России от 01.04.2013 № 295) и оказывает поддержку в рамках государственных контрактов, заключаемых в соответствии с Федеральным

законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В частности, за 2020 год поддержку от Минкультуры России получили порядка 100 СОНКО на общую сумму более 2 млрд рублей.

Также в рамках национального проекта «Культура» осуществляется предоставление субсидий на создание инновационных театральных творческих проектов, направленных на синтез театрального, музыкального, хореографического и визуального видов искусства с использованием мультимедийных технологий и коммуникаций, применением интерактивных методов работы с аудиторией, новых форм творческого поиска и новаций, что позволит выявлять талантливых драматургов и композиторов, обогащать репертуар концертных организаций и учреждений новыми произведениями.

В 2020 году в рамках реализации нацпроекта «Культура» было поддержано:

- 141 проект НКО, направленных на укрепление российской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов РФ на общую сумму 300 млн руб.;

- 15 всероссийских и международных творческих проектов НКО в области музыкального, театрального искусства и фестивалей детского творчества всех жанров на сумму 490,8 млн руб.;

- 39 волонтерских проектов НКО на сумму 60 млн руб.

Всего по 4 направлениям поддержано 195 проектов на сумму 850,8 млн руб.

Деятельность некоммерческих организаций культуры и искусства направлена на получение истинных общественно значимых благ, то есть неприбыльна, по существу.

В заключение отметим основные качества НКО:

- экономическая сущность некоммерческого сектора культуры и искусства заключается в том, что деятельность представленных в нем организаций и в условиях рынка направлена на достижение истинных общественно значимых благ, обладающих индивидуальной полезностью. Не стремясь к максимизации прибыли, они тем не менее экономически заинтересованы в добросовестном информировании различных групп населения о качестве своих продуктов.

- в силу ограниченности источников своих доходов некоммерческие организации культуры и искусства должны получить право на расширение видов разрешенной предпринимательской деятельности.

- при оценке социально-экономической эффективности некоммерческого сектора культуры и искусства следует исходить одновременно из социального и экономического эффекта производимой в нем продукции при ведущей роли первого. Социально-экономическая эффективность некоммерческих организаций культуры и искусства в условиях рынка в значительной мере зависит от эффективности их менеджмента и избранных им маркетинговых стратегий [12].

Информирование некоммерческих организаций о грантовой поддержке осуществляется непосредственно на сайте Минкультуры России, на сайте общероссийской общественно-государственной организации «Российский фонд культуры» и портале «Культура. Гранты России». Также, на сайте ведомства в разделе «Деятельность» создан подраздел, посвященный поддержке СОНКО.

Кроме того, предусмотрены мероприятия по обучению сотрудников СОНКО в сфере культуры: на портале «Культура. Гранты России» размещены информационные и методические материалы, проводятся вебинары, функционирует грантовый тренажер.

База данных лучших практик НКО

На сайте ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления» Минкультуры России размещена База данных лучших практик НКО в культуре. Любой желающий может ознакомиться с успешно завершенными творческими проектами и реализовать аналогичные инициативы на территории своего региона.

Лучшие практики НКО в сфере культуры – это проекты, программы, услуги, успешно реализованные за счет средств бюджетов и (или) внебюджетных источников, включая средства негосударственных грантодателей, преимущественно полученных на конкурсной основе и повлекшие за собой положительный эффект в социальной среде. В 2020 году в базу внесено 357 региональных практик.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

2. Национальный проект «Культура» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.championat.com/tennis/_grandslam.html

3. Гриценко В.П. Выступление на заседании Совета по культуре и искусству при Президенте РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/4>

4. Государственный доклад «О состоянии культуры в Российской Федерации в 2020 году». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennyu-doklad-o-sostoyanii-kultury-v-rossiyskoj-federatsii-v-2020-godu0609202101/>

5. Федеральный закон No 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

6. Завьялова Е.Б., Ткаченко М.В. Проблемы и перспективы применения механизмов государственно-частного партнерства в отраслях социальной сферы // Вестник РУДН. 2018. Серия: Экономика. Т.26. №1. – С. 65-66.

7. Государственно-частное партнерство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gosim-no.ru/public/uploads/mediastore>

8. Национальный центр государственно-частного партнерства. ВЭБ РФ. Аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/a94/a94511cc5437d23b70fd0655c15>

9. Левачев А.Ю. Федеральные «пилоты» ГЧП в культуре. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018015000>

10. Минкультуры и Сбербанк активизируют партнерство в рамках нацпроекта «Культура» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investinfra.ru/novosti/minkultury-rossii-i-sberbank-realizuyut-mehan>

11. Некоммерческие организации в сфере культуры: формы и регистрация в 2021 году

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://reg-nko.ru/article/Nekommercheskie_organizacii_v_sfere_kultury

12. Кошкина М. Экономическая сущность некоммерческого сектора культуры и искусства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-suschnost-nekommercheskogo-sektora-kultury-i-iskusstva>

УДК 330.341.2: 332.13(470)

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-18-29

Гринчель Б. М.,
Назарова Е. А.

ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ФАКТОРУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

В настоящее время человеческий потенциал является наиболее ценным ресурсом для регионального развития. Удержание и рост конкурентных позиций в стране и мире для региона является важнейшей целевой задачей в стратегическом планировании и управлении, так как потеря конкурентной привлекательности в конечном счете приводит к оттоку и отсутствию притока населения, что снижает человеческий потенциал региона, который является основой для развития территории [1, 2, С. 4-8, 5, С. 210-211, 6, С. 130-152, 7, С. 122-145, 8, 10, С. 295-295, 12, С. 7-13].

Предметом настоящего исследования является методика и алгоритм анализа устойчивого развития регионов на основе предлагаемого индикатора, характеризующего конкурентную привлекательность регионов по фактору человеческого потенциала. Степень того, насколько та или иная территория способна противостоять внешним и внутренним вызовам и рискам, сохраняя или увеличивая человеческий потенциал региона, мы приняли за критерий устойчивости регионального развития по данному направлению.

Под конкурентной привлекательностью человеческого потенциала мы понимаем повышенные по сравнению с другими регионами свойства социально-экономического пространства, наиболее привлекательные для большинства групп потребителей [3, С. 130-131].

В данной работе мы сфокусировались на оценке устойчивости развития территорий по фактору человеческого потенциала, для чего были отобраны индикаторы развития, наиболее актуальные для потребителей регионального пространства. Для того, чтобы человеческий потенциал региона был на конкурентном уровне необходим повышенный по сравнению с другими регионами уровень рождаемости, возможность получения достойного образования на территории от дошкольного до получения ученой степени, низкий уровень

¹В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века» № АААА-А21-12101129083-2

заболеваемости критическими заболеваниями и снижение преступности. Необходимым и достаточным мы посчитали применить 10 частных показателей, так как большое число показателей снижает весомость каждого из них, а применение малого числа – не позволяет в значительной степени отобразить исследуемое нами явление. Поэтому нами были применены следующие показатели:

1. Уровень рождаемости на 1000 чел. населения, чел.;
2. Охват детей дошкольным образованием, %;
3. Выпуск учащихся с аттестатом о среднем образовании на 1000 человек населения, чел. на 1000 чел. населения, чел.;
4. Выпуск квалифицированных рабочих и служащих на 10000 человек занятого населения, чел.;
5. Выпуск специалистов с высшим образованием, соотнесенный с численностью населения, чел.;
6. Численность исследователей с учеными степенями на 1000 человек населения, чел.;
7. Выборочная заболеваемость на 1000 человек населения, ед.;
8. Розничная продажа водки и ликероводочных изделий на душу населения, л.;
9. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними на 1000 человек населения, ед.;
10. Ожидаемая продолжительность жизни населения, лет.

На основе приведенных выше частных показателей можно рассчитать по каждому региону за конкретный год обобщенную балльную оценку конкурентной привлекательности по фактору человеческого потенциала j -го региона ($KП_j^{ЧП}$):

$$KП_j^{ЧП} = \sum_{i=1}^{10} K_i^{вес} KП_{ji} \quad (1)$$

где $KП_{ji}$ – конкурентная привлекательность i -го показателя по j -му региону

$K_i^{вес}$ – коэффициент весомости i -го показателя, единый для всех регионов.

В данном исследовании был применен равный для всех показателей коэффициент весомости 0,1. Для того, чтобы получить единую обобщающую оценку по фактору человеческого потенциала частные показатели из натуральной размерной формы были переведены в безразмерную балльную по 100-балльной шкале [4, С. 10-116]. При этом диапазон балльных оценок по каждому частному показателю конкурентной привлекательности по регионам России составляет 100 баллов, но, по обобщающей оценке, диапазон, полученный по формуле (1) получается значительно меньше, потому что у регионов наименьшие и наибольшие значения частных показателей не одинаковые. В результате наибольшая оценка конкурентной привлекательности регионов по России по человеческому потенциалу в 2019 г. составляла 68,1 балла (Республика Северная Осетия – Алания), а наименьшая – 26,7 балла (Ленинградская область), что можно проследить в нижеприведенной таблице 1.

Таблица 1 – Ранжирование и типология регионов в конкурентном пространстве России по фактору человеческого потенциала, 2019 г.

Регион	Обобщенная оценка		Среднегодовая численность населения, тыс. чел.
	Баллы	Ранг в пространстве 85 регионов	
<i>Группа 1 с высоким человеческим потенциалом (диапазон 68,1-59,8 баллов)</i>			
<i>Средняя среднегодовая численность населения 21898 тыс.чел.</i>			
Республика Северная Осетия –	68,1	1	697
г. Москва	65,9	2	12678
Чеченская Республика	65,3	3	1479
Кабардино-Балкарская Р.	64,3	4	868
г. Санкт-Петербург	63,6	5	5398
Республика Калмыкия	62,5	6	271
Республика Ингушетия	61,1	7	507
<i>Группа 2 с повышенным человеческим потенциалом (диапазон 59,7-51,5 баллов)</i>			
<i>Средняя среднегодовая численность населения 6413 тыс.чел.</i>			
Республика Саха (Якутия)	59,9	8	972
Тюменская область без АО	56,9	9	1538
Республика Татарстан	54,0	10	3903
<i>Группа 3 со средним человеческим потенциалом (диапазон 51,4-43,3 баллов)</i>			
<i>Средняя среднегодовая численность населения 60017 тыс.чел.</i>			
Томская область	53,5	11	1080
Республика Башкортостан	53,3	12	4038
Новосибирская область	52,0	13	2798
Ярославская область	51,2	14	1254
Воронежская область	51,1	15	2324
Республика Тыва	51,1	16	327
Республика Дагестан	50,1	17	3111
г. Севастополь	49,5	18	449
Чукотский АО	49,5	19	50
Карачаево-Черкесская Р.	48,9	20	466
Чувашская Республика	48,7	21	1218
Московская область	48,4	22	7691
Омская область	48,2	23	1927
Тамбовская область	47,9	24	1007
Белгородская область	47,8	25	1549
ХМАО	47,4	26	1675
Краснодарский край	47,2	27	5676
Ростовская область	47,2	28	4198
Нижегородская область	47,2	29	3203
Ставропольский край	46,9	30	2803
Республика Бурятия	46,6	31	986
Магаданская область	46,4	32	140
Республика Коми	46,3	33	821
Республика Крым	46,2	34	1912
Липецкая область	45,9	35	1139
Ненецкий автономный округ	45,9	36	44
Орловская область	45,6	37	734
Свердловская область	45,6	38	4311
Республика Алтай	45,6	39	220
Красноярский край	45,6	40	2866

Регион	Обобщенная оценка		Среднегодовая численность населения, тыс. чел.
	Баллы	Ранг в пространстве 85 регионов	
<i>Группа 4 с пониженным человеческим потенциалом (диапазон 43,2-35,0 баллов) Средняя среднегодовая численность населения 49211 тыс.чел.</i>			
Удмуртская Республика	45,0	41	1501
Волгоградская область	44,8	42	2491
Хабаровский край	44,6	43	1316
Курская область	44,1	44	1104
Архангельская область без АО	44,0	45	1092
Челябинская область	43,9	46	3466
Пермский край	43,8	47	2599
Республика Мордовия	43,5	48	790
Саратовская область	43,5	49	2422
Республика Хакасия	43,4	50	534
Приморский край	43,4	51	1896
Иркутская область	43,2	52	2391
ЯНАО	42,9	53	544
Владимирская область	42,8	54	1358
Брянская область	42,5	55	1193
Костромская область	42,5	56	633
Вологодская область	42,5	57	1160
Пензенская область	42,3	58	1306
Республика Марий Эл	42,1	59	679
Астраханская область	42,0	60	1006
Мурманская область	41,6	61	741
Камчатский край	41,5	62	313
Еврейская ао	41,2	63	158
Калужская область	41,1	64	1003
Кировская область	41,0	65	1263
Республика Карелия	40,3	66	614
Забайкальский край	40,2	67	1060
Калининградская область	40,0	68	1013
Оренбургская область	39,8	69	1957
Ивановская область	39,5	70	997
Рязанская область	39,4	71	1109
Тверская область	39,2	72	1260
Ульяновская область	38,9	73	1230
Республика Адыгея	38,8	74	463
Псковская область	38,7	75	626
Амурская область	38,5	76	790
Сахалинская область	38,2	77	488
Самарская область	37,6	78	3179
Тульская область	37,3	79	1466
<i>Группа 5 с низким человеческим потенциалом (диапазон 34,9-26,7 баллов) Средняя среднегодовая численность населения 9210 тыс.чел.</i>			
Алтайский край	35,9	80	2317
Курганская область	35,6	81	827
Новгородская область	34,7	82	597
Смоленская область	34,6	83	935
Кемеровская область	32,5	84	2658
Ленинградская область	26,7	85	1876

Примечание. Рассчитано авторами по [11].

Для проверки доброкачественности и адекватности алгоритма оценки конкурентной привлекательности регионов по фактору человеческого потенциала в таблице 1 все регионы России были ранжированы по величине обобщенной оценки (от большей к меньшим оценкам) и разделены на пять групп в соответствии с частью диапазона оценок, в которую попал тот или иной регион. Таким образом диапазон обобщающих оценок по фактору человеческого потенциала от 68,1 до 26,7 балла был разделен на 5 равных частей, полученные отрезки по 8,83 балла для каждой группы были обозначены как группы с высокой, повышенной, средней, пониженной и низкой конкурентной привлекательностью фактора человеческого потенциала.

В соответствии с нашими расчетами регионы по конкурентной привлекательности человеческого потенциала распределились следующим образом. В первую высшую группу с высоким человеческим потенциалом вошли семь регионов, включая два мегаполиса – г. Москва и г. Санкт-Петербург, которые традиционно лидируют по фактору человеческого потенциала за счет высокого уровня урбанизированности территории, возможности получения образования и своего экономического потенциала. Также в эту группу вошли три Северо-Кавказские республики, где высокая рождаемость и большая продолжительность жизни и один регион Южного федерального округа. Это вполне объяснимо с точки зрения сильных сторон этих регионов. Во вторую группу регионов с повышенным потенциалом человеческого потенциала вошли три региона – Республика Саха (Якутия), Тюменская область и Республика Татарстан. Это три экономически развитых региона, которые традиционно являются центрами привлечения населения и трудовых мигрантов.

В четвертую и пятую группы регионов с пониженной и низкой конкурентной привлекательностью фактора качества жизни вошло сорок пять регионов России. Это те регионы, которые являются донорами рабочей силы для более экономически развитых регионов, в которые население стремится переехать, чтобы улучшить свое качество жизни. В качестве примера можно привести Псковскую, Ленинградскую и Новгородскую области и республику Карелию, которые теряют население вследствие близости Санкт-Петербурга, куда стремится поехать учиться, а потом и остаться для дальнейшего проживания значительная часть населения.

Таким образом, убедившись в непротиворечивости полученных оценок конкурентной привлекательности человеческого потенциала, их возможно использовать для того, чтобы оценить устойчивость в конкурентном пространстве России [11, С. 32-45]. Для того, чтобы сохранить или улучшить свои рейтинговые позиции необходимо выполнить два условия: во-первых, обобщенные балльные оценки конкурентной привлекательности фактора человеческого потенциала за исследуемый период и рейтинги регионов должны повыситься или сохраниться на прежнем уровне; второе условие – либо балльные оценки, либо рейтинговые позиции регионов не понижаются за исследуемый период. Если и балльные оценки, и рейтинги по фактору человеческого потенциала понизились, то такое сочетание мы расцениваем как неустойчивое развитие. Это может быть описано следующей системой неравенств 2:

$$\begin{cases} \text{КП}_i^{\text{ЧП}}_{t_1} - \text{КП}_i^{\text{ЧП}}_{t_0} < 0 \\ R_i^{\text{ЧП}}_{t_1} - R_i^{\text{ЧП}}_{t_0} < 0 \end{cases} \quad (2), \text{ где}$$

$KP_{i,t_1}^{ЧП}, KP_{i,t_0}^{ЧП}$ – балльные оценки конкурентной привлекательности по фактору человеческого потенциала в конце и начале периода;

$R_{i,t_1}^{ЧП}, R_{i,t_0}^{ЧП}$ – ранги региона по конкурентной привлекательности по фактору человеческого потенциала в конце и начале периода.

Для того, чтобы опробовать и проверить данную методику и критерии устойчивости были использованы оценки по фактору человеческого потенциала по 85 регионам России на временном интервале 2016-2019 гг. Данный временной период достаточно удобен для проверки устойчивости развития ввиду действующих в это время многочисленных вызовов и рисков, связанных с мировой волатильностью спроса и цен на энергоресурсы, колебаний разнонаправленных потоков капитала, колебания курса валют, влиянием санкций от США и ряда других стран, направленных на экономику России по различным основаниям или поводам, что вызвало трудности для региональных властей с поддержкой населения и оказало значительное влияние на человеческий потенциал территорий.

В таблице 2 представлены данные, которые позволяют собрать исходную информацию по итогам расчетов конкурентной привлекательности и ранжирования регионов за 2016 и 2019 гг. по фактору человеческого потенциала и оценить изменения конкурентной привлекательности по разности баллов и рангов, а также рассчитать изменения в процентах балльных оценок уровня конкурентной привлекательности регионов за исследуемый период и ранжировать регионы по степени устойчивости – по величине % изменений в баллах конкурентной привлекательности человеческого потенциала региона.

Эти расчеты выполнялись по формулам:

$$\Delta B_{i,16-19}^{ЧП} = \frac{KP_{i,19}^{ЧП} - KP_{i,16}^{ЧП}}{KP_{i,16}^{ЧП}} \quad (3), \text{ где}$$

$\Delta B_{i,16-19}^{ЧП}$ – изменение в % балльных оценок конкурентной привлекательности человеческого потенциала i-го региона за период 2016-2019 гг.

$KP_{i,19}^{ЧП}; KP_{i,16}^{ЧП}$ – конкурентная привлекательность человеческого потенциала в баллах i-го региона в 2016 и 2019 гг.

Формула (3) позволяет сопоставить и учесть абсолютные изменения балльных оценок конкурентной привлекательности человеческого потенциала учитывая базовый уровень потенциала региона на начало периода.

$$\Delta R_{i,16-19}^{ЧП} = \frac{R_{i,16}^{ЧП} - R_{i,19}^{ЧП}}{85} \times 100\% \quad (4), \text{ где}$$

$\Delta R_{i,16-19}^{ЧП}$ – изменение в % ранговых позиций i-го региона за период 2016-2019 гг. по конкурентной привлекательности человеческого потенциала;

$R_{i,16}^{ЧП}; R_{i,19}^{ЧП}$ – ранговые позиции региона в 2019 и 2016 гг. по фактору человеческого потенциала.

Таблица 2 – Оценки устойчивости развития регионов в 2016-2019 гг. по фактору человеческого потенциала по критерию изменения конкурентной привлекательности, в процентах к рангу регионов в 2016 г.¹

Регион	Конкурентная привлекательность и ранги регионов				Изменения конкурентной привлекательности				Устойчивость развития по фактору человеческого потенциала
	2016 г.		2019 г.		баллов	рангов	баллов в % к 2016 г.	рангов в %к 85	
	Баллы	Ранг	Баллы	Ранг					
Группа 1. Регионы, повысившие или сохранившие уровень конкурентной привлекательности и конкурентный рейтинг в пространстве России									
Ненецкий автономный округ	40,0	45,9	70	36	5,9	34	14,7	40,0	У
Чукотский АО	43,2	49,5	49	19	6,3	30	14,5	35,3	У
Тюменская область без АО	50,8	56,9	17	9	6,1	8	12,0	9,4	У
Воронежская область	45,9	51,1	33	15	5,2	18	11,3	21,2	У
Республика Алтай	41,1	45,6	63	39	4,5	24	10,9	28,2	У
г. Москва	59,6	65,9	6	2	6,3	4	10,6	4,7	У
Курганская область	32,3	35,6	85	81	3,3	4	10,2	4,7	У
Республика Северная Осетия – Алания	61,8	68,1	4	1	6,3	3	10,2	3,5	У
ХМАО	43,1	47,4	50	26	4,3	24	10,0	28,2	У
Тамбовская область	43,9	47,9	45	24	4,0	21	9,1	24,7	У
Республика Хакасия	40,4	43,4	67	50	3,0	17	7,4	20,0	У
Красноярский край	42,7	45,6	53	40	2,9	13	6,8	15,3	У
Краснодарский край	44,3	47,2	41	27	2,9	14	6,5	16,5	У
ЯНАО	40,3	42,9	68	53	2,6	15	6,5	17,6	У
Омская область	45,3	48,2	35	23	2,9	12	6,4	14,1	У
Пермский край	41,3	43,8	61	47	2,5	14	6,1	16,5	У
Московская область	45,7	48,4	34	22	2,7	12	5,9	14,1	У
Республика Калмыкия	59,3	62,5	7	6	3,2	1	5,4	1,2	У

¹ Регионы ранжированы по степени изменения в % балльных оценок конкурентной привлекательности в пределах групп устойчивости

Регион	Конкурентная привлекательность и ранги регионов				Изменения конкурентной привлекательности				Устойчи- вость разви- тия по фак- тору челове- ческого по- тенциала
	2016 г.		2019 г.		баллов	рангов	баллов в % к 2016 г.	рангов в %к 85	
	Баллы	Ранг	Баллы	Ранг					
Астраханская область	39,9	42,0	71	60	2,1	11	5,3	12,9	У
Республика Коми	44,0	46,3	43	33	2,3	10	5,2	11,8	У
Хабаровский край	42,5	44,6	55	43	2,1	12	4,9	14,1	У
Ярославская область	48,8	51,2	22	14	2,4	8	4,9	9,4	У
Владимирская область	40,8	42,8	64	54	2,0	10	4,9	11,8	У
г. Санкт-Петербург	61,3	63,6	5	5	2,3	0	3,8	0,0	У
Еврейская АО	39,8	41,2	73	63	1,5	10	3,7	11,8	У
Тверская область	37,9	39,2	80	72	1,3	8	3,4	9,4	У
Орловская область	44,5	45,6	39	37	1,1	2	2,5	2,4	У
Архангельская область без АО	43,0	44,0	51	45	1,0	6	2,3	7,1	У
Волгоградская область	43,8	44,8	47	42	1,0	5	2,3	5,9	У
Республика Саха (Якутия)	58,6	59,9	9	8	1,3	1	2,2	1,2	У
Чувашская Республика	47,7	48,7	26	21	1,0	5	2,1	5,9	У
Карачаево-Черкесская Республика	48,0	48,9	25	20	0,9	5	1,9	5,9	У
Кировская область	40,4	41,0	66	65	0,6	1	1,5	1,2	У
Республика Карелия	39,8	40,3	72	66	0,5	6	1,3	7,1	У
Нижегородская область	46,7	47,2	30	29	0,5	1	1,1	1,2	У
Ивановская область	39,1	39,5	76	70	0,4	6	1,0	7,1	У
Новосибирская область	51,5	52,0	16	13	0,5	3	1,0	3,5	У
Иркутская область	42,8	43,2	52	52	0,4	0	0,9	0,0	У
Вологодская область	42,3	42,5	57	57	0,2	0	0,5	0,0	У
Группа 2. Регионы, повысившие или сохранившие уровень конкурентной привлекательности или конкурентный рейтинг в простран-									
Чеченская Республика	64,2	65,3	2	3	1,1	-1	1,7	-1,2	У
Ростовская область	47,3	47,2	28	28	-0,1	0	-0,2	0,0	У
Псковская область		38,7	77	75	-0,1	2	-0,3	2,4	У

Регион	Конкурентная привлекательность и ранги регионов				Изменения конкурентной привлекательности				Устойчи- вость разви- тия по фак- тору челове- ческого по- тенциала
	2016 г.		2019 г.		баллов	рангов	баллов в % к 2016 г.	рангов в %к 85	
	Баллы	Ранг	Баллы	Ранг					
Амурская область	38,6	38,5	78	76	-0,1	2	-0,3	2,4	У
Республика Татарстан	54,2	54,0	13	10	-0,2	3	-0,4	3,5	У
Республика Башкортостан	53,5	53,3	14	12	-0,2	2	-0,4	2,4	У
Кемеровская область	33,2	32,5	84	84	-0,7	0	-2,1	0,0	У
Тульская область	38,3	37,3	79	79	-1,0	0	-2,6	0,0	У
Томская область	56,3	53,5	11	11	-2,8	0	-5,0	0,0	У
Группа 3. Регионы, понизившие уровень конкурентной привлекательности и конкурентный рейтинг в пространстве России									
Приморский край	43,5	43,4	48	51	-0,1	-3	-0,2	-3,5	Н
Республика Марий Эл	42,4	42,1	56	59	-0,3	-3	-0,7	-3,5	Н
Свердловская область	46,0	45,6	32	38	-0,4	-6	-0,9	-7,1	Н
Челябинская область	44,3	43,9	42	46	-0,4	-4	-0,9	-4,7	Н
Республика Тыва	51,7	51,1	15	16	-0,6	-1	-1,2	-1,2	Н
Мурманская область	42,1	41,6	59	61	-0,5	-2	-1,2	-2,4	Н
Забайкальский край	40,7	40,2	65	67	-0,5	-2	-1,2	-2,4	Н
Камчатский край	42,3	41,5	58	62	-0,8	-4	-1,9	-4,7	Н
Смоленская область	35,4	34,6	82	83	-0,8	-1	-2,3	-1,2	Н
Ставропольский край	48,1	46,9	24	30	-1,2	-6	-2,5	-7,1	Н
Республика Крым	47,5	46,2	27	34	-1,3	-7	-2,7	-8,2	Н
Республика Ингушетия	62,9	61,1	3	7	-1,8	-4	-2,8	-4,7	Н
Костромская область	43,9	42,5	44	56	-1,4	-12	-3,2	-14,1	Н
Саратовская область	45,0	43,5	37	49	-1,5	-12	-3,3	-14,1	Н
Оренбургская область	41,2	39,8	62	69	-1,4	-7	-3,4	-8,2	Н
Кабардино-Балкарская Республика	67,3	64,3	1	4	-3,0	-3	-4,5	-3,5	Н
Брянская область	44,6	42,5	38	55	-2,1	-17	-4,7	-20,0	Н
Пензенская область	44,4	42,3	40	58	-2,1	-18	-4,7	-21,2	Н
Белгородская область	50,2	47,8	20	25	-2,4	-5	-4,8	-5,9	Н

Регион	Конкурентная привлекательность и ранги регионов				Изменения конкурентной привлекательности				Устойчи- вость разви- тия по фак- тору челове- ческого по- тенциала
	2016 г.		2019 г.		баллов	рангов	баллов в % к 2016 г.	рангов в %к 85	
	Баллы	Ранг	Баллы	Ранг					
Сахалинская область	40,2	38,2	69	77	-2,0	-8	-5,0	-9,4	Н
Самарская область	39,6	37,6	74	78	-2,0	-4	-5,1	-4,7	Н
Липецкая область	48,7	45,9	23	35	-2,8	-12	-5,7	-14,1	Н
Республика Мордовия	46,2	43,5	31	48	-2,7	-17	-5,8	-20,0	Н
Калининградская область	42,5	40,0	54	68	-2,5	-14	-5,9	-16,5	Н
Калужская область	43,8	41,1	46	64	-2,7	-18	-6,2	-21,2	Н
Ульяновская область	41,6	38,9	60	73	-2,7	-13	-6,5	-15,3	Н
Курская область	47,2	44,1	29	44	-3,1	-15	-6,6	-17,6	Н
Новгородская область	37,3	34,7	81	82	-2,6	-1	-7,0	-1,2	Н
Республика Бурятия	50,7	46,6	18	31	-4,1	-13	-8,1	-15,3	Н
Магаданская область	50,7	46,4	19	32	-4,3	-13	-8,5	-15,3	Н
Алтайский край	39,6	35,9	75	80	-3,7	-5	-9,3	-5,9	Н
Удмуртская Республика	50,2	45,0	21	41	-5,2	-20	-10,4	-23,5	Н
г. Севастополь	56,0	49,5	12	18	-6,5	-6	-11,6	-7,1	Н
Рязанская область	45,0	39,4	36	71	-5,6	-35	-12,4	-41,2	Н
Республика Дагестан	59,1	50,1	8	17	-9,0	-9	-15,2	-10,6	Н
Ленинградская область	33,5	26,7	83	85	-6,8	-2	-20,3	-2,4	Н
Республика Адыгея	57,0	38,8	10	74	-18,2	-64	-31,9	-75,3	Н

Примечание. Рассчитано авторами по [8]

Формула (4) позволяет конвертировать изменение рангов (возрастание или убывание) на соответствующее число процентов, то есть положительный результат означает улучшение, а отрицательный – ухудшение рейтингов регионов по фактору человеческого потенциала.

В таблице 2 регионы ранжированы по изменению в % балльных оценок конкурентной привлекательности фактора человеческого потенциала, что позволило разделить все регионы России на три группы:

- первая группа регионов имеет последовательно положительные изменения рангов конкурентной привлекательности;
- вторая группа регионов имеет разнонаправленные или нулевые изменения балльных и ранговых оценок конкурентной привлекательности;
- третья группа регионов имеет отрицательные изменения балльных и ранговых оценок конкурентной привлекательности.

Для каждой группы можно говорить о том, что регион имеет большую степень устойчивости, чем выше в процентах балльная оценка изменений конкурентной привлекательности по фактору человеческого потенциала.

Проанализируем и рассмотрим результаты оценки устойчивости развития регионов Российской Федерации по фактору человеческого потенциала за 2016-2019 гг. В результате ранжирования мы видим, что в таблице последовательно представлены 48 устойчивых региона первой и второй групп (39 – первой и 9 – второй), затем 37 регионов, проявивших неустойчивость, которые попали в третью группу.

В целом соотношение 48 и 37 устойчивых и неустойчивых регионов подтверждает позитивное развитие регионов России с точки зрения устойчивости всей территории. Тем более, необходимо отметить, что в первую группу с наибольшей степенью устойчивости вошло большое число крупных по числу населения регионов, такие как города Москва и Санкт-Петербург, республики Башкортостан и Татарстан, Тюменская, Новосибирская, Московская, Нижегородская области и другие, что говорит о том, что эти регионы устойчиво сохраняют и наращивают свой человеческий потенциал, что позволит им и в дальнейшем успешно и устойчиво развиваться.

Из проведенного исследования можно сделать вывод о том, что предложенная в исследовании методика и показатели оценки фактора человеческого потенциала и конкурентной привлекательности регионов Российской Федерации показали работоспособность и возможность использования для анализа устойчивости развития как в научных исследованиях конкурентного развития регионов по различным факторам (например, экономического, инновационного, инфраструктурного, качества жизни и других), так и в прикладных целях для мониторинга управления и планирования развития регионов, как на региональном, так и федеральном уровнях, а также для международных сопоставлений конкурентной привлекательности территориального пространства России и других стран.

Литература:

1. Бабинцев В.П., Куркина М.П. Человеческий потенциал как научная категория [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-kak-nauchnaya-kategoriya>

2. Глазьев С. Перспективы российской экономики в условиях глобальной конкуренции [Текст] // Экономист. 2007. №5. – С.3-16
3. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Использование преимуществ региона для усиления конкурентоспособности субъектов потребителей // Экономика и управление. 2011. № 4 (66). – С. 129-132.
4. Гринчель Б.М. Назарова Е.А. Российские регионы: конкурентная привлекательность и устойчивость развития. – СПб.: ГУАП, 2019. 248 с.
5. Дорофеева Л.В. Перспективы развития инфраструктуры моногородов на примере г. Пикалево / Друкеровский вестник. 2017. № 1. – С. 209-216.
6. Иванов С.А. Человеческий потенциал инновационной экономики: проблемы формирования и использования в современной России // Вестник Российской академии естественных наук. 2015. № 19(3). – С. 41–47.
7. Конкурентоспособность и стратегические направления развитие региона / Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Унтура Г.А. и др. Под ред. А.С. Новоселова. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 528 с.
8. Красина О., Крутий И. Развитие человеческого капитала в условиях перехода к обществу знания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.muh.ru/>.
9. Назарова Е.А. Анализ устойчивости развития регионов по фактору человеческого потенциала 2013-2017 гг. / Проблемы преобразования и регулирования региональных социально- экономических систем: Сб. науч н. трудов. Вып. 47/ под научной ред. д.э.н., проф. С.В. Кузнецова. ИПРЭ РАН, – СПб.: ГУАП, 2020. 111 с. – С. 69-78.
10. Растворцева С.Н. Управление социально-экономической эффективностью регионального развития: дис. докт. экон. наук: 08.00.05: защищена 30.06.10 — СПб., 2010. 391 с. Библиогр. – С.293-320
11. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. 2020: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. 1242 с. Режим доступа:https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
12. Шестакова Н.Н., Иванов О.И., Скворцова М.Б. Человеческий потенциал и человеческий капитал российской молодежи, находящейся вне труда и образования: теория и диагностика // Петербургский экономический журнал. 2020. № 4. – С. 6-24.

Джанелидзе М. Г.

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ¹

Стратегическое планирование в настоящее время выполняет роль механизма, консолидирующего усилия власти и общества в решении проблем экономического и социального развития. От качества стратегического планирования в значительной мере зависит эффективность всей управленческой деятельности государства – разрабатываемые концепции, прогнозы, планы и программы являются важнейшими инструментами проведения экономической и социальной политики.

Мировой опыт свидетельствует о положительном влиянии стратегического планирования на эффективность государственных институтов и реализацию программ развития. Считается (и имеющиеся исследования это подтверждают), что внедрение стратегического планирования в практику государственного управления способствует повышению его эффективности и качества. В этом контексте активизация разработки программно-стратегических документов в 2000-х годах в Российской Федерации идет в русле современной мировой практики стратегирования развития.

С позиций государственного управления инновационное стратегирование представляет собой использование административного ресурса в целях создания благоприятных условий для развития и стимулирования инновационных процессов. Маркерами стратегического планирования являются разработка прогноза, концепции, стратегии, программ и подпрограмм инновационного развития.

Сразу отмечу, что статья посвящена рассмотрению рисков реализации инновационных стратегий, связанных с системой управления инновационным развитием.

Глобальные инновации, связанные с появлением прорывных технологий, цифровизацией, консьюмеризацией и ускорением жизненного цикла продуктов ведут к радикальным переменам в большинстве отраслей. Меняются цепочки создания стоимости, перемещаются зоны рентабельности, появляются новые игроки – все это существенно ускоряет внедрение новых идей и разработок, в то же время коренным образом меняя соотношение отраслей и структуру экономики [1].

С каждым годом новые технологии развиваются все быстрее, а у компаний остается все меньше времени для их коммерчески успешного внедрения. Такие изменения происходят во всех отраслях и поэтому использование полного спектра инновационных инструментов развития становится необходимым на всех уровнях: микро-, мезо- и макроэкономики.

¹ В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук в 2021 г.: «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века».

Актуализирует спрос на стратегические методы обеспечения инновационного развития и то, что в настоящее время инновации необходимы не только для ускорения темпов развития, достижения лидерства и отрыва от конкурентов, но и для защиты от ущерба целых отраслей при появлении радикальных инноваций, делающих эти отрасли неконкурентоспособными. Традиционные отрасли испытывают мощное давление как со стороны инновационных стартапов, так и со стороны IT-гигантов. Неминуемым становится переход на новые бизнес-модели.

В современной экономике роль государства не ограничивается финансированием фундаментальной науки и новых разработок – оно определяет приоритетные направления исследования и развития, выявляет критические уязвимости в отраслях, а также перспективные ниши и компании, оказывая им значительную поддержку. Не менее важной функцией государства является выявление препятствий для инноваций и устранение этих барьеров. Как показывает опыт, активная позиция государства в инновационном процессе может значительно ускорить темпы развития инновационных отраслей. Реализуется же она посредством разработки стратегий инновационного развития различных уровней и отраслей. Кроме того, государство как основной акционер крупнейших российских компаний может стимулировать их инновационное развитие при помощи инструментов корпоративного управления.

Но при этом долгосрочные усилия, которых требуют науконасыщенные инновации, обязательно предполагают наличие благоприятной для инноваций экономической и инфраструктурной среды в целом. Сюда относится и налоговая политика, стимулирующая долгосрочные инвестиции в НИОКР (например, предоставление льгот компаниям, ведущим НИОКР), и эффективная защита интеллектуальной собственности, гарантирующая получение компаниями прибыли от продажи новых продуктов на основе своих изобретений, и многое другое.

Одним из вызовов для российской экономики (осознанных и отраженных во многих правительственных, официальных и научных публикациях) стала новая промышленная революция (индустрия 4.0) [2] и связанная с ней необходимость перехода к инновационному производству на базе цифровизации и проведения массивной технологической модернизации многих отраслей промышленности. В то же время практически забытым оказалось положение о том, что возможности развития производительных сил определяются производственными отношениями, а это означает, что, во-первых, инновационная деятельность субъектов экономики определяется их потенциалом и состоянием сегмента рынка, на котором они работают, а во-вторых, возможности инновационного развития обусловлены социальной структурой взаимодействия между людьми и способностью последних изменять, адаптировать и приспосабливать данные структуры к потребностям технического прогресса. Создание, распространение и использование инноваций и новых технологий представляет собой результат совместной деятельности множества разноуровневых субъектов (собственников активов, менеджмента, трудового коллектива, представителей науки, образования, государства и пр.).

При переходе к Индустрии 4.0 одновременно с усложнением инновационных продуктов и их составляющих (в том числе программного обеспечения, облачных хранилищ и физических компонентов) наблюдается радикальное сокращение продолжительности цикла разра-

ботки и вывода на рынок новых продуктов. Скорость внедрения инноваций («инновационная гонка») становится ключевым фактором конкурентоспособности. Вместе с тем и цепочки создания стоимости усложняются – растет количество участников, вовлеченных в создание одного продукта. В то же время все активнее приходится привлекать внешних партнеров для совместных разработок. Все эти обстоятельства повышают спрос на инновационные стратегии и, в то же время, предъявляют дополнительные требования к ним.

В российских условиях важными предпосылками осуществления стратегии инновационного развития промышленности являются следующие.

- Формирование промышленно-технологической политики на национальном и региональных уровнях.
- Реструктуризация промышленности.
- Модернизация производства в технологическом плане на базе цифровизации.
- Развитие НИОКР.
- Реформирование систем подготовки, переподготовки и корпоративного обучения сотрудников в сфере инновационной деятельности.

Часто инновации ассоциируют преимущественно с малыми инновационными предприятиями, в то время как источником большей части значительных инноваций являются фундаментальные научные исследования и деятельность крупных технологических компаний. Но радикальные промышленные инновации как правило требуют крупных инвестиций и масштабных рынков сбыта – для них нужен принципиально новый уровень взаимодействия бизнеса, государства, науки, технологических предпринимателей и инноваторов.

На этапе планирования всегда предполагается, что реализация государственных стратегий инновационного развития приведет к:

- решению насущных экономических, социальных и экологических проблем за счет новейших технологий;
- созданию новых высокопроизводительных рабочих мест в сфере услуг, производства и науки;
- увеличению поступлений в государственный бюджет за счет наращивания объемов производства конкурентоспособных наукоемких продуктов.

При этом государство осуществляет регулирование в макроэкономической, производственной, потребительской, научно-исследовательской, банковской, социальной, таможенной, трудовой и прочих сферах. На условия инновационного развития влияют в первую очередь инструменты налоговой системы, кредитно-денежной государственной политики, административно-правового регулирования.

Все вышеперечисленное влияет на деятельность инновационных предприятий и в совокупности отражает многообразие различных экономических регуляторов, создающих благоприятную или неблагоприятную среду инновационного развития. Именно в ней происходит развитие инновационной деятельности подавляющего большинства экономических субъектов. А стратегии государства в области инновационного развития опосредуются про-

водимой экономической политикой, которая оказывается шире артикулируемой инновационной стратегии и опосредует ее влияние. И это экономическое регулирование зачастую не способствует инновационной активности основной массы предприятий, вступая в противоречие с целями инновационных стратегий и в масштабах национальной экономики перевешивая их влияние.

Существует тесная взаимосвязь между стратегическим планированием и системой управления – без выстраивания стратегического менеджмента от первого остаются только неисполненные планы с их привлекательными, но не реализованными целями. Стратегическое планирование направлено на формулировку целей, определение направления действий. Его качество зависит от знаний разработчиков и уровня анализа конкретной области планирования. А результативность – от выстраивания системы управления, причем речь должна идти не просто о контроле исполнения, а о распределенной системе принятия решений и делегировании полномочий, сохраняющей творческий потенциал участников и исполнителей. И о быстрой корректировке на этой основе стратегии при одновременном постоянном контроле за ходом ее реализации. Т.о., если управленческая среда не меняется, остается прежней, в ней происходят лишь перестановка кадров, а не изменение системы, принципов и методов управления, то образуется разрыв между функциями планирования и управления. Другими словами, результативность планирования определяется формированием системы стратегического управления. Если стратегическое планирование является аналитическим процессом, то стратегический менеджмент – управленческим, требующим организационных изменений, причем эта проблема не решается созданием новых формальных структур управления и контроля.

Важнейшим условием и фактором успешной реализации стратегий инновационного развития является взаимодействие между государственными органами и субъектами инновационной деятельности. Естественно, существуют различия в характере и способах организации взаимодействия между государством и компаниями в различных странах. Давняя общепринятая укрупненная классификация (она представлена практически в любом учебнике экономики (см., например, в [3]) как типология систем государственного управления, иногда с подтипами) включает три следующих основных типа: директивная (исторически в ее рамках и была сформирована первоначально система государственного планирования), смешанная и так называемая система «laissez faire», предоставляющая (теоретически) предпринимателям максимальную свободу деятельности. В настоящее время экономики всех государств мира (за исключением стран, переживающих периоды так называемой «экономики власти» [4]) относятся к тому или иному варианту смешанной формы.

Собственно, в среде смешанной экономике существуют не только институты стратегического планирования, которое отчасти перестает быть директивным, становясь механизмом общественного согласия (консенсуса) тех или иных групп стейкхолдеров, но и появляется необходимость формирования специальных механизмов стратегического управления, в чем не было необходимости в директивной экономике.

Интересно сравнить государственное стратегическое планирование инновационного развития с аналогичными практиками крупнейших технологических компаний. Проведенный анализ позволил выявить ряд различий между практиками стратегического менеджмента как в планировании, так и в сфере управления инновациями между транснациональными и крупнейшими национальными корпорациями, с одной стороны, и государством, с другой. При этом во всех проанализированных случаях существовало взаимодействие в рамках национальной инновационной системы (НИС) между ними и государством, и чем крупнее были корпорации, тем более политическим и индивидуализированным было такое сотрудничество.

По-нашему мнению, стратегическое планирование и управление деятельностью научно-исследовательских отделов и лабораторий крупнейших транснациональных технологических корпораций отличается от управления государственными инновационными программами и имеет ряд преимуществ, связанных с:

- хорошим знанием предметной области и отрасли разработчиками;
- наличием и/или возможностью привлечения крупнейших исследователей и проектировщиков в соответствующей области;
- проведением форсайта инновационного развития отрасли на длительный (10-20 лет) период;
- конкретным и практикоориентированным подходом;
- устойчивостью реализации принятой стратегии на протяжении длительных периодов, превышающих длительность большинства государственных инновационных программ (за исключением оборонных и космических проектов);
- большей быстротой согласования и корректировки программ и проектов;
- единством системы управления;
- постоянным тесным (как формальным, так и неформальным) взаимодействием стратегов, менеджеров, исследователей и разработчиков в рамках одной организации.

Это ставит на повестку проблему развития крупных национальных корпораций как потенциальных центров и координаторов инновационного развития. Причем субъекты инновационной деятельности должны иметь экономическую, а не административную мотивацию ее развития. Но, как мы уже наблюдали на примере «принуждения к инновациям» госкорпораций, повышение их инновационности не имеет однозначных решений.

В теории стратегического менеджмента давно выявлено тесное постоянное динамическое взаимодействие между стратегией, структурой управления и средой деятельности корпорации. Одна из описанных классических ошибок стратегирования состоит в том, что новая стратегия просто накладывается на существующую структуру управления, в то время как структура в теории должна определяться стратегией, и этап формирования структуры управления в процессе стратегического планирования имеет важное значение для ее возможности ее реализации. Но, как ни странно, давно очевидное на корпоративном уровне, имеет элементы новизны на государственном.

Причем нет точного ответа на вопрос, какой способ лучше всего подходит для построения структуры управления реализацией новой стратегии, но есть заведомо неэффективные.

Среди них можно выделить две крайности: наложение новой стратегии на имеющуюся неизменную структуру управления и создание совершенно нового органа управления, стоящего особняком и выпадающего из существующей системы управления.

В первом случае проводимое планирование не подкрепляется, по сути, стратегическим управлением – не создается отвечающий за реализацию программы в целом орган, обладающий полномочиями по ее оперативной корректировке и, в результате – производится лишь формальная отчетность по достижению показателей. Во втором – есть заинтересованный орган управления (и в случае инновационных стратегий, как правило, – лидер/стейкхолдер проекта), но созданная структура выпадает из общей системы государственного управления, порождая, как правило, частичное дублирование функций и проблемы координации. Возникает разрыв между стратегическими проектами и текущим государственным управлением. Проблемы их координации решаются методами ручного управления, – несколько утрируя, можно сказать, что есть стратегическое управление, существуют его субъекты, но нет его институтов.

Разработка и реализация стратегии являются единым процессом, но многостадийная последовательная перестройка структуры управления оказывается утомительной, трудоемкой и сложной работой и по форме, а главное – по существу. Зачастую это решается формально-отчетными процессами разработки, принятия и реализации стратегии. При этом разработка стратегии не сопровождается проработкой этапов перестройки системы управления, т.е. по сути отсутствует как субъект такой перестройки, так и полномочный субъект, ответственный за управление ею. Именно это обрекает иногда качественные на этапе планирования и потенциально эффективные стратегии на последующие неудачи.

Стратегическое планирование определяет цели деятельности, но возможность их реализации зависит не только от его качества, но прежде всего от существующего характера управления, от состава и полномочий лиц, принимающих решения и их управленческих отношений. Т.о., стратегический менеджмент, частью которого является планирование подразумевает существенные изменения принципов управления. По сути, с позиций управления инновационным развитием речь должна идти о перераспределении властных полномочий, организационными изменениями и формировании новых центров ответственности и принятия решений. Собственно, неоднократные попытки создания новых подходов, организационных структур и форм управления инновационным развитием с этим и связаны.

Исторически это проявилось в появлении волн «инновационной моды» (термин автора), когда та или иная форма организации инновационной деятельности получала большее внимание, преимущественную поддержку и государственное финансирование в рамках тех или иных программ и потом постепенно сходила на нет, не приведя при этом ни к выдающимся результатам, ни к системным изменениям национальной инновационной системы. Это относится и к федеральному и к региональному уровням. В качестве лишь пары примеров приведем стратегии формирования технологических платформ и программы развития инновационных кластеров [5].

Существование разрывов и противоречий между изменениями в планировании при переходе к стратегированию инновационного развития и текущим бюджетным планированием,

традиционными практиками управления приводят к его неэффективности – стратегические планы не реализуются в полной мере. Помимо этого, задачи стратегических изменений процессов управления и не ставятся.

Таким образом, стратегическое планирование отрывается от процессов реализации стратегии, а их контроль и оценка становятся формально функционирующей, а не ориентированной на результативность системой. Также страдает скорость реагирования и информационное обеспечение стратегического планирования – увеличивается мера неопределенности внешней среды при одновременном ослаблении и запаздывании реакций на изменения.

Законодательная база стратегического планирования была заложена в 2014 году Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6] и в настоящее время этот закон (с рядом изменений, позднее внесенных в него) составляет основу правового регулирования в сфере стратегического планирования. Впоследствии вокруг закона № 172-ФЗ сформировался пул подзаконных нормативных правовых документов – начиная с уровня постановлений Правительства и заканчивая ведомственными актами (прежде всего, Минэкономразвития).

В то же время, принятие закона № 172-ФЗ стало результатом компромиссов между разношерстными группами стейкхолдеров. В результате несовершенство некоторых положений этого закона, а также неполноценное их отражение во многих корреспондирующих подзаконных актах, приводит к его отставанию от потребностей экономического развития.

Позднее в его обеспечение была создана Федеральная информационная система стратегического планирования (ФИС СП) [7]; сформирован реестр документов стратегического планирования и создан механизм общественного обсуждения стратегий. С 2019 года мероприятия по информационному обеспечению стратегического планирования были объединены в проект «Цифровое стратпланирование» [8], который является частью федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках проекта создается среда взаимодействия участников в сфере стратегического планирования и реализации документов стратегического планирования. Предполагается, что ее формирование повысит эффективность системы стратегического планирования на всех уровнях и обеспечит переход к системе цифрового стратегического государственного управления (перейдя от «среды документов» к «среде данных»).

В частности, в настоящее время в информационной системе отражено более 450 тыс. различных показателей, а в системе стратегического планирования задействовано более 24 тыс. участников (на всех уровнях). Ежегодные расходы на обеспечение стратегического планирования на всех уровнях власти составляют порядка 5 млрд рублей [9]. Однако, несмотря на эти затраты, разработка и исполнение стратегических документов в Российской Федерации пока не привели к реализации целей экономического роста и инновационного развития.

При этом необходимость развития информационной системы стратегического планирования не вызывает сомнения, но она – лишь его техническая (внешняя) оболочка, не влияющая на принципы, лежащие в его основе и содержательные процессы управления инновационным развитием.

Рассмотрим принципы стратегического планирования, определенные в 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [6]. В действующей редакции Закона от 31.07.2020 г. принципы стратегического планирования рассмотрены в седьмой статье. В соответствии с ней, к ним отнесены следующие принципы:

1. единства и целостности,
2. разграничения полномочий,
3. преемственности и непрерывности,
4. сбалансированности системы стратегического планирования,
5. результативности и эффективности стратегического планирования,
6. ответственности участников стратегического планирования,
7. прозрачности (открытости) стратегического планирования,
8. реалистичности,
9. ресурсной обеспеченности,
10. измеряемости целей,
11. соответствия показателей целям,
12. программно-целевой принцип.

Несмотря на то, что перечисленные принципы стратегического планирования являются основополагающими, следует подчеркнуть, что постулирование принципов не срабатывает без выстраивания соответствующих контуров управления и это относится в наибольшей мере к инновационному развитию. С этих позиций особый вес (и особые трудности в реализации) приобретает практическое воплощение следующих принципов седьмой статьи закона: преемственности и непрерывности, реалистичности и программно-целевой принцип.

Рассмотрим подробнее их определения, приведенные в тексте Закона.

Принцип преемственности и непрерывности означает, что разработка и реализация документов стратегического планирования осуществляются участниками стратегического планирования последовательно с учетом результатов реализации ранее принятых документов стратегического планирования и с учетом этапов реализации документов стратегического планирования.

Принцип реалистичности означает, что при определении целей и задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации участники стратегического планирования должны исходить из возможности достижения целей и решения задач в установленные сроки с учетом ресурсных ограничений и рисков.

Программно-целевой принцип означает определение приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, разработку взаимоувязанных по целям, срокам реализации государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ и определение объемов и источников их финансирования.

Наибольшие проблемы реализации этих принципов возникают именно в сфере инноваций, – в практике управления инновационным развитием эти принципы не удавалось успешно использовать и ранее. На сегодняшний день они также не реализуются в полной мере: инноваци-

онные программы и приоритеты сменяют одна другую; целевые показатели задаются (декларируются), а их реалистичность не является предметом анализа; а количество и объем документов стратегического планирования не позволяет их качественно и быстро координировать. Кроме того, стратегии инновационного развития стоят особняком и отчасти выпадают из системы стратегического планирования социально-экономического развития.

Установление сроков, подробная конкретизация и количественное выражение целей безусловно полезны для контроля достижения поставленных целей, но этого недостаточно. Цели должны быть научно обоснованными, что особенно сложно при планировании инновационных стратегий. В настоящее время это, как правило осуществляется при помощи форсайта, но его методы недостаточно надежны. Кроме того, постановка конкретных стратегических целей всегда балансирует между реалистичностью и амбициозностью. При этом, существенным недостатком многих стратегий явилась произвольность определения целей экономического («удвоение регионального валового продукта» и т.п.), инновационно-технологического (увеличение в разы инновационно-активных предприятий и количества инновационной продукции) и социального («не менее двух средних зарплат по региону» и т.д.) развития, не имеющих научного обоснования.

И если, как мы можем видеть на этих примерах, с амбициозностью целей социально-экономического и инновационного развития, как правило, все обстоит благополучно, то с успешной реализацией дела обстоят значительно хуже – существующая система управления развитием не обеспечивает длительную преемственность исполнения стратегических планов, с одной стороны, и возможность их динамичной корректировки, с другой. Кроме того, сам объем стратегического планирования ведет к размыванию ответственности, а создание отдельных проектных офисов не решает этой проблемы – их возможности недостаточны для координации решения задач такого масштаба, а расширение полномочий нарушит существующий баланс системы управления со сложно прогнозируемыми последствиями. Кроме того, отсутствует осознание принципиальной диалектичности развития, по ходу которого неизбежно возникают конфликты интересов отдельных групп стейкхолдеров инновационного развития, и поэтому выстраиваемая система управления не отражает и, соответственно, не предусматривает механизмы открытого и цивилизованного решения таких конфликтов.

Можно сделать вывод, что вышерассмотренные принципы успешно применяются для координирования стратегий социально-экономического развития и существующие механизмы взаимоувязки документов планирования работают, в целом, эффективно. Но в то же время стратегии инновационного развития стоят особняком и выпадают из общей системы стратегического планирования.

Кроме того, ситуация в отраслях, в которых планируется инновационное развития динамично меняется под воздействием активной деятельности конкурентов, давно и плодотворно работающих в них и формирование отраслевых карт развития новых технологий на основе методов форсайта (даже вполне обоснованного) отнюдь не позволяет гарантировать

первенство отечественных инновационных разработок ввиду активной научно-исследовательской деятельности крупных зарубежных технологических игроков, развивающих как свое основное направление, так и диверсифицирующих его в новые области.

Но, главное, – возможности реализации целей развития зависят не только от качества стратегического планирования (его реалистичности, обоснованности и обеспеченности), но и от характеристик и состояния управленческой среды реализации этих стратегий. В случае с планированием инновационного развития, на это дополнительно накладывается его не учитываемая специфика как объекта управления, описанная нами ранее [10], что приводит к формированию механизмов и инструментов управления, не релевантных целям инновационной деятельности экономических субъектов.

Таким образом, нерешенные проблемы координации процессов стратегического планирования с текущими управленческими решениями и практиками государственного регулирования смещают акценты с проблематики собственно планирования инновационных программ на развитие механизмов стратегического управления их реализацией. Можно выделить два кластера такого рода проблем. Во-первых, это проблемы, связанные с имплементацией разрабатываемых стратегий в существующую систему управления, а во-вторых, организация механизмов исполнения, контроля и динамичной корректировки стратегических инновационных программ по ходу их реализации, достаточно устойчивых на длительный период времени и, в тоже время, динамичных.

Кроме того, рассматривая инновационные стратегии, можно сделать вывод о том, что результативность этих программ лимитируется не только механизмами и сложившимися практиками государственного управления, но и качеством институтов, влияющих на их содержание при планировании. Создание проектных офисов по реализации отдельных направлений инновационных стратегий не решает этих проблем.

В свою очередь, качество государственного управления, ограничивающие возможности реализации стратегий инновационного развития остается проблемой Российской Федерации на протяжении длительного времени. Но даже успешное повышение его качества само по себе не будет достаточным для стратегической ориентации российской экономики на цели инновационного развития. Устойчивое инновационное развитие требует многоуровневых последовательных решений государства, меняющих не только социально-экономическую среду, но и формирующих новые качества самих экономических субъектов и механизмы воздействия на них. И если первое и третье находится непосредственно во власти государства, то второе требует времени, необходимого для становления инновационной среды экономической деятельности и связано с массовым появлением широкого круга инновационных партнеров и контрагентов, которые в совокупности ее и образуют.

Общей проблемой всей системы государственного стратегического планирования является замедленная корректировка программ по мере их реализации в случаях резких изменений внешней среды. В инновационной сфере на неповоротливость процессов государственного стратегического планирования и управления накладывается высокий темп и динамизм

современных инновационных процессов. Также недостатком большинства разрабатываемых государственных инновационных стратегий является их формализация и бюрократизация, приводящая к размыванию ответственности за их реализацию и отсутствие лидеров, продвигающих их реализацию.

Накопившийся (и уже обширный) опыт реализации стратегий в России позволяет сделать несколько выводов:

- стратегическое планирование сравнительно успешно реализуется в области экономического развития (за исключением случаев их неполной реализации вследствие периодически возникающих кризисов);

- положение со стратегиями социального развития несколько хуже, что связано с влиянием на их декларируемые показатели популистских целей (особенно ярко это проявляется в предвыборные периоды);

- хуже всего обстоит дело с управлением реализацией стратегий инновационного развития, поколения которых сменяют друг друга, не достигнув целей, в них заложенных. Новое поколение программ, как правило основано на очередных «модных» способах организации инновационной деятельности, сменяющих друг друга и, в случае успеха, образующих лишь отдельные экономические анклавы (как правило, функционирующие при этом за счет активной государственной поддержки и финансирования), не влияющие при этом существенно на функционирование национальной инновационной системы в целом и перераспределяющие возможный бюджет ее развития в свою пользу.

В целом следует согласиться с мнением проф. В. В. Дементьева о том, что: «главная проблема для инновационной деятельности состоит в том, что российская экономика представляет собой экономику власти. Именно характер доступа к правам и ресурсам является доминирующим фактором, который определяет величину доходов, источником престижа, причиной отсутствия доверия и транзакционных издержек. Основной задачей институциональной политики должно стать преодоление «экономики власти». Без этого невозможно обеспечить мотивацию к использованию новых технологий и создать условия для долгосрочного и устойчивого экономического роста» [4, С. 111].

Литература:

1. Инновации в России - неисчерпаемый источник роста. Аналит. отчет МакКинси, 2018 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Innovations%20in%20Russia/Innovations-in-Russia_web_lq-1.ashx

2. Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. ВЭФ, 2019. WEF_Четвертая_промышленная_революция.pdf (weforum.org)

3. Экономика предприятия / под ред. Карлика А.Е., Шухгальтер М.Л. – М., 2009.

4. Дементьев В. В. Инновации: между теоремой Коуза и теоремой Гоббса // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 1. 2019. – С. 95-114.

5. Дежина И. Г. Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? – М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

6. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/386307>.

7. Концепция развития федеральной информационной системы стратегического планирования (ФИС СП), в части цифровой трансформации стратегического управления в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/9b0a513bb42eb526564a8178e813cec2/koncesiya_razvitiya_cifrovoy_platformy_strat_plan.pdf

8. Цифровое стратегическое планирование, Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/cifrovoe_stratplanirovanie/

9. Официальная презентация МЭР проекта «Формирование цифровой платформы для взаимодействия в сфере стратегического управления в целях согласованности действий участников стратегического планирования на всех уровнях государственного управления в достижении стратегических приоритетов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/338344de157a46036ccb4487629f9eb8/Prez_cifrovoe_stratplanirovanie.pdf

10. Джанелидзе М.Г. Инновационное развитие как объект управления // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях. Сборник научных трудов IV национальной (с международным участием) научно-практической конференции. 2020. – С. 352-355.

УДК 338.268

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-41-47

Дорофеева Л. В.

БЮДЖЕТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Государственные программы Санкт-Петербурга разрабатываются на основе приоритетов социально-экономического развития города, определенных стратегией 2035 [4] и стратегий макрорегионов, и нормативных правовых актов о стратегическом планировании в России. Каждая из них уточняется в подпрограммах, которые, в свою очередь, содержат в себе целевые показатели стратегического планирования и объём средств, необходимый для их реализации (показатели бюджетного планирования). Государственные программы являются детализированными документами, включающими в себя конкретные мероприятия, увязанные со статьями расходов. Источники финансирования этих документов подразделяются на бюджет Санкт-Петербурга, федеральный бюджет и государственные внебюджетные фонды.

Всего в Санкт-Петербурге реализуется восемнадцать государственных программ города по наиболее значимым направлениям (таблица 1).

**Таблица 1 – Финансирование государственных программ Санкт-Петербурга
в 2016-2020 гг., млн руб. (составлено автором)**

Наименование государственной программы	2016	2017	2018	2019	2020
Развитие здравоохранения	77860	93156	94694	111750	123551
Развитие образования	104912	122175	135502	161980	162181
Социальная поддержка граждан	59215	68684	75225	82700	87785
Развитие физической культуры и спорта	25965	18230	14883	14377	17792
Развитие транспортной системы	102032	114975	109216	112677	132355
Обеспечение законности, правопорядка и безопасности	6925	7437	8175	9750	12304
Комплексное развитие систем коммунальной инфраструктуры, энергетики и энергосбережения	15775	19512	18618	21988	25652
Развитие сферы культуры	22031	26582	25134	27440	29790
Обеспечение доступным жильем и жилищно-коммунальными услугами жителей	32573	36300	39786	45666	45941
Благоустройство и охрана окружающей среды	5880	7289	7998	11498	13290
Экономическое развитие и экономика знаний	974	1123	1519	1386	1806
Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса	2968	2095	4257	2471	4083
Содействие занятости населения	1507	1365	1493	2039	2413
Развитие предпринимательства и потребительского рынка	1561	1896	1434	1671	1846
Повышение эффективности государственного управления	6714	9726	10116	13218	13235
Экономическое и социальное развитие территорий	6564	5906	6740	9415	15160

Примечание: составлено автором.

С 2017 года в их число была добавлена государственная программа Санкт-Петербурга по развитию туризма. Практически все программы имеют период действия с 2018 по 2023 год включительно. Исключение составляет энергетика, занятость и государственное управление, которые были утверждены в 2019 г. Исходя из того, что доля программных направлений в бюджете города держится на уровне 94-95%, объём средств, выделяемый на реализацию государственных программ, ежегодно увеличивается. Сумма средств каждой государственной программы состоит из совокупности затрат, распределённых по разделам и подразделам бюджетной классификации [2].

Как видно из Таблицы 1, за последние пять лет финансирование государственных программ возросло практически в полтора раза. В 2020 году оно составляет около 696 млрд рублей, что на 59 млрд (или на 9%) больше предыдущего года [1]. Исключительно рост бюджетных ассигнований на протяжении этого срока наблюдается в отрасли здравоохранения, образования, социальной поддержки граждан, обеспечении доступным жильём, охране окружающей среды и государственного управления. Из них в 2 раза возросли расходы на благоустройство, экономику, государственное управление и экономическое и социальное развитие. Единственными направлениями, по которым уменьшилось финансирование, стали спорт и туризм. Рассмотрим распределение бюджетных средств в 2020 году (рисунок 1).

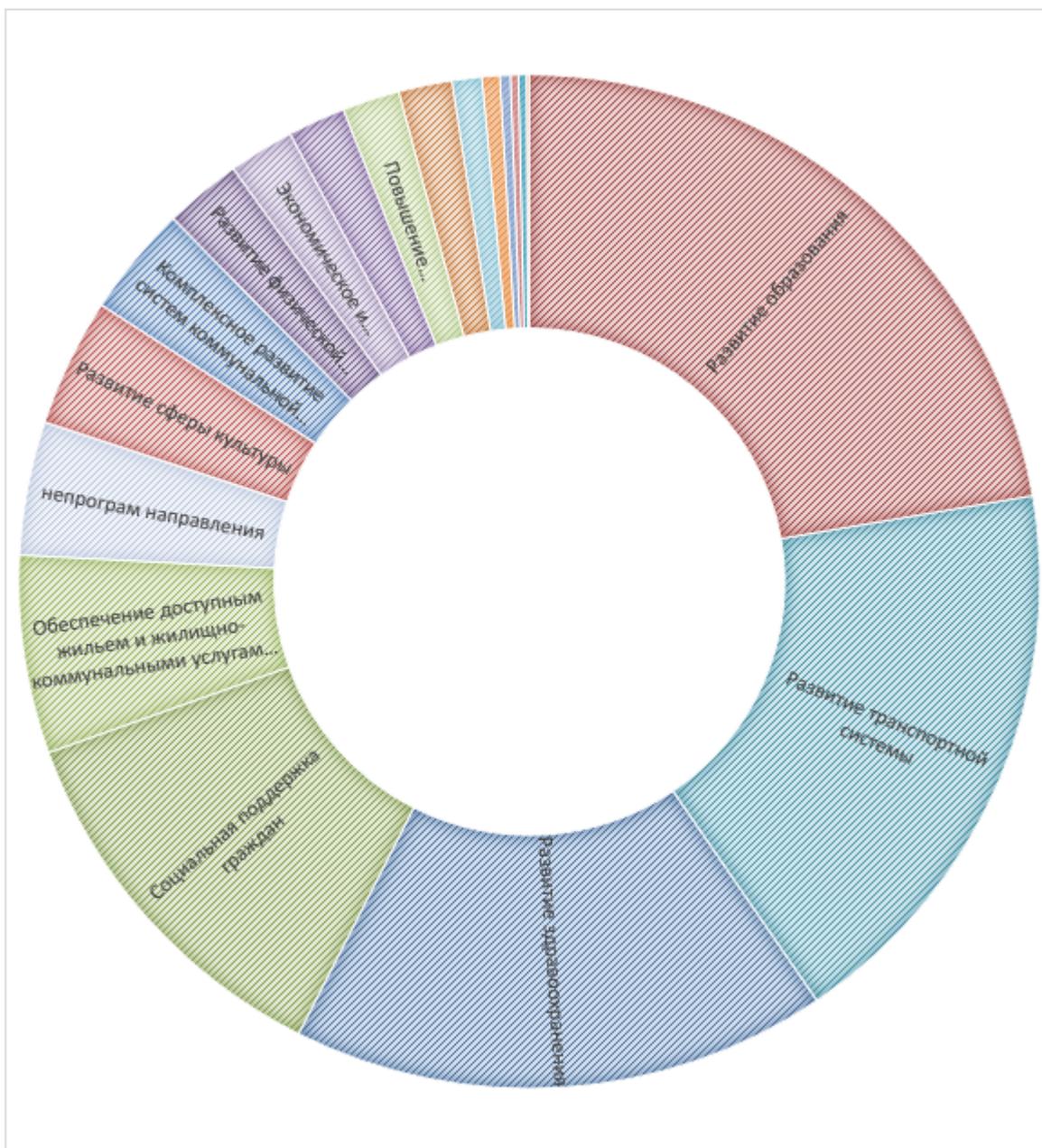

Рисунок 1 – Распределение бюджетных средств в 2020 году по программно-целевым направлениям в Санкт-Петербурге, %

Примечание: составлено автором.

На Рисунке 1 представлена структура расходов бюджета Санкт-Петербурга в 2020 году по целевым направлениям города. Самый большой объем бюджетных ассигнований выделяют на государственную программу, посвященную образованию, на неё тратят практически четверть всего бюджета. Традиционно Санкт-Петербург представляет на своей территории развитый образовательный кластер, которому уделяется значительное внимание со стороны властей. Развитие образовательной инфраструктуры позволяет поддерживать на высоком уровне инновационную активность предприятий города и повышать конкурентную привлекательность как организаций, так и кадрового потенциала [5]. Второе место по расходам занимает транспорт с долей около 20%. В последние несколько лет Санкт-Петербург

успешно реализовал ряд проектов в формате государственно-частного партнерства в области развития транспортной инфраструктуры. Данные проекты, в частности Западный скоростной диаметр (далее – ЗСД), позволил разгрузить основные магистрали города и повысил мобильность населения. При этом в городе сохраняется сложная ситуация с развитием общественного транспорта, которая требует большего внимания от руководства [6]. Чуть меньше финансируется программа по развитию здравоохранения. В 2020 году теме развития медицинской помощи населению на фоне коронавируса уделялось пристальное внимание, встаёт вопрос не просто финансирования данной сферы деятельности, а возможность повышения эффективности государственных расходов. Замыкает четвёрку лидеров по затратам социальная поддержка населения с размером утверждённых финансовых средств в 12%. В общей совокупности на вышеуказанные программы тратится больше 2/3 бюджета.

На остальные четырнадцать государственных программ города приходится 30% бюджетных средств. Затратными среди них являются следующие три: доступное жилье и коммунальные услуги с долей средств в 6,3%; культура – 4,1% и коммунальная инфраструктура и энергетика – 3,5%.

Заметно доминируют в общем объёме денежных средств издержки на социальную отрасль, что согласуется с планом мероприятий по реализации стратегии 2035 [4], где по 2024 год приоритетными являются задачи социальной направленности. Их чистую долю в бюджете можно оценить в 70%. К сожалению, экономика обеспечивается в размере около 3%: на государственную программу по малому и среднему предпринимательству уходит лишь четверть процента финансовых средств, на экономику знаний также, промышленность и инновации обеспечиваются в размере всего 0,56% или 4 млрд.

Сравнивая утверждённый объём бюджетных средств из законов о бюджете и объёмы финансирования, указанные непосредственно в государственных программах, было замечено, что эти суммы отличаются несмотря на то, что в государственные программы вносятся свежие поправки (Таблица 2.). Наиболее существенно числовые показатели выше в программе по развитию транспортной системы, на протяжении трёх лет – на 30%. Соответствующая картина представлена в отрасли здравоохранения (итог больше на 29 млрд), обеспечении льготным жильём, образовании, социальной поддержке.

На развитие коммунальной инфраструктуры, промышленности и малое предпринимательство стабильно утверждается меньше средств, чем требуют мероприятия государственных программ. Единственным направлением, по которому соотносятся бюджеты, является государственное управление. Финансирование оставшихся программ характеризуется неустойчивостью: то превышает показатели, то не дотягивает до них.

Требует отдельного рассмотрения Адресная инвестиционная программа Санкт-Петербурга (далее – АИП), объединяющая расходы развития субъекта. Объём средств, выделяемый на её реализацию, характеризуется разнородностью: год от года он то увеличивается, то уменьшается. Если в 2014 году он составлял 21% бюджета, то в 2020 году – 14%, при сходном числовом показателе.

Таблица 2 – Отличие объёма финансирования государственных программ Санкт-Петербурга, утверждённого в бюджете, от указанного в государственных программах города в 2018-2020 гг., млн руб. (составлено автором)

	2018	2019	2020
Здравоохранение	-12	14148	29061
Образование	1068	7573	16193
Социальная поддержка граждан	2964	1657	6563
Физическая культура и спорт	-371	-766	1598
Транспорт	25136	36853	39450
Законность, правопорядок и безопасность	327	8	3613
Коммунальная инфраструктура и энергетика	-	-120	-30
Культура	68	-674	6060
Жильё и жилищно-коммунальные услуги	4152	5338	10555
Благоустройство и окружающая среда	-286	68	69
Экономическое развитие и экономика знаний	31	-73	344
Промышленность и инновации	-77	-848	-1829
Занятость населения	-	931	1144
Предпринимательство и потребительский рынок	-229	-155	102
Государственное управление	-	3	2
Развитие территорий	5	293	11082
Общественное согласие	-6	-70	1381
Туризм	-27	-21	127

АИП находит выражение в пятнадцати государственных программах Санкт-Петербурга, исключая туризм, содействие занятости и экономическое развитие (Таблица 3.).

В 2020 году треть средств из выделяемых на АИП направляется на развитие транспортной инфраструктуры, пятая часть вкладывается в коммунальное хозяйство. Третье место по инвестированию бюджетных средств занимает обеспечение доступным жильём граждан (12%). По 10% также тратится на сферу образования и здравоохранения. На социальную поддержку, спорт, благоустройство территорий статьи расходов возросли больше, чем в два раза. Объём уточнённых средств 2019 года в АИП сильно отличается от утвержденного. В социальных отраслях он сократился: больше всего в здравоохранении (почти на половину), в отношении социальной поддержки граждан, в сфере физической культуры – на 80%, в благоустройстве. Сокращение бюджета коснулось также экономической сферы: промышленности и поддержки предпринимательства.

В соответствии с национальными проектами Российской Федерации до 2024 года [3] в Санкт-Петербурге реализуется 42 региональных проекта по 11 значимым направлениям, призванным ускорить достижение стратегических целей в ряде важнейших отраслей. Из них субъектом финансируются только 28 по 9 направлениям, не включая обеспечение качественными дорогами и поддержание занятости. Общая сумма средств, выделяемых для этого в 2020 году, составляет 58,5 млрд рублей. 2/3 данных затрат охватывает направление демография, являющееся приоритетным на ближайшие четыре года. Информационные и цифровые технологии в рамках цифровой экономики составляют 10%. Чуть больше 4 млрд

потратят на здравоохранение и жильё. Экология, как меньше всего финансируемая сфера деятельности, отнимет у бюджета около 48 млн рублей.

Таблица 3 – Распределение средств АИП по государственным программам Санкт-Петербурга в 2019-2020 годах (составлено автором)

Наименование государственной программы	Объём средств в 2019 г., млн руб.	Доля в бюджете 2019 г., %	Объём средств в 2020 г., млн руб.	Доля в бюджете 2020 г., %
Здравоохранение	3110	5,61%	9032,5	10,17%
Образование	7060	12,73%	9474,7	10,67%
Социальная поддержка граждан	183,4	0,33%	1084,4	1,22%
Физическая культура и спорт	184,1	0,33%	1786,7	2,01%
Транспортная система	18243,4	32,90%	30220,7	34,03%
Законность и безопасность	115,6	0,21%	113,9	0,13%
Коммунальная инфраструктура и энергетика	15918,9	28,71%	19637,4	22,11%
Развитие сферы культуры	1471,59	2,65%	2208,3	2,49%
Жильё и жилищно-коммунальные услуги	8119,6	14,64%	11366,2	12,80%
Благоустройство и охрана окружающей среды	19,6	0,04%	614,2	0,69%
Промышленность и инновации	902,8	1,63%	2825,8	3,18%
Предпринимательство и потребительский рынок	48,4	0,09%	22,6	0,03%
Государственное управление	32,5	0,06%	189,9	0,21%
Экономическое и социальное развитие территорий	29,5	0,05%	39,7	0,04%
Обеспечение общественного согласия	10	0,02%	200	0,23%

Функционирование системы бюджетного обеспечения стратегического развития Санкт-Петербурга как совокупности бюджетного и стратегического планирования является в достаточной мере сложным процессом. Шестой год только как очерчена действующая стратегическая структура и определены её элементы. Законодательная база регионального уровня в рамках действующей стратегии 2035 полностью сформировалась лишь в 2019 году и пока должным образом не апробирована, что является закономерным явлением.

Целенаправленность, которую преследует бюджетное обеспечение, заключается в повышении эффективности использования бюджетных средств и в возможности бюджета самостоятельно, без ущерба в каких-то отраслях финансово покрывать свои текущие и стратегически ориентированные расходы, выполнять бюджет. Совершенствование системы бюджетного обеспечения стратегического развития – это поиск способов улучшения бюджетного процесса и бюджетного планирования, повышающий гарантированность достижения стратегической миссии и целей. Оно сосредоточено на создание условий для устойчивого развития города. Бюджетирование и стратегическое планирование рассматриваются в неразрывной связи друг с другом, это взаимообусловленные процессы.

В итоге государственная программа является инструментом, в котором соединяются конкретные мероприятия стратегического развития и показатели бюджетного планирования. Они концентрируют в себе около 95% бюджета и ежегодно их обеспечение увеличивается. Для совершенствования системы бюджетного обеспечения стратегического развития Санкт-Петербурга следует реализовать следующие мероприятия:

- создание единой системы обозначения и использования сценариев развития: консервативного, базового и целевого;
- включение в стратегию и социально-экономические прогнозы бюджетных показателей и статей;
- увеличение финансирования предпринимательства, инноваций и промышленности до плановых значений;
- проведение взаимной детализации бюджета в государственных программах Санкт-Петербурга и в региональных проектах субъекта.

Литература:

1. О бюджете Санкт-Петербурга на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов [Электронный ресурс]: закон Санкт-Петербурга от 29 ноября 2019 № 614-132 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. О бюджетном прогнозе Санкт-Петербурга на долгосрочный период 2017-2028 годов [Электронный ресурс]: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28 марта 2017 года № 200 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 № 204 [ред. от 19.07.2018] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года [Электронный ресурс]: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 22 октября 2019 № 740 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Дорофеева Л.В. Становление взаимосвязи между инфраструктурным и инновационным развитием регионов // Вестник образования и развития науки российской академии естественных наук. 2014. № 3. С. 90-94.
6. Дорофеева Л.В. Сущность и особенности инфраструктурного потенциала регионов // Региональная экономика и развитие территорий / Под ред. Л.П. Совершаевой. – СПб.: ГУАП, 2017. 1 (11). – С. 183-189.
7. Официальный сайт Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/

Замятина М. Ф.

ЭКОЛОГО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

В последние годы в научном дискурсе и управлении все чаще используется понятие «народосбережение» как совокупность действий органов управления, цель которых обеспечить не только сохранение, но и рост численности населения в стране и регионах.

Актуальность проблемы народосбережения возрастает, поскольку в большинстве регионов России численность населения сокращается под влиянием естественной убыли; соотношения смертности населения и рождаемости; усиления оттока местного населения из-за недовольства сложившимися в регионах социально-экономическими условиями, снижения притока мигрантов и др.

При анализе этой проблемы регион следует рассматривать как социо-эколого-экономическую систему, в основе которой триединая концепция устойчивого развития, основанная на взаимодействии и взаимозависимости экономической, социальной и экологической подсистем, способствующих решению проблем народосбережения, в решении которой важную роль играют институты, инвестиции, инновации, инфраструктура.

Современные социально-экономическая, демографическая политика, политика социального сектора экономики (здравоохранение, образование) на федеральном и региональном уровнях, имеют одной из главных целей решение проблемы народосбережения.

Важной составляющей этой проблемы является здоровье населения, на состояние которого оказывает негативное влияние эколого-климатический фактор. По данным ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) «вклад» в здоровье населения только одного такого важного фактора как загрязнение воздуха составляет в случае смертей от болезней легких 18%, сердечно-сосудистых заболеваний – 34% [1].

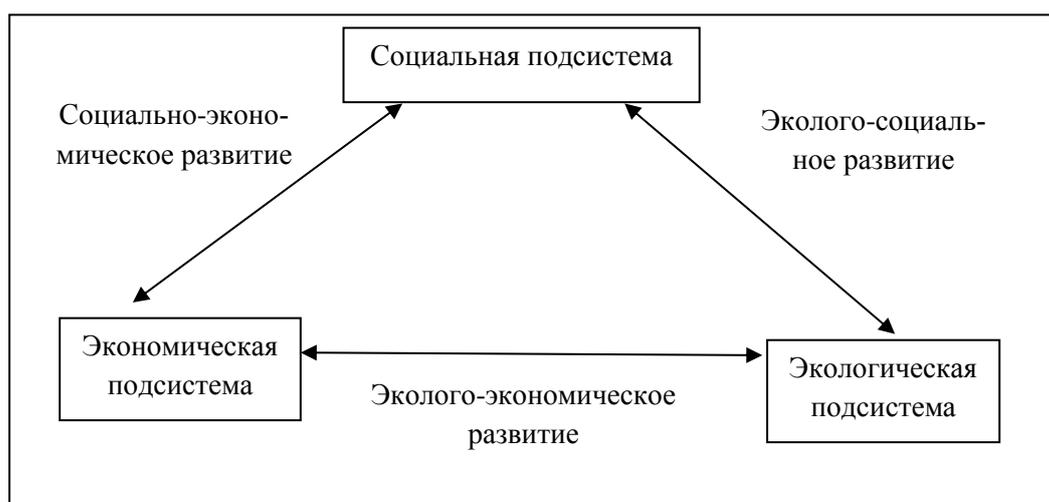

Рисунок 1 – Регион как социо-эколого-экономическая система

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121011190093-2.

В России экономический ущерб как следствие антиприродной деятельности доходит до 6% ВВП, с учетом влияния на здоровье населения – до 15% ВВП, а по экспертным оценкам стоимость ущерба от климатических изменений, которые также оказывают негативное воздействие на здоровье населения, в ряде регионов может составлять до 5–6% ВРП.

Таким образом, для не только сохранения, но и улучшения здоровья населения регионов и муниципальных образований на основе минимизации экологических и климатических рисков необходимо совершенствование институциональной среды на федеральном и региональном уровнях.

К числу основных документов в этой сфере можно отнести следующие.

Программа «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы (Постановление Правительства РФ №326 от 15.04.2014) предусматривала создание экологически безопасной и комфортной обстановки в местах проживания населения, его работы и отдыха, снижение заболеваемости населения, вызванной неблагоприятными экологическими условиями, рост продолжительности жизни городского населения.

К важным нормативно-правовым актам следует также отнести Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ в 2017 году, в которой обоснованы вызовы (глобальные внешние и внутренние) и угрозы экологической безопасности, цели и основные задачи, приоритетные направления и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности, а также механизмы оценки состояния экологической безопасности и контроля за реализацией стратегии [2].

Результатом реализации данной Стратегии должны стать обеспечение экологической безопасности, качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики. Правительство РФ, организуя реализацию государственной политики по обеспечению экологической безопасности, ежегодно представляет Президенту РФ доклад о состоянии экологической безопасности и мерах по ее укреплению.

Следует также выделить Майские указы Президента РФ (2018 года), согласно которым экология впервые была включена в Перечень национальных приоритетов и национальных проектов с целью минимизации негативного воздействия окружающей среды на здоровье населения и разработан национальный проект «Экология», а также Указы Президента РФ о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [3], о национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года [4].

Однако, одним из главных нормативно-правовых актов важным для народосбережения, сохранения здоровья населения является Федеральный Закон №52 в ред. от 01.07.2017 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [5].

Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации прав граждан на охрану здоровья и благополучную окружающую среду, предусмотренных Конституцией РФ. В связи с необходимостью нормирования факторов среды обитания и условий жизнедеятельности человека разрабатываются санитарные правила, которые должны предусматривать комплексные исследования по выявлению и оценке воздействия факторов среды обитания на здоровье населения и прогнозирование социальных и экономических последствий применения санитарных правил (статья 38.2). Государственное санитарно-эпидемиологическое нормирование включает разработку проектов санитарных

правил, экспертизу, публичное обсуждение, утверждение и опубликование санитарных правил. Так атмосферный воздух в местах постоянного и временного пребывания человека не должен оказывать вредного воздействия на человека (статья 20.1), санитарными правилами устанавливаются критерии безопасности и/или безвредности атмосферного воздуха для человека, в том числе ПДК (уровни) химических, биологических веществ и микроорганизмов (статья 20.2). Определены и санитарно-эпидемиологические нормы, требования к водным объектам, используемым в целях питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, а также в качестве оздоровительных, рекреационных целей, в том числе водные объекты, расположенные в границах городских и сельских населенных пунктов, которые, согласно требованиям, не должны являться источником биологических, химических и физических факторов вредного воздействия на человека (статья 18.1). Что касается питьевой воды, то согласно санитарно-эпидемиологическим требованиям к питьевой воде и хозяйственно-бытовому водоснабжению питьевая вода должна быть безопасной в эпидемиологическом и радиационном отношении, безвредной по химическому составу и должна иметь благоприятные органические свойства (статья 13, 13.1). Санитарно-эпидемиологические нормы установлены по сбору, накоплению, транспортировке, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению отходов производства и потребления, процессы выполнения которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания.

Учитывая, что здоровье трудоспособного населения оказывает влияние на условия труда и условия работы, устанавливаются социально-эпидемиологические требования к условиям труда на основе санитарных правил и нормативно-правовых актов (статья 25), согласно которым рабочее место и трудовой процесс не должны оказывать вредного воздействия на человека (статья 25); согласно санитарно-эпидемиологическим требованиям к условиям работы с источниками физических факторов воздействия на человека, условия работы с машинами, механизмами, установками, аппаратами, которые являются источником физических факторов воздействия на человека (шум, вибрация, ультразвуковые, инфразвуковые воздействия, тепловое, ионизирующее излучение) не должны оказывать вредного воздействия на человека и санитарными правилами установлены критерии безопасности и/или безвредности условий работы с источниками физических факторов воздействия на человека, в том числе предельно допустимые уровни воздействия (статья 27.2).

Для оценки, выявления изменений и прогноза состояния здоровья населения и среды обитания, установления и устранения вредного воздействия на человека факторов среды обитания осуществляется санитарно-гигиенический мониторинг и публикуется Государственный доклад о состоянии и санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в Российской Федерации.

Таким образом, в определенной степени, в настоящее время созданы нормативно-правовые основы для реализации федеральной и региональной политики снижения экологической напряженности в регионах, и, как следствие, снижения вредного воздействия экологического фактора на здоровье населения. Однако реальные результаты сохранения здоровья зависят от эффективности реализуемых политик, в том числе качества программ, проектов, мероприятий, обоснованности их показателей, ответственного финансирования и других факторов.

Другая важная проблема – климатические изменения, которые в последние годы стали одним из глобальных факторов, влияющих на здоровье людей (увеличение смертности, заболеваемости). По оценкам ВОЗ причина ежегодных смертей от 1% до 10% в старших возрастных группах в Европе – климатические изменения. К 2050 году число смертельных исходов из-за потепления климата возрастет на 1,0% – 1,5% по сравнению с началом XXI столетия [6]. Для России проблема влияния климатических изменений особенно актуальна, поскольку скорость роста температуры выше средней, особенно в Арктической зоне. Растет количество дней с экстремально высокой температурой, увеличивается продолжительность волн жары (например, лето 2021 года). В регионах, где имеет место не только экстремальное повышение температуры, но и уменьшение осадков, выпадающих в летний период, развивается засуха, процесс опустынивания территорий, перемещающаяся пыль с которых становится причиной повышенной смертности от респираторных и сердечно-сосудистых заболеваний, создаются условия для роста инфекционных заболеваний.

При всей актуальности проблемы негативного влияния климатического фактора на здоровье населения следует отметить, что нормативно-правовая база, способствующая снижению климатических рисков здоровью населения, на федеральном и региональном уровне в настоящее время в России находится в стадии становления.

В 2009 году принята Климатическая доктрина [7], а в 2019 году разработан Национальный план по адаптации к негативным изменениям климата на 2019–2021 годы. В ряде регионов были также разработаны Климатические доктрины (например, Санкт-Петербург), в которых отмечалась необходимость оценки влияния климатических изменений на состояние экосистем, хозяйственную деятельность и условия жизнедеятельности. Среди регионов следует выделить Москву, где на основе проведенных исследований были разработаны рекомендации по адаптации к климатическим изменениям городского хозяйства, секторов экономики и социального сектора. Однако в целом в регионах еще предстоит разработка детальных планов по адаптации к климатическим изменениям, защите здоровья населения при наступлении сильного холода или жары и других чрезвычайных ситуаций, вызванных природными катаклизмами.

Состояние окружающей среды, как важного фактора сохранения здоровья населения, оценивается в Стратегии экологической безопасности как неблагоприятное на территории тех регионов РФ, где концентрируются производственные мощности, продуктивные сельскохозяйственные угодья и большая часть населения (около 15% территории страны). 74% населения России живут в городах и близких к ним территориях, где, как выше отмечалось, повышенный экологический риск здоровью населения обусловлен функционированием объектов энергетики, промышленности, транспорта, капитального строительства. 19% сточных вод сбрасывается в водные объекты без очистки, недостаточно очищенными – 70%, очищенными до установленных нормативов – 11%. В результате от 30% до 40% населения пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам, что способствует повышению риска смертности и заболеваемости населения. Ухудшается состояние земель и почв во всех регионах и это устойчивая тенденция. В хозяйственном обороте находится около 75 млн гектар загрязненных земель, а более 1 млн гектаров составляет площадь нарушенных земель, оказывающих негативное влияние на окружающую среду и, как следствие, на здоровье населения. Актуализируется проблема опустынивания земель, в том числе и под влиянием климатических изменений (высокие температуры, засуха), которое уже имеет место в 27 субъектах РФ.

К числу наиболее острых проблем относится проблема негативного влияния отходов производства и потребления, которых уже накоплено свыше 30 млрд тонн, 340 объектов являются источником потенциальной угрозы жизни и здоровью для 17 млн человек. Ежегодно образуется 4 млрд тонн, из которых 55–60 млн тонн составляют твердые коммунальные отходы (ТКО). Негативное влияние на здоровье населения оказывают и опасные гидрометеорологические явления как источники чрезвычайных ситуаций природного характера (за год около 350 опасных гидрометеорологических явлений), а также опасные геологические явления (землетрясения, оползни, вулканическая деятельность), лесные пожары, эпидемии [2].

В этой связи со стороны населения формируется запрос к власти на решение экологических и климатических проблем, влияющих на здоровье населения, о чем, в частности, свидетельствуют результаты опроса, проведенного ВЦИОМ совместно с Экспертным институтом социальных исследований в 2020 году [8].

Почти половина опрошенных (48%) считают, что забота об окружающей среде является одной из главных задач государства. Самые острые проблемы, по мнению респондентов – это загрязнение водоемов и их берегов мусором (73%), промышленными и канализационными отходами (64%), загрязнение воздуха автомобильными выхлопами (66%), несанкционированными свалками и вывозом бытового мусора (58%). При этом, ухудшение экологической ситуации в последние 2–3 года отмечают 30% респондентов. Наиболее проблемная зона – города-миллионники, а также крупные города (численностью 500–950 тыс. человек). В таких городах большую роль играют факторы окружающей среды и изменений климата, которые по оценкам ВОЗ на 25–30% определяют состояние здоровья горожан [9]. Прежде всего это загрязнение атмосферного воздуха мелкодисперсными взвешенными частицами РМ, (источник – выбросы промышленности, технологии сжигания топлива), шум различной интенсивности и продолжительности, возникновение зон акустического дискомфорта как результат воздействия транспортного шума на здоровье горожан, а также высокий уровень рисков антропогенного, техногенного и природного характера, поскольку крупные города являются «точками» экономического роста, концентрируют население, ведут активную хозяйственную деятельность, имеют разветвленную и протяженную сеть инфраструктурных коммуникаций.

Санитарно-гигиенический мониторинг позволяет оценить влияние факторов среды обитания на здоровье населения субъектов РФ.¹

Комплекс факторов окружающей среды (среды обитания), оказывающих негативное влияние на здоровье населения в субъектах РФ, в результате которого повышается смертность и ухудшается здоровье, включает три группы факторов: социально-экономические, санитарно-гигиенические и факторы, характеризующие образ жизни населения.

Так по данным мониторинга в 2020 году санитарно-гигиенические факторы (химические, биологические, физические) оказывали выраженное влияние на здоровье более чем 93,7 млн человек в 50 субъектах РФ (64,2% населения). Наиболее значимыми факторами, формирующими экологические риски здоровью населения, являются: комплексная химическая нагрузка (химические загрязнения атмосферного воздуха, почвы, питьевой воды, продуктов питания);

¹ Анализ позитивных тенденций и проблем негативного влияния факторов среды обитания на здоровье населения выполнен по результатам санитарно-гигиенического мониторинга, представленным в Государственном докладе «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2020 году».

комплексная нагрузка, связанная с физическими факторами среды обитания (шум, вибрация, ультразвуковое и электромагнитное излучение и т.д.); комплексная биологическая нагрузка (микробиологическое загрязнение питьевой воды, почвы, продуктов питания) [10].

В 2020 году в группу субъектов с наибольшим уровнем влияния комплекса санитарно-гигиенических факторов, влияющих на здоровье населения, вошли 11 субъектов РФ, в числе которых 4 субъекта РФ СЗФО (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская и Новгородская области).

В субъектах РФ 45,5% населения (около 64,9 млн человек) находится под влиянием фактора нездорового образа жизни (несбалансированное питание, алкоголь, табакокурение). В группе субъектов РФ с наибольшим влиянием этого фактора на состояние здоровья входит 10 субъектов, в числе которых 2 субъекта РФ СЗФО (Ленинградская область, Ненецкий автономный округ).

Влияние региональной среды обитания на здоровье населения, зависит, главным образом, от постоянного и многокомпонентного загрязнения атмосферного воздуха поселений, питьевой воды, воды водоемов, используемых для водоснабжения, качества почв территорий населенных мест.

Как положительную тенденцию за десять лет (2011–2020 годы) следует отметить:

- стабильное снижение доли неудовлетворительных проб с превышением ПДК атмосферного воздуха населенных мест РФ (1,86 раза по сравнению с 2011 годом);
- значительное снижение доли проб атмосферного воздуха с превышением ПДК по содержанию свинца, сероуглерода, хлора, хлористого водорода и веществ 3 и 4 класса опасности.

Однако в 2020 году пробы атмосферного воздуха, превышающие уровень 5 ПДК, были выявлены на территории городских поселений в 20 субъектах РФ, в числе которых 3 субъекта РФ СЗФО (Республика Карелия, Калининградская и Мурманская области).

Наиболее сложная ситуация в городах – участниках проекта «Чистый воздух».

«Лидерами» по зарегистрированному превышению ПДК являются:

- Омск (превышение ПДК по 17 из 18 исследуемых веществ – 94,4%);
- Чита (11 из 13 исследуемых веществ – 84,6%);
- Нижний Тагил (26 из 33 исследуемых веществ – 78,8%);
- Братск (19 из 33 исследуемых веществ – 57,6%).

Для всех городов установлен неприемлемый не канцерогенный риск, поскольку в настоящее время кратность превышения допустимых уровней риска в отдельных зонах городов составляет до 10 и более раз.

Неприемлемый канцерогенный риск имеет место в 8 городах, включенных в проект «Чистый воздух». Основное негативное влияние оказывается на органы дыхания, кровь, иммунную систему, процессы развития и пр.

Для каждого города определены приоритетные химические примеси, которые подлежат первоочередному мониторингу, квотированию и включению в план природоохранных мероприятий. Однако, важно, чтобы эти процессы нашли отражение в стратегиях социально-экономического развития регионов и муниципалитетов.

В целом причинно-следственные связи между показателями качества атмосферного воздуха и медико-демографическими показателями свидетельствуют, что в среднем число дополнительных случаев смерти вероятно обусловленных загрязнением атмосферного

воздуха составило в 2020 году 5,1 случаев на 100 тыс. населения, и как положительная тенденция – снижение уровня смертности вероятно обусловленной этими факторами (снижение в 1,9 раза по соотношению к смертности 2012 году).

В 2020 году в целом по Российской Федерации число дополнительных случаев заболеваний от комплекса причин, вероятно обусловленных загрязнением атмосферного воздуха, составило 1032 случаев на 100 тыс. всего населения, взрослого трудоспособного населения – 519,9 случаев, заболеваемость детского населения – 2994,3 дополнительных случаев на 100 тыс. детского населения.

Показатели экологически обусловленной заболеваемости населения в регионах могут рассматриваться как индикаторы качества среды обитания. По данным ВОЗ, в частности, заболеваемость детей бронхиальной астмой, которая обусловлена загрязнением атмосферного воздуха, относится к индикаторам качества среды обитания.

Что касается качества питьевой воды и воды водоемов, используемых для водоснабжения, то здесь можно отметить следующие тенденции.

Доля источников централизованного питьевого водоснабжения, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям, практически оставалась стабильной за период 2011–2020 годы и составила в 2020 году 35,07% (2011 год – 35,35%). Наибольшая доля таких источников (свыше 80%), свидетельствующих о неблагоприятном санитарном состоянии источников централизованного питьевого водоснабжения, в 2020 году была отмечена в трех субъектах РФ (Республика Дагестан – 96,65%, Республика Карелия – 83,01%, Чеченская Республика – 82,9%).

Одной из причин такой ситуации является недостаточное количество зон санитарной охраны и, хотя за 2011–2020 годы доля таких источников уменьшилась на 8,32%, доля поверхностных источников централизованного водоснабжения, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям, составила в 2020 году 28%.

Другая тенденция – относительная стабильность за период 2011–2020 гг. показателей доли проб воды источников централизованного водоснабжения, не соответствующих гигиеническим нормативам. В 2020 году этот показатель составил по санитарно-химическим показателям 26,06% (2011 год – 29,59%), по микробиологическим существенно меньше – 3,86% (2011 год – 5,4%), паразитологическим – 0,43%.

Как еще одна тенденция – ухудшение по санитарно-химическим показателям за период 2011–2020 гг. качества воды водоемов I категории, используемых в системе питьевого и хозяйственно-питьевого водоснабжения, поскольку увеличилась доля проб, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям (2011 год – 22,07%, 2020 год – 30,34%). Качество воды по микробиологическим показателям несколько улучшилось, паразитологическое загрязнение за этот период оставалось стабильным.

Наиболее высокий уровень загрязнения воды водоемов I категории химическими веществами в 2020 году был отмечен на территории 4 субъектов РФ (более 80% проб, не соответствующих санитарным требованиям по санитарно-химическим показателям) включая г. Москва (82,7%), а доля проб, не соответствующих требованиям по микробиологическим показателям (более 50%) отмечена также в 4 субъектах РФ, включая Санкт-Петербург (92%).

В 2020 году в водоемах II категории более 50% проб воды не соответствовало требованиям по санитарно-химическим показателям в 5 субъектах РФ, из которых 2, входящих в состав СЗФО (Санкт-Петербург – 83,5%, Новгородская область – 51,4%); по микробиологическим показателям – в 4 субъектах РФ, в числе которых Санкт-Петербург (75,2%) и Москва

(52,8%); также 4 субъекта выделяются как наиболее неблагополучные территории по паразитологическим показателям.

На качество и безопасность питьевой воды кроме исходного состояния источников централизованного водоснабжения существенное влияние оказывает качество технологий очистки, водоподготовки, обеззараживания и т.д., а также состояние водопроводных и распределительных сетей. Мониторинг свидетельствует, что в 2020 году в 5 субъектах РФ 50% водопроводов не соответствовало требованиям санитарного законодательства.

Доля населения РФ, обеспеченного качественной питьевой водой из централизованного водоснабжения, в 2020 году составляла 86,5%, и, хотя эта доля увеличилась по отношению к 2019 году, целевой показатель (87,8%) оказался не достигнутым.

Население РФ помимо централизованных источников водоснабжения использует также и нецентрализованные (7,743 млн человек, в том числе сельская местность – 6,107 млн человек, городские поселения – 1,635 млн человек).

За последнее десятилетие доля источников нецентрализованного водоснабжения, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям, изменялась незначительно.

Улучшение (снижение) имело место только по микробиологическим показателям (2020 год – 17,59%, 2011 год – 19,53%), увеличение наблюдалось по санитарно-химическим показателям (2020 год – 29,88%, 2011 год – 25,98%) по паразитологическим показателям (2020 год – 0,28%, 2011 год – 0,1%).

Соответственно субъекты РФ, в которых низкое качество воды нецентрализованного водоснабжения (доля проб питьевой воды, не соответствующих санитарным требованиям по санитарно-химическим и микробиологическим показателям более 50%), можно рассматривать как территории риска. Такая ситуация в 2020 году имеет место по санитарно-химическим показателям в 4 субъектах РФ, по микробиологическим показателям – также в 4 субъектах РФ.

В ходе мониторинга нарушения гигиенических нормативов наиболее часто регистрируются по таким веществам как кремний, бром, железо, хром, литий, натрий, марганец, стронций, бор, сероводород и др.

В структуре заболеваемости населения, вероятно обусловленных водным фактором, преобладают болезни мочеполовой системы, кожи и подкожной клетчатки, костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезни эндокринной системы и нарушения обмена веществ.

Качество питьевой воды в 2020 году вероятно способствовало формированию 9,24 случаев смерти на 100 тыс. всего населения, а число дополнительных случаев заболеваний как следствие воздействия этого фактора в 2020 году составило 938,07 случаев на 100 тыс. населения и 1898,17 случаев на 100 тыс. детского населения.

На здоровье населения существенное влияние оказывает также состояние почв территорий субъектов РФ. Как положительную тенденцию следует отметить небольшое снижение доли проб с превышением гигиенических нормативов в 2020 году по отношению к 2011 году (1,97%). Доля почв, не соответствующих по санитарно-химическим показателям, снижалась с 2011 года по 2019 год, затем наметилась тенденция к увеличению, а по микробиологическим и паразитологическим показателям тенденция снижения характерна для всего десятилетнего периода.

Ситуация в регионах по загрязнению почвы значительно дифференцирована. Так наиболее высокий уровень санитарно-химического загрязнения почв в 2020 году был отмечен в 9 субъектах РФ, в числе которых из СЗФО 2 субъекта (Новгородская и Мурманская области),

по микробиологическому загрязнению – 10 субъектов РФ, в их числе Архангельская область и Республика Карелия.

Как положительную тенденцию за последнее десятилетие следует отметить некоторое улучшение качества почв селитебных территорий (снижение доли проб, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям – 4,08%, микробиологическим – 2,73%, паразитологическим – 0,68%). Однако в 2020 году на территории 24 субъектов РФ, в числе которых Новгородская, Мурманская, Вологодская, Архангельская области, среднероссийский уровень загрязнения почв селитебных зон химическими веществами был превышен более чем в 1,5 раза.

Высокий уровень загрязнения почв селитебной зоны тяжелыми металлами (доля проб, несоответствующих гигиеническим нормативам) в 2020 году наблюдались в 10 субъектах РФ, в их числе Новгородская и Мурманская области; по микробиологическим загрязнениям почв – 19 субъектов РФ, в числе которых Новгородская, Архангельская области, Республика Карелия, по паразитологическому загрязнению почв – также 19 субъектов РФ, включая Архангельскую, Новгородскую области, Республику Коми.

Для здоровья детей наиболее опасная ситуация сложилась в 6 субъектах РФ, в которых среднероссийский уровень микробиологической загрязненности почв на территории детских учреждений и детских площадок в 2020 году был превышен в три и более раз (доля проб с превышением гигиенических нормативов: Архангельская область – 22%, Республика Карелия – 16,14%, Новгородская область – 12,87%).

Антропогенные и природные факторы, оказывающие негативное влияние на состояние почв (загрязнение почв выбросами промышленных предприятий, в том числе тяжелыми металлами, автотранспортом; техногенные и природные аварии, катастрофы, пожары), климатические изменения усиливают риски здоровью населения, способствуют развитию инфекционных и паразитарных заболеваний. Так, например, в среднем по России число дополнительных случаев некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний детского населения, вероятно обусловленных загрязнением почвы, составляет 577,97 случаев на 100 тыс. детского населения.

Таким образом, хотя за последние десятилетия наметился ряд позитивных тенденций по снижению уровня негативного влияния факторов среды обитания на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и его здоровье, по многим загрязнителям темпы снижения невелики и во многих субъектах РФ сохраняется относительно высокий уровень загрязнения по отдельным природным средам, что негативно влияет на здоровье населения и обостряет проблему формирования и развития человеческого капитала – главного фактора устойчивого развития регионов.

Пандемия COVID-19 усилила негативное влияние факторов среды обитания на здоровье населения, состояние санитарно-эпидемиологического благополучия. Это обстоятельство актуализирует внедрение методов проектного и целевого управления экологическими и климатическими рисками для здоровья населения, в том числе на основе совершенствования санитарно-гигиенического мониторинга и использования его результатов в разработке стратегии развития регионов и муниципалитетов.

Важное значение в решении проблемы оздоровления региональной среды обитания и сохранения здоровья населения имеет переход страны и регионов к устойчивому развитию.

Признание огромного ущерба от экологической деградации для качества жизни, основной составляющей которого является здоровье населения, способствовало эволюции концепции устойчивого развития в направлении ставшей приоритетной проблемы сохранения здоровья человека.

В последние десятилетия в реализацию концепции устойчивого развития внесены существенные изменения, главным образом, в результате принятой «Повестки для в области устойчивого развития на период до 2030 года», глобальных целей устойчивого развития (ЦУР) и Парижского саммита по изменению климата [11]. В этих документах усилено внимание к здоровью человека, влиянию эколого-климатического фактора на здоровье населения, его взаимосвязи с устойчивым социо-эколого-экономическим развитием.

Если в целях развития тысячелетия ООН на период 2000–2015 гг. со здоровьем населения были связаны две задачи (улучшение качества жизни, обеспечение населения чистой питьевой водой), входящие в цель 7 «Обеспечение экологической устойчивости», то в ЦУР эколого-климатический фактор здоровья занимает более существенное место.

Анализируя ЦУР можно выделить те цели, которые непосредственно или опосредовано связаны с проблемой народосбережения, снижением экологических и климатических угроз для здоровья человека (рис. 2)

Для достижения целей устойчивого развития, минимизации рисков здоровью необходим переход регионов к экологически устойчивому развитию, включение этого процесса в программы, проекты, стратегии развития страны и регионов. В 2017 году Правительству РФ Президентом РФ дано поручение «предусмотреть при разработке документов стратегического планирования и комплексного плана действий Правительства РФ на 2017–2025 годы в качестве одной из основных целей переход России к модели экологически устойчивого развития» [12].

В рамках этого поручения были выделены две задачи, связанные со здоровьем населения:

- переход России к модели экологически устойчивого развития, позволяющий обеспечить в долгосрочной перспективе эффективное использование природного капитала при одновременном устранении влияния экологических угроз на здоровье населения;
- подготовка предложений по разработке нормативов качества окружающей среды с учетом оценки рисков причинения вреда здоровью человека на основе санитарных норм и правил, а также с учетом качества отдельных компонентов природной среды.

Такой переход требует не только совершенствования федеральной и региональной экологической политики, но и изменений экономического ландшафта на основе перехода от линейной модели развития региональной экономики к новым моделям экономики («зеленая», циркулярная экономика, биоэкономика), которые позволяют решать экологические и экономические проблемы одновременно. Также необходимо повышение роли бизнес-сообщества в экологически устойчивом развитии российских регионов, включая внедрение интегрированных систем управления компаниями (качество, экология, здоровье, безопасность), учет ЦУР в стратегиях, программах, проектах, развитие публичной нефинансовой отчетности с учетом ESG-факторов (экологические, социальные, корпоративно-управленческие); перераспределения финансовых потоков с ориентацией на ЦУР, развитие ответственного инвестирования с учетом ESG-факторов, повышение экологической культуры представителей власти, бизнеса и населения.

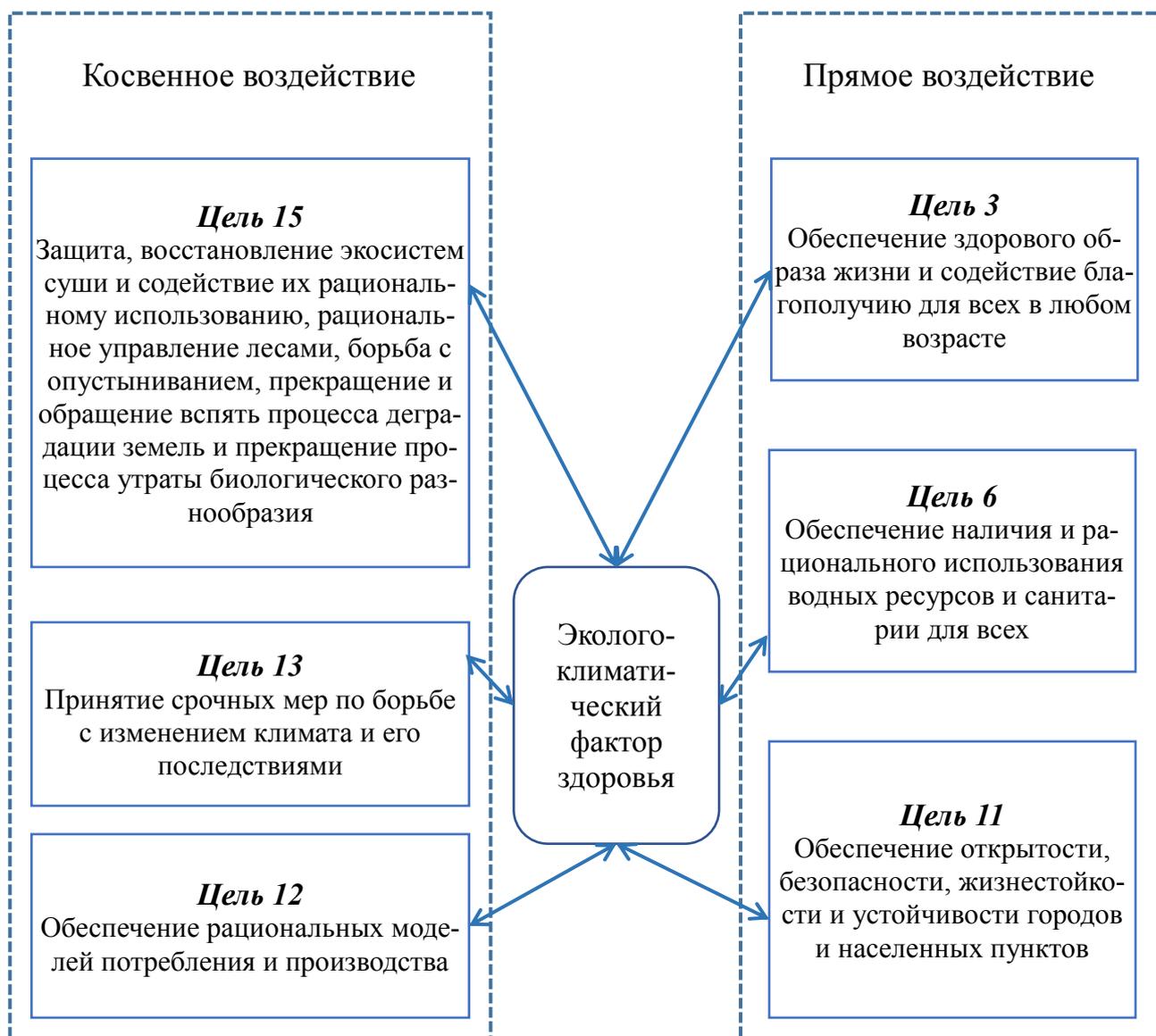

Рисунок 2 – Связь эколого-климатического фактора здоровья с целями устойчивого развития

Скорость перехода к экологически устойчивому развитию страны и ее регионов определяет темпы оздоровления региональной среды обитания, снижения экологических и климатических рисков здоровью населения, то есть создаются предпосылки для народосбережения регионов России. Важная роль в этом процессе принадлежит региональным элитам, наличию в их составе управленцев нового типа, обладающих высоким профессиональным уровнем, включающим эколого-климатические компетенции.

Литература:

1. Нейра М. Изменение климата – это еще и кризис здоровья. Project-syndicate. 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/climate-change-health-crisis-by-maria-neira-2019>
2. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года.

Указ Президента РФ от 19.04.2017 №176 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201704200016.pdf>

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ №204 от 7 мая 2018 года № 204 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ №474 от 21.07.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>

5. Федеральный закон №52 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 01.07.2017 №521) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/

6. Ревич Б.А., Малеев В.В., Смирнова М.Д. Изменение климата и здоровья: оценки, индикаторы, прогнозы / Под редакцией д.м.н., проф. Ревича Б.А., к.ф.-м.н. Кокорина А.О. — М.: ИНП РАН, 2019. 196 с.

7. Климатическая доктрина Российской Федерации. Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 №861-рп [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94992/

8. Аналитический доклад Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>

9. Человек в мегаполисе: Опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А.Ревича и О.В. Кузнецовой. — М: ЛЕНАНД, 2018. 640 с.

10. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в РФ в 2020 году» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rosпотребнадзор.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=18266

11. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>

12. Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии РФ в интересах будущих поколений» от 27.12.2016 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53602>

Кайсарова В. П.,
Кайсаров А. А.

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ КРУПНЕЙШЕГО ГОРОДА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Современный этап развития России привел к возникновению феноменального явления урбанизации: в 15 крупнейших городах с численностью населения выше миллиона граждан концентрируется 30,5% городского населения всей страны. Особенности и особая роль таких городов рассматривалась такими авторами, как Анимица Е.Г., Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С., Коломак Е. А., Ильин А. А., Коледа А. В., Лаппо Г. М., Лимонов Л.Э., Ходачек А.М. и другие. В трудах Занадворова В. С., Занадворовой А. В., Кухтина П.В. поднимается и анализируется двойственный характер концентрации большого числа населения на ограниченной территории, а многообразие современных концепций развития городов и решений проблем урбанизации исследуются Н.В.Зубаревич, И.И.Ильиной, В.П. Кайсаровой, Н. Лонгворт, Э.Муир, А. Кингом и другими учеными. В зарубежных научных работах Я. Правина, С.Пателя, Я. Гейла и других исследователей доказывается комплексность концепции устойчивого развития городов.

Многофункциональность, новаторство, большую концентрацию элитарного населения, экономико-географическое положение, особую среду, быструю мобилизацию ресурсов и динамизм как наиболее характерные черты этой группы городов в России выделил Г. М. Лаппо (2012). Ученый отметил благоприятное взаимовлияние и взаимодействие этих особенностей, что, по его мнению, превращает эти территории страны в арену постоянных изменений и трансформирует в центры-лидеры [12, 356]. Но для их развития требуется иметь фундамент для нивелирования ряда многочисленных проблем урбанизации [8,11]. Профессор и консультант Европейской комиссии Н. Лонгворт, принимая во внимание системность и многоаспектность городов, выделяет основные сферы, где сосредоточены проблемы и рычаги роста в XXI веке [28].

Результаты исследований группы ученых Совета по технологической стратегии Правительства Великобритании в 2013 году на основе данных Лаборатории городов и междисциплинарных команд обосновали круг проблем и точек роста для будущих решений по проектированию «городов будущего» в этой стране [29] (рисунок 1).

Для глобальных проблем городов в настоящее время применяются разные концепции развития-описательные абстрактные представления о реальных способах и факторах развития, а также их методики и путь, по которому необходимо следовать для достижения поставленной цели [23,125]. Такие концепции имеют цель – проектирование процветания и жизнеспособности будущего этих особых территорий мира. Проведенный нами анализ научных источников позволяет выделить некоторые из них. Например, английские исследователи главным критерием, который определяет доминирующую концепцию, считают модель развития. Они уделяют внимание каждому проблемному элементу. Окружающую среду и социальную сферу, экономику и управление эти исследователи выделили в качестве

ключевых для развития городов страны в будущем и определили лидирующие модели, создают гибридный подход для решения проблем каждой из сфер города [29]. Результат был подтверждён изучением частоты упоминания концепций городов будущего (рисунок 2).

Возобновляемая энергия	Защита окружающей среды	Креативность (новые навыки)	Бедность
Глобализация		Неравенство и дискриминация	
Межкультурный диалог	Развитие сообществ	Иммиграция	Городская регенерация
Непрерывное профессиональное образование	Обучающие организации	Здоровье	Терроризм
Стареющее население	Изменение климата	Культура и наследие	Рост населения
Устойчивость	Интернационализм	Консультация (привлечение людей)	IT технологии

Рисунок 1 – Проблемы и точки роста городов XXI века по мнению ученых Совета по технологической стратегии Правительства Великобритании

Источник: составлено авторами по [29].

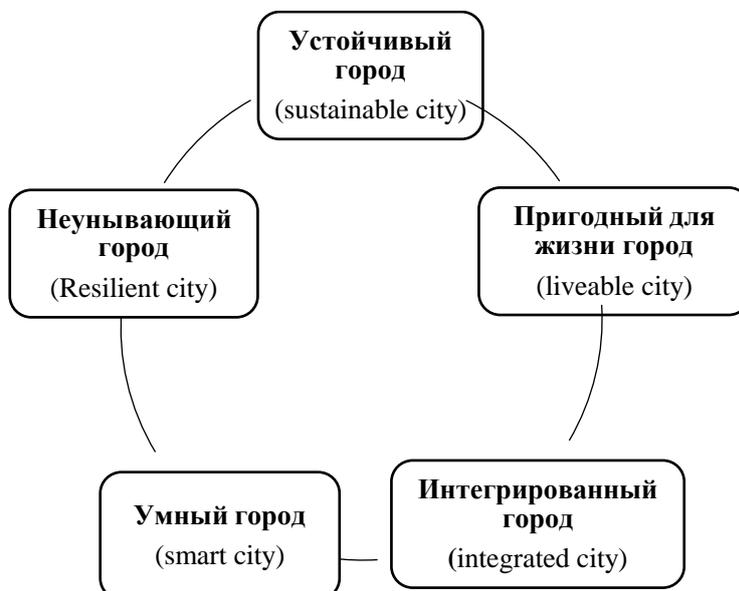

Рисунок 2 – Гибридный подход в концепции города будущего ученых Совета по технологической стратегии Правительства Великобритании [29]

В центр решения урбанизационных проблем, например, Ян Гейл в работе «Города для людей» (2010) поставил обеспечение живого, безопасного, устойчивого и здорового города (рисунок 3) [4, 230].

Рисунок 3 – Концепции развития города по Я. Гейлу

Составлено авторами по: [4, С. 234].

Ученый отмечает важность взаимодействия всех гипотез развития, как ключевое условие успеха [4, С. 230]. Понятие устойчивости он наделяет широким значением. В его содержание он включает сложное и объемное понятие социальной устойчивости, когда гражданским сообществом принимаются вводимые изменения с целью развития, а также осознается ответственность за эти изменения [25]. Отметим, что существует мнение о том, что сама парадигма устойчивого развития является совокупной и всеобъемлющей в системе концепций. Многие исследователи признают ее обязательным условием для успешного управления городом [27]. В своих работах и Д. Кейнс указывал, что города – это главные рычаги экономического развития [9].

На основе изученных теоретических и специальных источников, можно утверждать, что любой подход к управлению городом известные эксперты рассматривают с главной целью – достижение городом его устойчивости развития, поскольку города становятся двигателями своей производственной мощности и всей экономики страны [5]. И их рассматривают как места сосредоточения ресурсного потенциала страны в виде человеческих, трудовых, экономических, промышленных, культурных, духовных ресурсов [3]. Это превращает их в административные, экономические, промышленные, культурные, торговые, инновационные центры [1].

Среди особых признаков для крупнейших городских поселений в России выделим, во-первых, максимальную концентрацию людей на ограниченной территории, а именно - свыше одного миллиона граждан. Такая особенность, по мнению экспертов, считается неформальным знаком развитости территории поселения [1]. Во-вторых, в результате концентрации ресурсов максимально раскрывается экономическая эффективность [10, С. 208]: снижаются издержки из-за близости и многообразия отраслей («внешняя экономия от масштаба» или «эффект локализации») [11, С.72].

До пандемии COVID-19 в России динамика валового регионального продукта за 2019 год подтверждает экономическую роль крупнейших городов (рисунок 4) [16].

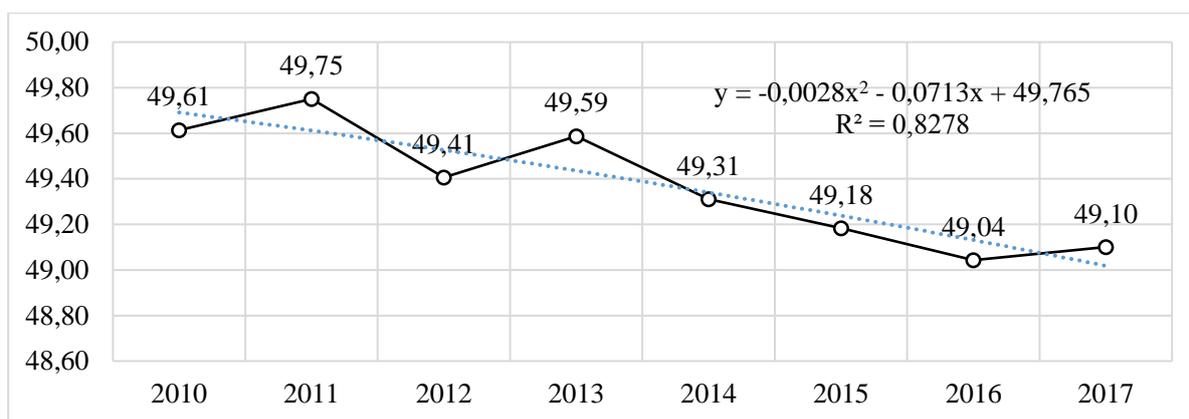

Рисунок 4 – Динамика доли крупнейших городов в ВВП по РФ в 2010- 2017 гг. до пандемии COVID-19, %

Составлено авторами по [16].

Данные на графике связаны с традиционным сравнением субъектов РФ, что дает однородность анализа и определяет характер развития городов-миллионеров [17]. Они в России формируют половину ВВП всей страны, но за 2010-2017 гг. наблюдается небольшое снижение показателя, несмотря на то, что, например, в 2019 году Санкт-Петербург произвел 47,18% ВВП в Северо-Западном федеральном округе [16].

Согласно исследованию «World-city Network», на глобальном уровне Санкт-Петербург вносит вклад в фундамент международного влияния страны, выполняя свою политическую, управленческую и информационную роль [24, С.631-639]. Но его место на региональном, федеральном и международном уровне зависит от прогресса более крупных территорий [13]. Численность населения города составляет 3,6% от числа всех проживающих в России и 4,9% среди городского населения страны [18]. Это значимо для исследования устойчивости развития и понимания новых процессов после пандемии COVID-19, чтобы для целей управленческого воздействия определить дальнейшие тенденции отдельных сфер и провести работы по корректировке стратегических документов.

Единый рынок труда и доступная инфраструктурная система делает крупнейший город благоприятным местом размещения как крупных предприятий, так и малых. И для Санкт-Петербурга это обусловлено еще и ростом его роли и популярности как места проживания и жизнедеятельности значительного числа жителей, интересом значимых для страны компаний. Но его уникальность связана также и с тем, что это- центр развития современной цивилизации, место сосредоточения большинства человеческих ресурсов, капитала и инвестиций. Поэтому города-миллионеры, Санкт-Петербург и Москва, по мнению ряда исследователей, больше похожи на целостные регионы [15, С.43]. Два города имеют статус городов федерального значения, являются субъектами РФ, в них создана система административных органов управления и прочные внутренние связи, идет постоянная работа по сбалансированному развитию крупных и вспомогательных отраслей, а также выделяются специализированные отрасли, реализуется ряд функций (административный и деловой центр, транспортный узел и др.) [26, С.45-53].

Отметим, что в рамках концепции «sustainable city» в 1992 году в документе «Повестка дня на 21 век» впервые была отмечена необходимость измерения устойчивости [14]. Сегодня мы находим в научной литературе и специальных изданиях многообразие подходов к оцениванию устойчивости урбанизированных территорий: от международного подхода (ООН, Всемирный банк, ОЭСР и т. д.) [19, С. 143] до оценивания на региональных местных уровнях (например, отечественные разработки для Москвы, Воронежской, Томской областей и т.д.) [2]. Однако научным пробелом по-прежнему является отсутствие единой и общепризнанной методологии. Оценивание отдельной территории сопровождается уникальной системой индикаторов. Это затрудняет сравнительную оценку, но позволяет учитывать особенности городов, регионов и стран. Диверсификация в измерении устойчивости методологических подходов позволила нам выделить два основных направления (рисунок 5).

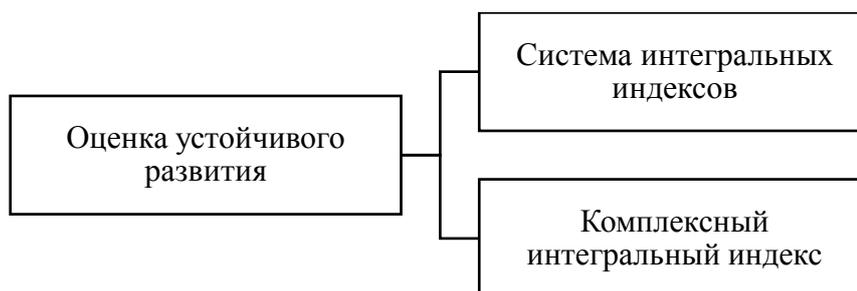

Рисунок 5 – Подходы к оценке устойчивого развития территории

Составлено авторами по: [19, 143-154]

Так, система интегральных индексов представляет собой расчеты индивидуальных показателей социальной, экономической, экологической и институциональной устойчивости, а расчет интегрального индекса- это способ получения комплексной оценки территории [20]. Поэтому для Санкт-Петербурга была применена расширенная система интегральных индексов при оценке устойчивости: экономических, экологических, социальные, культурных и институциональных, которые были сгруппированы в систему (таблица 1).

Таблица 1 – Индикаторы для оценки устойчивого развития крупнейшего города

Сфера развития города	Направление/ Отрасль	Показатель	
1	2	3	
1. Социальная сфера	Доход	1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	
	Жилье	2. Обеспеченность общей площадью жилья, кв. м/чел.	
	Здравоохранение		3. Численность населения на одну больничную койку, человек
			4. Заболеваемость на 1000 человек населения, (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)

Сфера развития города	Направление/ Отрасль	Показатель
	Образование	5. Охват детей дошкольными образовательными учреждениями, в процентах от численности детей соответствующего возраста;
		6. Число общеобразовательных учреждений (без вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений) (на начало учебного года)
	Социальная поддержка	7. Среднемесячный размер социальной поддержки на одного пользователя, рублей
	Транспорт	8. Пассажирооборот автобусного транспорта общего пользования, млн. пассажиро-километров
	Труд	9. Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек
2. Экономическая сфера	Безработица	10. Уровень безработицы в Санкт-Петербурге (по методологии Международной организации труда), %
	Инвестиции	11. Инвестиции в основной капитал, млн рублей
	Инновации	12. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн рублей
	Кластеры	13. Число предприятий и организаций (на конец года; по данным государственной регистрации)
	Предпринимательство	
	Производство	14. Индекс промышленного производства, % к предыдущему году
	Строительство	15. Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности строительство, миллионов рублей)
3. Культурная сфера	Гражданское общество	16. Численность зрителей театров и число посещений музеев на 1000 человек населения
	Инфраструктура	17. Число зданий учреждений культурно-досугового типа, требующих капитального ремонта
	Мероприятия	18. Количество событий культурной жизни Санкт-Петербурга
	Наследие	19. Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр
	Традиции	
	Толерантность	20. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, %

Сфера развития города	Направление/ Отрасль	Показатель
	Туризм	21. Доля отрасли «Гостиницы и рестораны» в ВРП региона, %
4. Окружающая среда	Вода	22. Объем оборотной и последовательно используемой воды, миллионы кубических метров
	Воздух	23. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тысяч тонн
	Рациональное использование ресурсов	24. Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, тысяча рублей
	Экология и климат	
	Энергия	
	Зеленые зоны	25. Общая площадь зеленых насаждений в пределах городской черты, га
Отходы	26. Вывезено твердых коммунальных отходов на объекты, используемые для обработки отходов, тысяча кубических метров	
5. Институциональная сфера	Взаимодействие внешнее	27. Удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта, %
	Взаимодействие внутреннее	
	Государственные услуги	
	Планирование	
	Местное самоуправление	28. Численность работников органов исполнительной власти 29. Субъектов российской федерации и органов местного самоуправления, человек
	Открытость	30. Удовлетворенность населения информационной открытостью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (процент от числа опрошенных)
	Электронное правительство	31. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, %

Источник: составлено авторами.

Выбор показателей был обусловлен не только опытом измерения устойчивости регионов России [20], но и наличием статистических данных в открытом доступе на порталах [22]: государственной и региональной статистики (Росстат [22], Петростат [21], ЕМИСС [6]). Массив первичных данных по Санкт-Петербургу формировался за 2004–2017 годы, стандартизированные коэффициенты для сопоставимости данных определены на основе многомерного сравнительного анализа по каждому показателю: для показателей, максимальное значение которых расценивается как наилучшее, по формуле (1) и по формуле (2) для тех из них, где минимальное значение расценивается как наилучшее:

$$k_i = \frac{x_{ij}}{x_{\max i}} \quad (1)$$

$$k_i = \frac{x_{\min i}}{x_{ij}} \quad (2)$$

где: x_{ij} – i -е значение j -го показателя в крупнейшем городе;

$x_{\min i}$ – минимальное значение j -го показателя среди всех значений;

$x_{\max i}$ – максимальное значение j -го показателя среди всех значений.

Интегральный индекс устойчивости крупнейшего города по социальному, экономическому, культурному, институциональному и блоку окружающей среды был определен на основе стандартизированных коэффициентов по формуле (3):

$$I_i = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n k_{ij}^2}{n}} \quad (3)$$

где: I_i – интегральный индекс устойчивости крупнейшего города по блоку;

k_{ij} – стандартизированный коэффициент i -го значения j -го показателя;

n – сумма всех показателей j .

Определение пороговых значений для интегрального индекса устойчивости города по блокам имело шесть пороговых границ: от высокой до абсолютно неустойчивой (таблица 2).

Таблица 2 – Интерпретация значений интегрального индекса устойчивости сфер крупнейшего города

№	Границы	Интерпретация
1	2	3
1	$0,90 < I_i \leq 1,00$	Высокая устойчивость
2	$0,75 < I_i \leq 0,90$	Средняя устойчивость
3	$0,50 < I_i \leq 0,75$	Минимальная устойчивость
4	$0,25 < I_i \leq 0,50$	Признаки неустойчивости
5	$0,10 < I_i \leq 0,25$	Неустойчивость
6	$0,00 < I_i \leq 0,10$	Абсолютная неустойчивость

Составлено автором по: [20].

Апробация расчётной методологии оценки устойчивости на примере Санкт-Петербурга позволила получить результаты за 2006-2017 гг. (таблица 3).

Таблица 3 – Уровень устойчивого развития сфер Санкт-Петербурга в 2006–2017 гг.

Год	Экономическая сфера	Социальная сфера	Окружающая среда	Культурная сфера	Институциональная сфера
1	2	3	4	5	6
2006	0,56 (3)	0,84 (2)	0,83 (2)	0,76 (2)	0,95 (1)
2007	0,63 (3)	0,82 (2)	0,82 (20)	0,87 (2)	0,99 (1)
2008	0,67 (3)	0,82 (2)	0,65 (3)	0,93 (1)	0,86 (2)
2009	0,59 (3)	0,86 (2)	0,53 (3)	0,93 (1)	0,82 (2)
2010	0,65 (3)	0,87 (2)	0,69(3)	0,86 (2)	0,90 (2)
2011	0,68(3)	0,88 (2)	0,52 (3)	0,74 (3)	0,82 (2)
2012	0,77 (2)	0,87 (2)	0,60 (3)	0,70 (3)	0,81 (2)
2013	0,74 (3)	0,88 (2)	0,61 (3)	0,72 (3)	0,84 (2)
2014	0,75 (3)	0,87 (2)	0,72 (3)	0,67 (3)	0,76 (2)
2015	0,76 (2)	0,90 (2)	0,81 (2)	0,65 (3)	0,86 (2)
2016	0,88 (2)	0,90 (2)	0,83 (2)	0,65 (3)	0,87 (2)
2017	0,86 (2)	0,93 (1)	0,84 (2)	0,65 (3)	0,90 (2)
\bar{x}	0,71 (3)	0,87 (2)	0,70 (3)	0,76 (2)	0,87 (2)

Рассчитано авторами по: [16].

Каждому показателю из таблицы 3 в скобках дано интерпретационное значение границы индекса устойчивости по таблице 2. Согласно усредненным данным в Санкт-Петербурге: институциональная, культурная и социальная сфера обладают средней устойчивостью, а экономическая сфера и окружающая среда имеют минимальный уровень устойчивого развития. Так, подробная динамика экономической устойчивости оценена как минимальная за период, несмотря на то, что за 2017–2018годы она имела средний уровень устойчивости. Следует отметить, что рост индекса наблюдается за весь период, что подтверждает растущая линия тренда. Максимальное значение экономической устойчивости в городе достигнуто в 2016 году, однако в 2017 году отмечено его небольшое снижение. Социальная сфера получила наивысший показатель устойчивости за все 12 лет. Ее изменения имеют более переменчивый характер. Рост характеризует линия тренда социальной устойчивости, где наблюдаются регулярные спады значений за 2007–2008, 2012 и 2014 год и максимальная устойчивость была достигнута в 2017 году (0,93).

Расчеты показали наличие долгосрочного периода с низкими значениями индекса культурной устойчивости города в 2008–2013 гг., но в 2017 году достигнута его максимальная величина за период (0,84). Анализ институциональной сферы показывает тенденцию к снижению значений устойчивости за 2006–2017, 2008–2010, 2011–2012, 2014 годы в Санкт-Петербурге, когда наблюдалось наибольшее снижение значений устойчивости города в этой сфере. Максимальное значение показателя отмечено в 2006–2007 гг. Схожая динамика наблюдается в оценке устойчивости окружающей среды: индекс за анализируемый период

постепенно снижался, сменяя высокую устойчивость на среднюю. Переломный момент в развитии окружающей среды города наблюдался в 2011 году.

Таким образом, полученные интегральные индексы устойчивости развития для пяти сфер городской жизнедеятельности Санкт-Петербурга за 2006–2017 гг. до пандемии COVID-19 показали разнонаправленную динамику: экономическая, социальная и культурная устойчивость характеризовались растущими значениями индексов, но с повышенной волатильностью за 12 лет. Институциональная устойчивость и устойчивость окружающей среды имели тенденцию к плавному снижению за весь анализируемый период. Но даже в допандемийный период в городе прослеживается явная тенденция хаотичного развития. Пандемия, безусловно, не будет способствовать динамической устойчивости города и сбалансированности развития. Это доказывает необходимость проведения экспертизы и корректировки содержательных аспектов утвержденной стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга.

Литература:

1. Анимиаца Е. Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupneyshie-goroda-rossii-v-kontekste-globalnyh-urbanizatsionnyh-protsessov>
2. Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В. Индикаторы устойчивого развития для городов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/indikatory-ustoychivogo-razvitiya-dlya-gorodov>
3. Бутова Т.В., Голобородова О.В., Рашкеева И.В., Крупнейшие города в период глобализации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupneyshie-goroda-v-period-globalizatsii>
4. Гейл Я. Города для людей. – М., 2012.
5. Глухова Е. В. О роли городов в развитии мировой экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=127>
6. Единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fedstat.ru/>
7. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала. 2010.
8. Кайсарова В.П. Городское управление: Уч. пос. – СПб.: СПбГУ. 2006. 110 с.
9. Кейнс Д. М. Общая теория занятости. – М., 1998.
10. Карякин В. В. Крупный город в современной архитектуре мироустройства. 2013.
11. Коледа А.В., Семькина О.И. Эволюция отраслевой структуры экономики города. – М.: 2011.
12. Лаппо Г. М. Города России. – М., 2012. – С. 356.
13. Организация стратегического планирования устойчивого развития крупных городов: теоретические и методологические аспекты / Я. И. Никонова, М. В. Каркавин, Е С. Димакова; под ред. А. Г. Ивасенко. 2008.
14. Повестка дня 21 века. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
15. Сигов И. И. Региональная экономика (понятийный аппарат) / Под ред. Литовки О.П. –СПб: Сев-Зап. секция содействия развитию экон. науки. 2002. 200 с.

16. Служба государственной статистики Росстат Ф. Официальная статистика. Официальные счета. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#; Регионы России. Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016

17. Сабирова Л.М. Роль городов-миллионников в региональной социально-экономической системе (на примере городов Приволжского федерального округа) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gorodov-millionnikov-v-regionalnoy-sotsialno-ekonomicheskoy-sisteme-na-primere-gorodov-privolzhskogo-federalnogo-okruga>

18. Служба государственной статистики Росстат Ф. Официальная статистика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b16_29/Main.htm

19. Третьякова Е. А. Оценка устойчивости развития эколого-экономических систем: динамический метод // Проблемы прогнозирования. 2014. №. 4 (145). – С.143-154.

20. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. – Вологда: ИСЭРТ РАН. 2017. 355с.

21. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/

22. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/

23. Фролов Д. П., Соловьева И. А. Современные модели городского развития. 2016. – С. 125.

24. Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J. World-City Network: A New Metageography? 2011. – С. 631-639.

25. Development and Development Paradigms. Food and Agriculture organization of the United Nations [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fao.org/docs/up/easypol/882/defining_development_paradigms_102en.pdf

26. Eger J. M. Smart growth, smart cities, and the crisis at the pump a worldwide phenomenon. – 2009. – С. 47-53.

27. Yigitcanlar T. et al. Can cities become smart without being sustainable? A systematic review of the. 2018.

28. Longworth N. Learning Cities Dimensions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.thersa.org/globalassets/pdfs/city-growth-commission/evidence/learning-city-dimensions.pdf>

29. Moir E., Moonen T., Clark G. What are future cities? Origins, meanings and uses [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/337549/14-820-what-are-future-cities.pdf.

Кузнецов С. В.,
Горин Е. А.

ЭКОНОМИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В 2021 ГОДУ: ИЗМЕНЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРИОРИТЕТЫ

Положительная динамика общественного социально-экономического развития базируется на прогрессивных изменениях во всех элементах государственного устройства и всех сферах жизнедеятельности, но, в первую очередь, на эффективной работе конкретных хозяйствующих субъектов, формирующих в своей совокупности единый народнохозяйственный механизм, а как результат – благосостояние и качество жизни населения.

Состояние и изменения в деятельности конкретных предприятий и организаций являются ярким показателем общественного благополучия и успешности проводимой экономической политики, а через комплекс социальных взаимоотношений, важным компонентом качества жизни населения.

Более того, наряду с осуществлением общественно значимых производственных функций, именно в коллективах предприятий и организаций реализуются коллективистские и творческие возможности, формируется позитивный уровень социального самочувствия индивида, в противовес все более распространяемым негативным тенденциям изоляционизма, чему способствует и пандемия коронавируса. Для большого числа жителей нашей страны благосостояние и ощущение социальной стабильности в значительной степени определяется трудовыми взаимоотношениями в рабочем коллективе и возможностью самореализации на производстве.

Здесь подчеркнем, что «стремление к научному прогрессу, усиленное стремлением к признанию и уважению, также было и остается могущественным человеческим мотивом» [1]. Именно последнее, необходимо в случае новаторской деятельности, становится фундаментом для инициативы и творчества, является основой успешного функционирования малых и средних высокотехнологичных предприятий, активного использования новаций во всех сферах экономики. Как итог – стимулом и мерилем инновационного процесса, показателем успешности экономической политики.

Весьма интересными являются оценки руководителями различных по профилю деятельности и продуктовым сегментам, численности и встроенности в цепочки государственных поставок предприятий и организаций их производственной деятельности, ее изменений, стимулов и барьеров для инновационного развития.

Такие исследования проводились и ранее (в 2016 и 2019 гг.) среди предприятий-членов Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга. Обычно осуществлялось выделение пяти групп (1 – крупные промышленные предприятия, 2 – малые и средние промышленные предприятия, 3 – научные и проектные организации, 4 – организации инженерной инфраструктуры, 5 – организации образования, финансов, торговли), а изучаемые параметры оценивались по критерию от 1 (не влияет) до 5 (сильное влияние) [2].

В предлагаемой работе представлены результаты очередного этапа исследований состояния экономики Санкт-Петербурга в 2021 году, проанализированы последствия экономического кризиса, санкционных ограничений и эпидемиологических сложностей через изменения в деятельности организаций и предприятий Санкт-Петербурга. Имелась возможность оценить трансформации в петербургской деловой среде на основе наблюдаемой динамики в сравнении с данными проводимых ранее исследований [3]. Выявляемые изменения, проблемы и тенденции служат дальнейшим ориентиром для принятия рациональных управленческих решений, в том числе при реализации Концепции промышленной политики Санкт-Петербурга до 2025 года [4]. На рис.1-3 представлены результаты такого анализа по итогам 2020 года в деятельности различных групп предприятий и организаций.

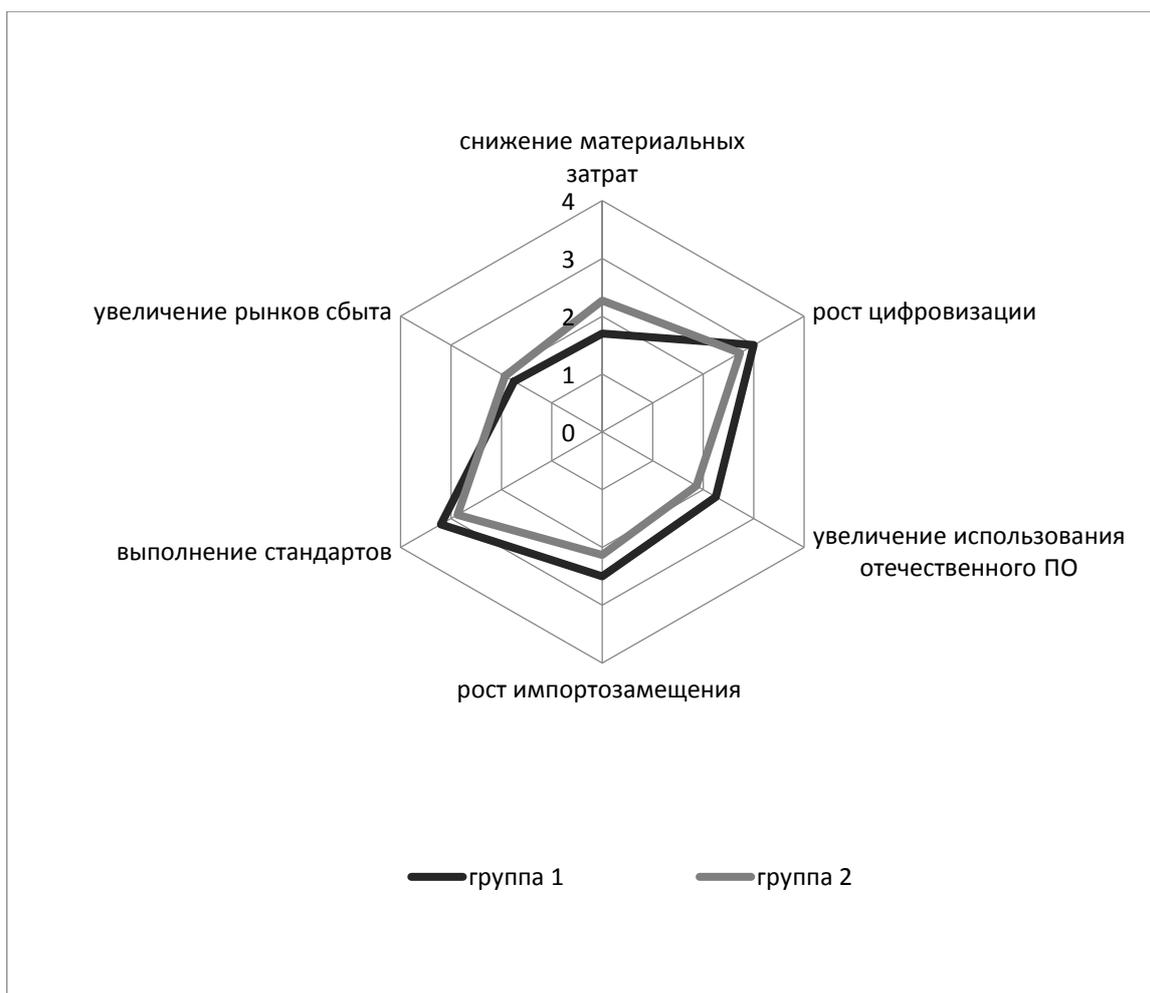

Рисунок 1 – Изменения в деятельности крупных промышленных предприятий (группа 1) и малых и средних промышленных предприятий (группа 2) за 2020 год

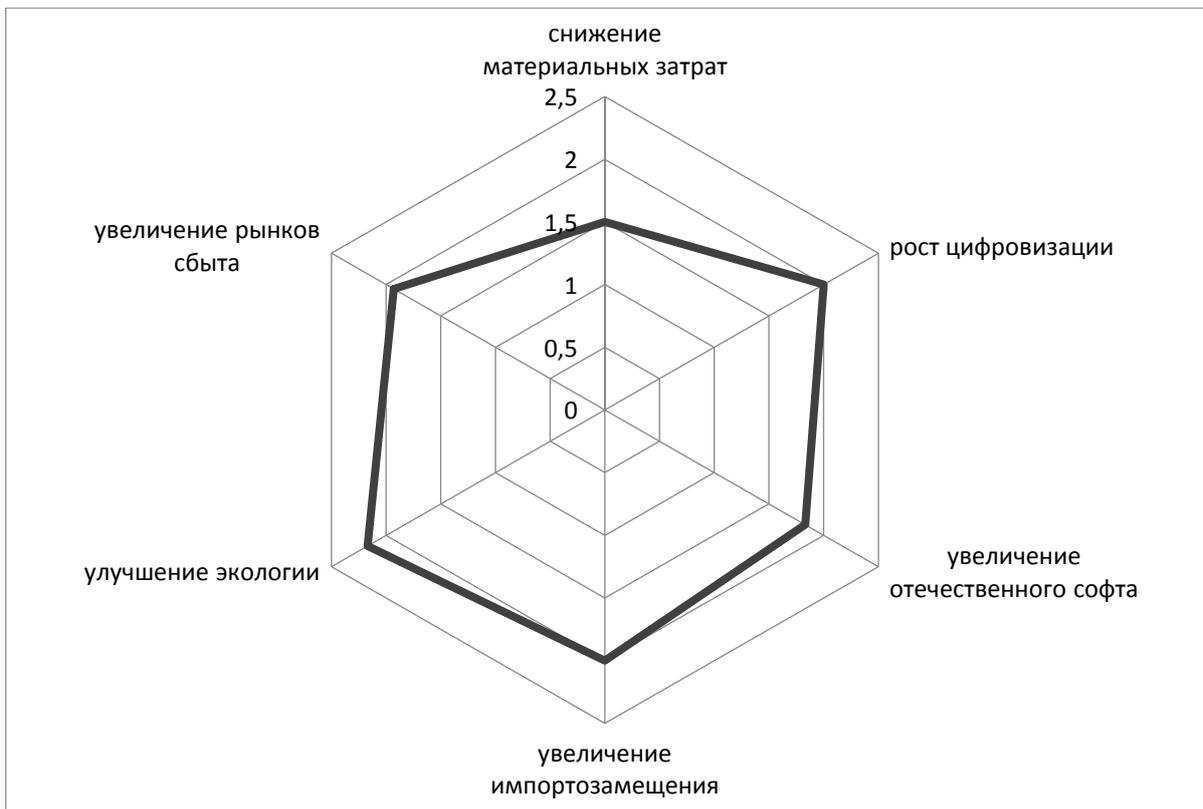

Рисунок 2 – Изменения в деятельности организаций и предприятий инженерной инфраструктуры (группа 4) за 2020 год

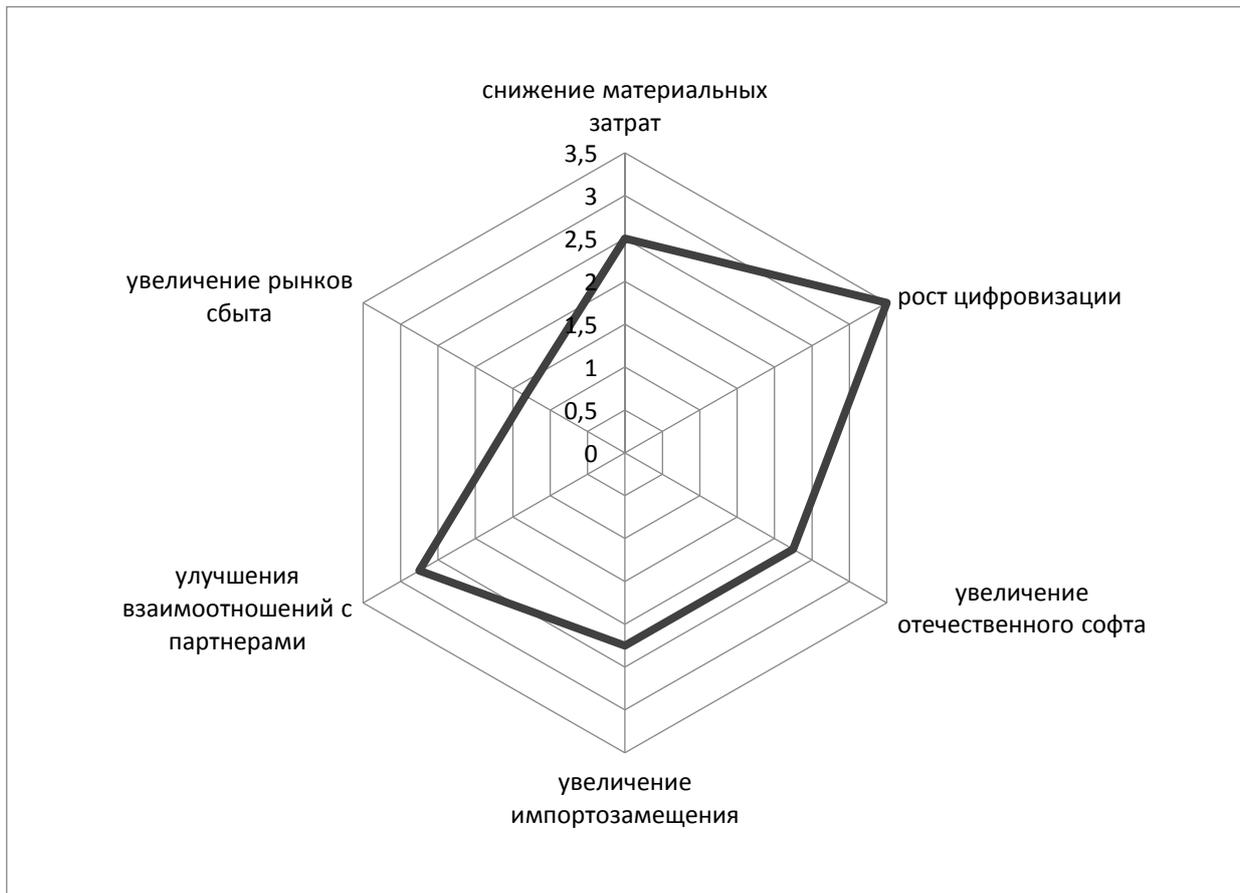

Рисунок 3 – Изменения в деятельности организаций образования, финансов, торговли (группа 5) за 2020 год

Несмотря на все сложности 2020 года, серьезных изменений в промышленном секторе не произошло, большинство предприятий и организаций смогли усилить позиции в цифровизации и импортозамещении, а промышленные предприятия отметили улучшение в соблюдении стандартов, государственных требований и экологических норм.

Естественно, что регламенты и нормативные акты, в первую очередь, выполняются и контролируются в корпорациях и крупных промышленных предприятий, в результате в большей степени учитываются и отражаются на их деятельности. Для малых и средних промышленных предприятий в качестве дополнительной нагрузки выросли затраты на материалы и энергоресурсы, свободных финансовых средств на экологические цели у них не было.

На рис.4 приведены наиболее существенные факторы, влияющие на производственную деятельность промышленных предприятий. Основными сдерживающими развитие составляющими, наряду со стабильно сохраняющимися финансовыми проблемами, стали расходы на транспортировку и ценовой рост покупных комплектующих изделий и материалов, особенно для малого и среднего производственного бизнеса. Сохраняется задача обеспечения эффективного информационного обмена, в первую очередь, для небольших самостоятельных производственных коллективов.

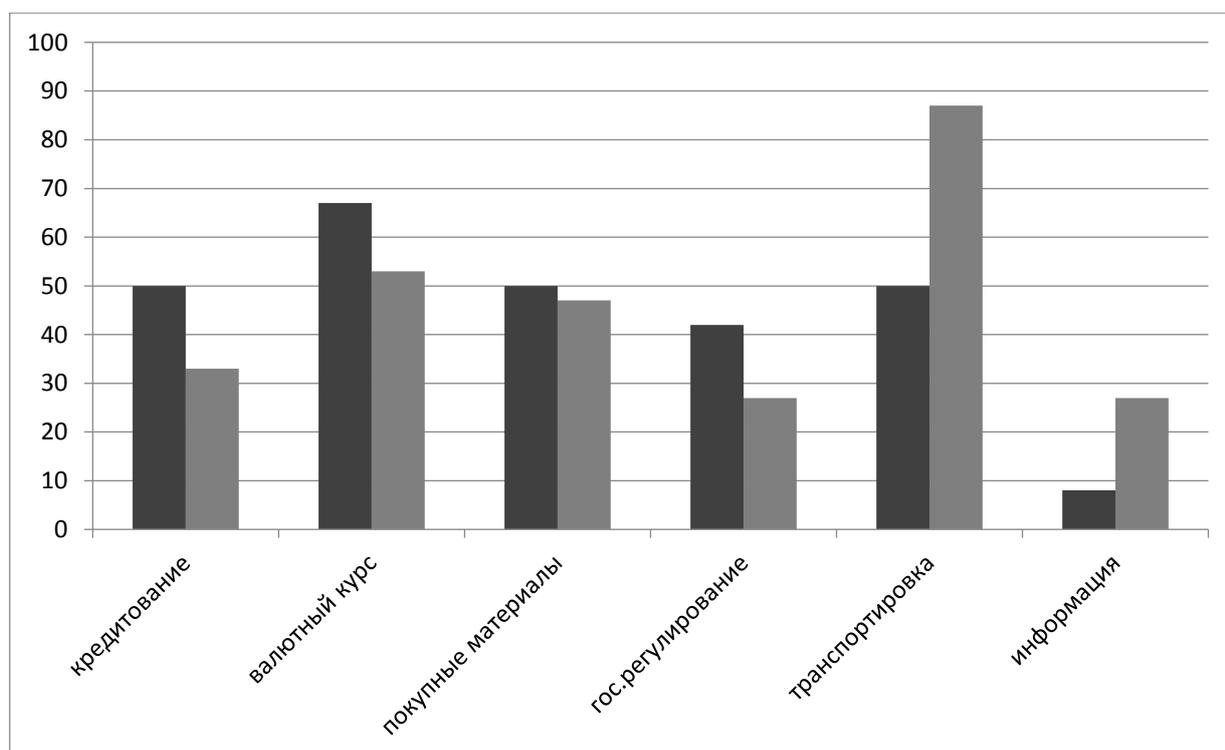

Рисунок 4 – Наиболее существенные факторы, влияющие на производственную деятельность (в процентах от числа опрошенных): крупных промышленных предприятий (первый столбец), малых и средних промышленных предприятий (второй столбец)

Аналогичный анализ по выявлению факторов, ограничивающих рост производства для крупных и средних предприятий обрабатывающих отраслей, регулярно проводимый Комитетом по промышленной политике, инновациям и торговле Санкт-Петербурга [5], и изменение значимости этих факторов, продемонстрированы на рис.5.

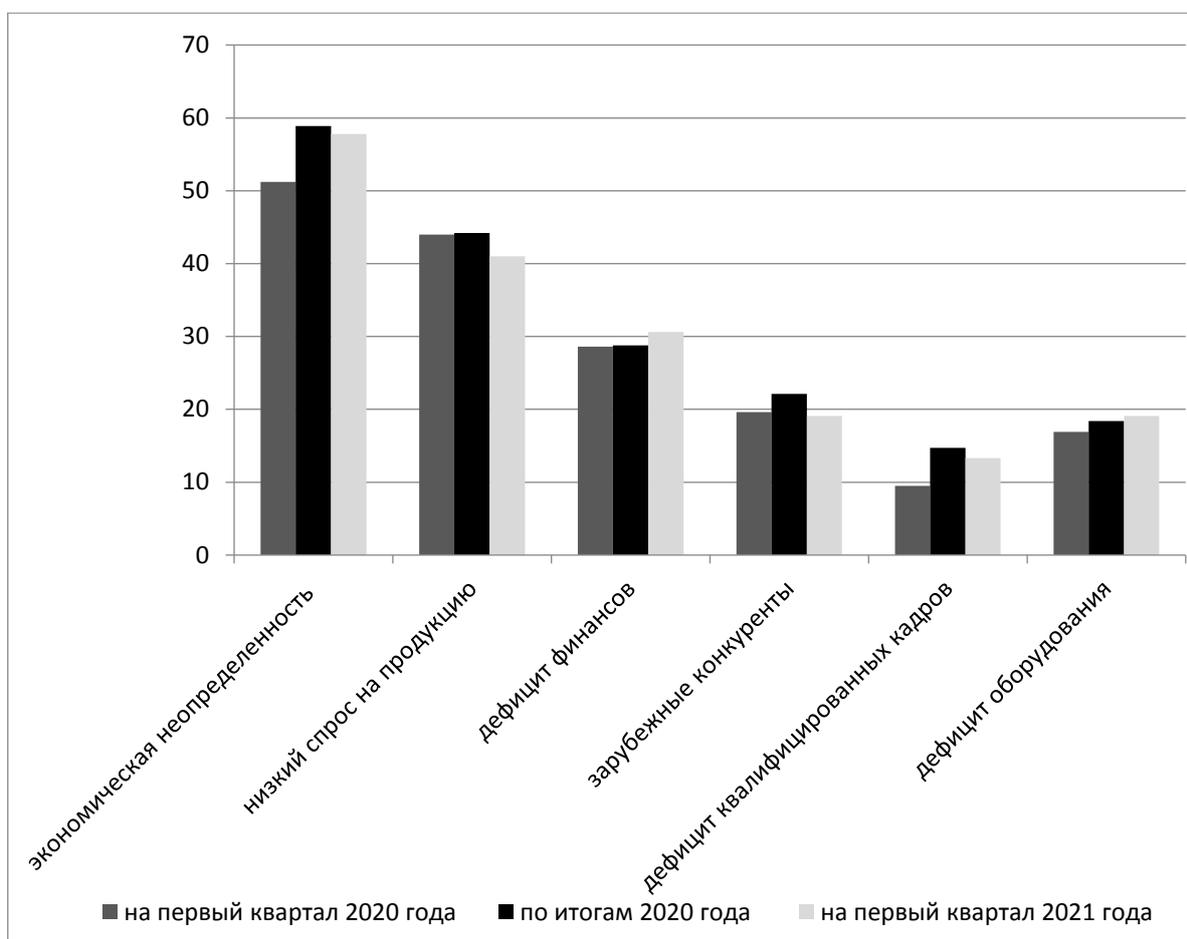

Рисунок 5 – Факторы, ограничивающие рост производства для крупных и средних предприятий обрабатывающих отраслей (по данным [5], в процентах от числа опрошенных)

Хотя дефицит квалифицированных кадров не занимает доминирующего положения для предприятий Санкт-Петербурга в силу значительного регионального научного и образовательного потенциала, однако определенные проблемы по обеспеченности специалистами инженерного профиля, а особенно, высококвалифицированными рабочими отметило большинство респондентов. Эффективная работа внутри производственного коллектива может основываться только на ценностной ориентации работников, согласованности их интересов в системе социально-трудовых отношений и формировании сопричастности к деятельности предприятия [6]. Поэтому, как показывает рис.6, на небольших промышленных предприятиях, имеющих компактную структуру и обычно ориентированных на производство небольшой номенклатуры наукоемкой продукции, формируется творческий климат в коллективе, что обеспечивает большую привлекательность для молодежи и, соответственно, большую стабильность инженерных кадров.

Постоянный дефицит квалифицированных рабочих с практически гарантированным трудоустройством при росте оплаты их труда стал причиной увеличения со стороны молодежи интереса к получению среднего специального образования, роста конкурса в колледжи, в которых за последние годы значительно улучшилась материальная база и выросло качество обучения.

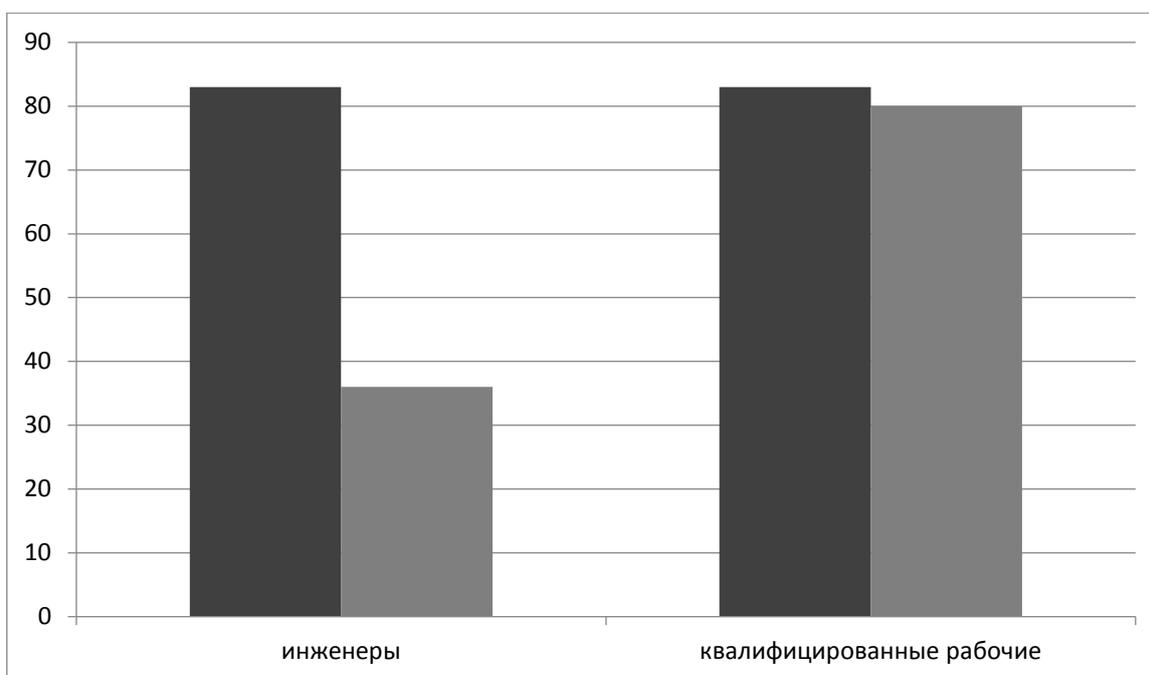

Рисунок 6 – Оценка кадрового дефицита (в процентах от числа опрошенных): на крупных промышленных предприятиях (первый столбец), на малых и средних промышленных предприятиях (второй столбец)

В отношении приоритетов, вполне естественно сохранение в промышленности ориентации на наращивание объемов производства и снижение затрат, внедрение новых технологий, расширение ассортимента и повышение качества продукции. Одновременно, существенно вырос интерес к использованию НДТ и решению экологических задач у крупных промышленных предприятий, также, как и к использованию НДТ – у малых и средних промышленных предприятий, в исследовательских и конструкторских организациях. Довольно равномерно распределяются приоритеты для предприятий инженерной инфраструктуры, организаций образования, финансов и торговли.

В результате, несмотря на существующие трудности, руководители петербургских предприятий довольно оптимистично оценивают ближайшие перспективы, полагая, что в ближайшее пятилетие будет возрастать доля инновационной продукции. Причем, если для крупных промышленных предприятий вероятность такого процесса оценивается в 3/4, то для малых и средних – в 50 процентов, то есть они определяют себя как более технологически передовые.

В целом, картина ожидаемых изменений в деятельности на ближайшие пять лет для различных групп предприятий и организаций приведена на рис.7 и рис.8.

В связи с сохраняющимися кризисными явлениями в мировой экономике, различными санкциями и усиливающейся несправедливой конкуренцией, а также обусловленными пандемией, возникшими дополнительными барьерами и ограничениями, возрастает роль государственного регулирования, основанного на принципах прагматизма и опирающегося на общественные институты. Именно такой подход позволит «сделать работу рынка настолько эффективной, насколько это возможно» [7].

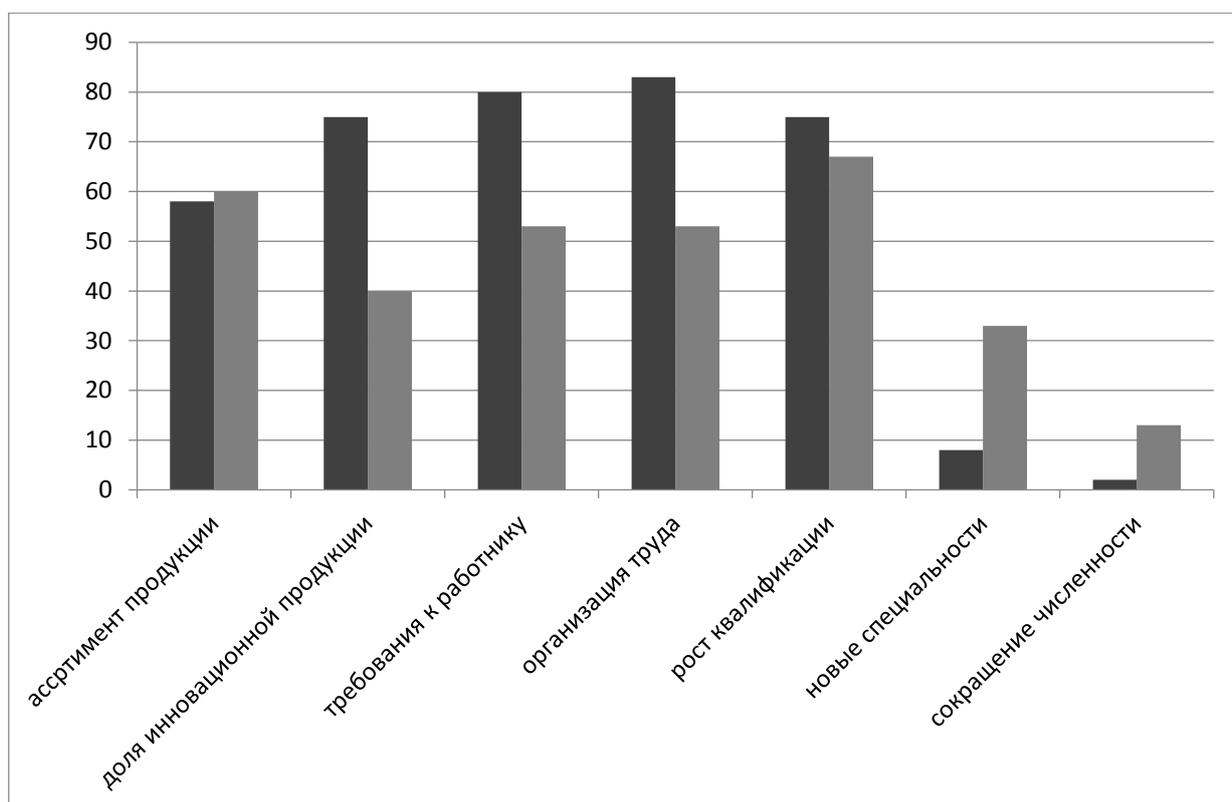

Рисунок 7 – Ожидание изменений в деятельности на ближайшие пять лет (в процентах от числа опрошенных): на крупных промышленных предприятиях (первый столбец), на малых и средних промышленных предприятиях (второй столбец)

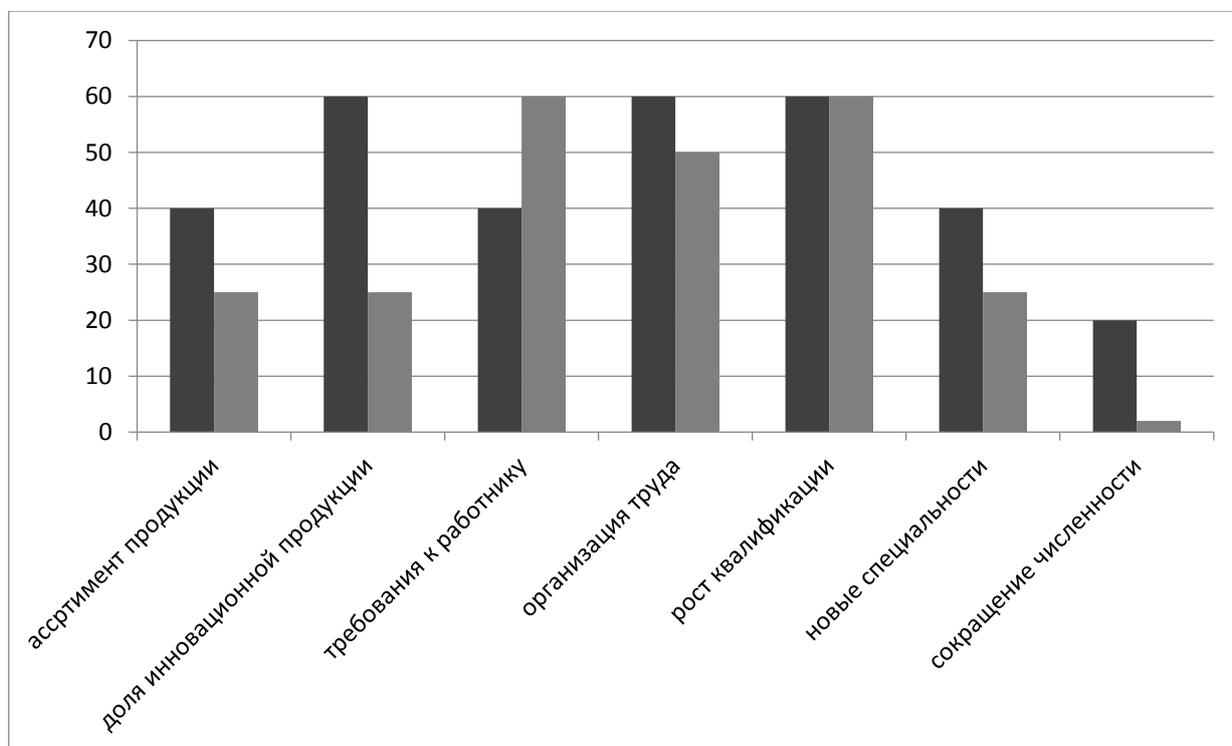

Рисунок 8 – Ожидание изменений в деятельности на ближайшие пять лет (в процентах от числа опрошенных): в исследовательских организациях (первый столбец), в организациях образования, финансов, торговли (второй столбец)

Предполагаем при этом, что вмешательство государства может и должно иметь положительное воздействие на деятельность конкретных хозяйствующих субъектов, не нарушая механизмов рыночной экономики, но компенсируя своим вмешательством явные и все более увеличивающиеся провалы рынка.

Современные реалии подтверждают важность активной регулирующей роли государства, а реализация концепции «Индустрия 4.0» на российских предприятиях вряд ли возможна без целенаправленной государственной промышленной политики. С наступлением осмысления достигнутого уровня технологического развития и соответствующего этому состояния человечества – формирования нового индустриального общества, вообще меняются политические парадигмы, а простые рыночные механизмы утрачивают свое прежнее значение [8].

Анализ тенденций и факторов, определяющих направления и темпы инновационных изменений в петербургском экономическом пространстве, прогнозы и ожидания, на выявление которых направлено проводимое исследование, могут служить одним из ориентиров для формирования рациональных правил и регулирующих воздействий.

Литература:

1. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
2. Горин Е.А., Золотарев А.А. Факторный анализ инновационных изменений в экономике Санкт-Петербурга // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). – С. 67-73.
3. Кузнецов С.В., Горин Е.А., Имзалиева М.Р. Инновационная динамика в экономике Санкт-Петербурга: ожидания и результаты // Инновации. 2019. № 9 (251). – С. 38-44.
4. Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spp.spb.ru/ru/node/12642>
5. Комитет по промышленной политике, инновациям и торговле [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cipit.gov.spb.ru/>
6. Горин Е.А. Внутренний потенциал технологической модернизации промышленных предприятий // Инновации. 2021. №2 (268). – С. 47-55.
7. Танци В. Правительство и рынки: меняющаяся экономическая роль государства. – М.: изд-во Института Гайдара. 2018. 584 с.
8. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Издание 2-е. – СПб: ИНИР имени С.Ю.Витте. 2017. 328 с.

Кузьмина Л. К.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ¹

Влияние процессов трансформации в различных областях жизнедеятельности многообразны. Они различны по своим характеристикам и представляют собой отражение количественного и качественного роста, как отдельных структур, так и систем. Содержательно их можно группировать по следующим основаниям: социально-экономические, социально-трудовые, правовые, организационные, кадровые, управленческие, социально-психологические и пр.

Целостный подход к исследованию влияния трансформаций предполагает выделение классификационных признаков, позволяющих рассматривать не только отдельные проявления, но и взаимосвязи, взаимообусловленность их влияния, а также соотнесение внутренних и внешних, диалектически изменчивых объективных и субъективных сторон социальных процессов для целенаправленного управления ими. Трансформации определяют взаимодействие субъектов в пространстве здравоохранения, обладают определенной динамикой и обуславливают состояние этого сегмента экономики через систему отношений, взаимодействий множества людей. Они значительно изменили характер взаимодействия института здравоохранения с обществом: изменились социальные потребности: сложилась ситуация, когда изменившиеся социальные потребности не находят адекватного отражения в функциях здравоохранения, его структуре.

Характеристика трансформации социального сектора здравоохранения, оценка уровней их развития позволяет более полно и зримо представить динамику и степень их проявления, наметить возможные пути управления социальными процессами, в части их качественного управления.

Факторы прямого и косвенного воздействия внешней среды и факторы внутренней среды предопределяют эффективность функционирования, накладывают определенные ограничения деятельности и представляют новые возможности для формирования и развития организаций здравоохранения.

Трансформации коснулись и взаимоотношений: изменились роли пациентов в процессе взаимодействия: люди более требовательны к качеству оказания медицинской помощи, ибо они не нашли адекватного отражения в деятельности медицинского персонала. Изменились отношения внутри самой профессиональной среды (отношения между медицинским персоналом). Все отношения непосредственно или опосредовано, с разной интенсивностью оказывают существенное влияние на состояние здравоохранения в целом (определяют социально-психологический климат, поведение субъектов, качество труда, квалификационный коэффициент, отношение к своей непосредственной деятельности, и т.п.).

Человек, участвуя в различных социальных процессах, реализуя свои цели является субъективным фактором, изменяющим содержание и направленность самого этого процесса.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121101190093-2.

Связи, которые регулируют взаимодействие субъектов социальных процессов в пространстве здравоохранения, обладают определенной динамикой, что усиливает потребности в сознательном управлении влияния случайного компонента в социальных процессах, помогает сделать его более эффективным.

Сложный период реформирования характеризовался изменениями систем всех социальных институтов, в том числе здравоохранения: его коммерциализация существенно отразилась на доступности и качестве медицинской помощи. Деятельность системы здравоохранения определяется показателями здоровья населения, демографическими показателями, показателями ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ 2019 г. – 73,3 г), общим коэффициентом смертности (ОКС – 929,0).

На протяжении нескольких лет перманентно осуществлялась модернизация здравоохранения, обусловленная наличием многих проблем, которые сдерживали развитие отрасли: недофинансирование государственной системы здравоохранения, недостаток кадров, неоптимальная структура, недостаточная квалификация кадров, низкие нормативы объемов медицинской помощи, недостаточная обеспеченность бесплатными лекарствами в амбулаторном звене, поликлиниках, низкие объемы высокотехнологической помощи. Среди проблем необходимо отметить неэффективность управления на всех уровнях здравоохранения и ответственность руководителей за достижение результатов, нерациональное использование ресурсов отрасли и неэффективное распределение финансовых вложений, и т.д.

Проводимые реформы были направлены на сокращение стационаров, больничных коек, ФАПов (фельдшерская помощь на селе снизилась в несколько раз), обеспеченность койками сократилась на 13%. Результатом преобразований здравоохранения стали рост заболеваемости, смертность населения в трудоспособном возрасте и т.д. Важнейшим социально-экономическим вызовам стало недовольство населения доступностью и качеством медицинской помощи, а также ростом платности медицинских услуг (см.табл. 1-7) [1].

Таблица 1 – Скорая медицинская помощь

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Число больниц скорой медицинской помощи	49	45	49	48	49	50	49
в них коек, тыс.	29,3	26,0	27,3	25,7	26,3	27,2	26,2
Средняя мощность одной больницы, коек	605	582	557	535	537	544	534
Число станций (отделений) скорой медицинской помощи	3172	3276	2940	2561	2458	2338	2276
Численность лиц, которым оказана помощь амбулаторно и при выездах, чел:							
всего, млн	52,3	51,5	50,7	47,7	47,3	45,7	45,6
на 1000 человек населения	359	361	355	326	322	311	311

Таблица 2 – Обеспеченность больничными койками

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
На 10 000 человек населения						
Всего больничных коек	110,9	93,8	83,4	81,6	80,5	79,9
из них:						
терапевтического профиля	23,2	20,7	18,2	17,6	17,6	17,4
хирургического профиля	19,7	18,0	15,8	15,5	15,3	15,2
онкологических	2,7	2,8	3,0	3,0	3,0	3,1
гинекологических	10,7	9,0	6,8	6,5	6,2	6,1
туберкулезных	5,9	5,9	5,6	5,4	5,3	5,1
инфекционных	6,0	4,9	4,3	4,2	4,1	4,0
офтальмологических	1,8	1,8	1,4	1,4	1,4	1,4
оториноларингологических	1,7	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2
дермато-венерологических	1,5	1,1	0,9	0,8	0,8	0,8
психиатрических	11,8	10,7	9,7	9,4	9,3	9,2
наркологических	2,1	1,8	1,6	1,5	1,5	1,4
неврологических	6,1	5,8	5,3	5,2	5,1	5,1
для беременных, рожениц и родильниц	21,0	21,6	19,6	19,1	18,4	17,9
Из всего числа коек – койки для детей	94,7	82,2	56,3	53,6	52,8	52,1

**Таблица 3 – Численность и обеспеченность населения
врачами различных специальностей**

Субъекты Федерации	Всего врачей			
	численность врачей (физ. лица)		обеспеченность врачами на 10000 населения	
	2018	2019	2018	2019
Российская Федерация	548818	551473	37,4	37,6
Центральный федеральный округ	147382	149439	37,4	37,9
г. Москва	54420	55849	43,1	44,3
Северо-Западный федеральный округ	60142	61195	43,0	43,8
Республика Карелия	2612	2592	42,3	41,9
Республика Коми	3418	3349	41,2	40,3
Архангельская область без АО	4475	4400	40,7	40,0
Ненецкий автономный округ	185	204	42,2	46,5
Вологодская область	3485	3487	29,8	29,9
Калининградская область	3019	3124	30,1	31,2
Ленинградская область	5503	5633	29,8	30,5
Мурманская область	2589	2545	34,6	34,0
Новгородская область	1961	1914	32,7	31,9
Псковская область	1723	1626	27,4	25,8
г. Санкт-Петербург	31172	32321	57,9	60,0

**Таблица 4 – Техническое состояние и благоустройство зданий
лечебно-профилактических организаций здравоохранения**

	2015	2016	2017	2018
В стационарных условиях				
Всего зданий, тыс. чел.	12,1	11,6	11,2	11,0
из них по техническому состоянию, %:				
находятся в аварийном состоянии	1,3	1,0	0,9	0,9
требуют реконструкции	2,9	2,4	1,5	1,0
требуют капитального ремонта	23,2	21,1	17,9	16,7
Удельный вес числа зданий, в которых отсутствуют, в % от общего числа зданий:				
водопровод	4,4	3,9	3,0	2,9
горячее водоснабжение	18,7	18,5	17,1	16,6
центральное отопление	9,6	9,1	7,9	8,2
канализация	6,1	5,2	4,6	4,4
телефонная связь	6,9	6,2	4,8	5,2
В амбулаторных условиях				
Всего зданий, тыс.	19,4	19,7	20,2	20,1
из них по техническому состоянию, %:				
находятся в аварийном состоянии	0,8	0,6	0,5	0,9
требуют реконструкции	1,7	1,2	0,7	0,5
требуют капитального ремонта	18,3	16,3	12,8	11,8
Удельный вес числа зданий, в которых отсутствуют, в % от общего числа зданий:				
водопровод	5,1	4,8	4,4	4,3
горячее водоснабжение	28,1	27,7	26,7	26,2
центральное отопление	12,3	12,6	12,8	13,2
канализация	7,7	7,1	7,1	6,9
телефонная связь	5,2	5,3	5,4	5,3

Результатом реформирования здравоохранения явилось существенное сокращение мощностей: обеспеченность врачами в государственных и муниципальных организациях стала ниже по сравнению с 2012 годом, при этом потребность в медицинской помощи значительно выросла. Установленное Конституцией Российской Федерации право на бесплатное медицинское обслуживание не реализуется должным образом. Через здравоохранение, одну из важнейших составляющих социальной сферы, обеспечивается целенаправленное воздействие на процессы сохранения здоровья. Реализация обозначенных возможностей определяются ресурсным потенциалом отрасли, измеряемого объемами функционирующих в ней возможностей, качеством и количеством занятых специалистов.

Здравоохранение, являясь центром функционирования и развития медицинских учреждений, сосредотачивая в своих ресурсах учреждения науки, образования, фармацевтики, лечения, профилактики и пр., представляет собой пространство, деятельность которого обеспечивает сохранение и закрепление здоровья населения.

Здоровье является важнейшей ценностью и ресурсом экономического и социального развития государства. Ценность здоровья значительно возросла в условиях пандемии: стало понятно, что оно не только важно в физическом плане, но, и что наиболее ценно: здоровье ассоциируется в сознании людей как базовое условие успешности, возможности карьерного роста, здоровье осознается как непреходящая ценность, которую нужно сохранять. Качество жизни обусловлено состоянием физического, социального, психического здоровья населения. В последнее время решение проблем сохранения здоровья находится в центре внимания не только здравоохранения, но и других областей жизнедеятельности общества. Состояние здоровья зависит от влияния многих факторов, от уровня доходов, качества окружающей среды, качества жилья, уровня культуры, образования, экологического состояния городской среды, качества и доступности медицинского обслуживания. Как внутренние, так и внешние факторы формируют образ жизни граждан, а также обуславливают развитие болезней, продолжительность жизни и пр.

Пандемия вызвала необходимость широкого обсуждения вопросов реформирования здравоохранения, формирования концепции социальной модели общественного здоровья, разработки новой методологии планирования и проектирования инфраструктуры с учетом трансформационных процессов и новых вызовов современности.

Министр здравоохранения Российской Федерации Михаил Мурашко, выступая на XIII Евразийском экономическом форуме в рамках сессии «Глобальное трансформирование национальных систем здравоохранения в эпоху COVID-19» отметил, что в период пандемии значительно расширился коечный фонд (развернуто более 200 тысяч коек), а также перестроена система финансирования здравоохранения. «Небывалое развитие получили телекоммуникационные консультации, которые проводятся ведущими федеральными медицинскими центрами Минздрава России в круглосуточном режиме с учетом приоритетности» - подчеркнул Министр. Он также отметил необходимость наличия в системе здравоохранения резервов «не просто в виде готовых к развертыванию либо перепрофилированию ... производственных мощностей» [2].

Кроме объективных и субъективных факторов инфраструктурных преобразований большое влияние оказывают факторы, обусловленные научно-техническим прогрессом, распространением компьютерных и телекоммуникационных сетей, институционализацией частной медицины, расширением малых форм медицинского бизнеса, развитием коллективной ответственности (ОМС, ДМС).

Трансформационные процессы, происходящие в настоящее время во всем мире, глобальны по своему характеру: кроме того, что усилилась ценность здоровья в сознании граждан, изменилась и роль медицины в лечении некоторых неизлечимых болезней, острое течение заболеваний переходит в хроническую форму, лечение заменяется предупреждением заболеваний, а отдельные болезни, требующие вмешательства заменяются мониторингом, и т.д. Произошли изменения и в роли пациента: пациент из получателя медицинской помощи превратился в потребителя медицинских услуг. Изменилось отношение общества к здравоохранению: пришло осознание ответственности граждан за свое здоровье и т.п.

Несмотря на неоднократные реформирования в здравоохранении существует ряд проблем, которые сохраняются. Здоровье населения в нашей стране хуже, чем в развитых странах и «новых» странах ЕС.

Решение проблем инфраструктурных преобразований не сводятся только к усилению финансовой составляющей: не менее важны вопросы юридического сопровождения, кадровые, институциональные и пр.

В настоящее время решение проблем инфраструктурных преобразований здравоохранения требует продуманных реформ, от реализации которых зависит эффективная деятельность всех структур отрасли.

Необходимым условием успешного решения проблем здравоохранения является усиление нормативно-правового обеспечения инфраструктурных преобразований (разработка соответствующих нормативных документов, методик, инструкций и пр.).

Требуют своего решения вопросы научного и организационного обеспечения процесса развития инфраструктуры здравоохранения с привлечением других сфер макрорегионов, учитывая комплексный, междисциплинарный характер фундаментальных проблем отрасли. Практика решения сложных проблем свидетельствует об эффективности такого взаимодействия (участие научных, промышленных, строительных и других организаций, связанных с обеспечением и обслуживанием инфраструктуры здравоохранения).

Важным условием является инвестиционное обеспечение реализации инфраструктурных изменений (прямая инвестиционная поддержка), различные формы частных инвестиций (в том числе и в формате частно-государственного партнерства), специализированные паевые фонды, и пр. Органы власти и бизнеса обладают организационными, финансовыми, трудовыми ресурсами. Объединение ресурсов в рамках партнерства усиливает возможности реализации мероприятий по программам инфраструктурных преобразований здравоохранения. Это значительно расширяет возможность получения услуг в ускоренном режиме, необходимого качества. Взаимодействие ускорит процесс цифровизации отрасли, которая повысит управляемость процессами путем получения надежной, своевременной и качественной информации.

Кадровое обеспечение здравоохранения является важнейшим условием эффективности его деятельности. Возросшая потребность усиления доступности бесплатной медицинской помощи требует усиления кадрового потенциала отрасли до нормативов, определенных ВОЗ. Это предполагает не только увеличение количества медицинского персонала (врачами, медсестрами, фельдшерами), но и подготовку ученых-специалистов в области медицины и специалистов, осуществляющих внедрение нововведений, а также специалистов-управленцев (менеджеры-специалисты). Требуется усилить процесс подготовки и переподготовки кадров с учетом своевременных квалификационных требований.

Насущной проблемой современности, является совершенствование пространства здравоохранения, которое определяет характер функционирования системы. Определяющим условием пространственного развития является поиск подходов к оптимизации и усовершенствованию пространственно-территориальной структуры. Базой её формирования является реформирование и реструктуризация имеющихся ресурсов и резервов, а также сложившаяся модель взаимодействия организаций, предприятий и других структур, обеспечивающих деятельность здравоохранения. Одновременно возникают вопросы пересмотра потенциалов и ресурсов территории. Инфраструктурные преобразования приобретают особую значимость в межрегиональной конкуренции.

Обновление пространства здравоохранения должно осуществляться с учетом приоритетов. Трансформации развития и способы учета соответствующих элементов систем обеспе-

чения, являются базовыми компонентами новой информационной модели здравоохранительного пространства и представляют собой модель постковидного периода, которая позволит в короткое время устранить большинство ограничений и обеспечить достижение международных стандартов деятельности и условия для перехода к устойчивому развитию.

Здравоохранение требует кардинальных перемен в управлении. Создание централизованной системы управления позволит сохранить её устойчивость, а также повысить прозрачность финансирования, перевести финансовые системы, объединить средства ОМС, федеральных и региональных бюджетов. Централизованная система обеспечит достаточное количество современного оборудования, увеличит коечный фонд путем перепрофилирования отдельных организаций, введения дополнительных.

Пандемия повысила востребованность экспертизы строительства медицинских учреждений по международным стандартам с учетом угроз и возможностей внешней среды, а также возможности мобильной перепланировки.

Программы реструктуризации направлены на устранение дефицита медперсонала, приобретению новейшего медицинского оборудования для диагностики и лечения. Строительство новых учреждений здравоохранения расширит сеть пунктов оказания медицинской помощи по стандартам XXI века, с высоким уровнем оснащённости реанимации. Возведение новых зданий необходимо осуществлять с учетом принципов бережливых технологий, а также соблюдением строгой пространственной композиции расположения учреждений здравоохранения, что позволит значительно усилить доступность медицинской помощи.

Литература:

1. Здравоохранение в России. Статистический сборник. – М. 2019.
2. Мурашко М. О трансформации национальных систем здравоохранения в эпоху Covid-19. Министерство здравоохранения РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/special/news/2020/10/23/15266-mihail-murashko-rasskazal-o-transfor-matsii-natsionalnyh-sistem-zdravoohraneniya-v-epohu-covid-19>

УДК 351;353

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-85-93

Рубцова М. В.,
Болотник А. М.

СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УРОВЕНЬ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ВИЧ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА

На протяжении долгих лет мир страдает от вируса иммунодефицита (ВИЧ). Он стал мировой проблемой мирового общественного здравоохранения, которая до сих пор не имеет пути решения. ВИЧ опасен тем, что вызывает заболевание под названием ВИЧ-инфекция. Данная болезнь не поддается полному излечению. С помощью лекарственных средств

можно улучшить качество и продолжительность жизни пациента, а также сделать его безопасным для общества. Без лечения ВИЧ-инфекция переходит в стадию СПИДа, которая приводит к смерти.

В мире носителями ВИЧ-инфекции в 2019 году были 38 миллионов чел, в России – 1423999 чел. Смертность составила 24,9% от общего числа инфицированных. На 10 тысяч человек приходится 728,2 заражения. В Российской Федерации каждые 10-15 лет разрабатываются государственные стратегии, которые основываются на рекомендациях Европейского клинического общества по СПИДу (ЕАКС), Министерства здравоохранения и социальных служб США (DHHS) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также на основе целей ЮНЭЙДС 90–90–90. Российская политика по борьбе с ВИЧ направлена на прекращение распространения заболевания, в особенности вертикальным путем (от матери к ребенку), на информирование граждан об особенностях заболевания и путях его передачи, на непрерывное оказание помощи и лекарственное обеспечение больных, на личный подход в лечении пациентов.

В данном исследовании объектом является распространение ВИЧ-инфекции в данный период времени в России, а предметом – меры по предотвращению распространения вируса. В ходе работы необходимо проверить следующую гипотезу: внешние социально-экономические факторы имеют влияние на уровень заболеваемости ВИЧ в стране.

Впервые ВИЧ-инфекция была зафиксирована в СССР в 1987 году, тогда же началось целенаправленное выявление инфицированных людей. С 1998 по 2001 год произошел резкий скачок заболеваемости, который составил 87771 случаев заражения (см. рисунок 1). Если сравнивать 1996 и 2001 годы, то разница составляет около 140 тысяч человек (1996 год – 1257 человек, 2001 год – 142829 человек) [2]. После такого скачка наблюдался спад, однако после 2001 года с каждым годом появляется все больше новых случаев ВИЧ.

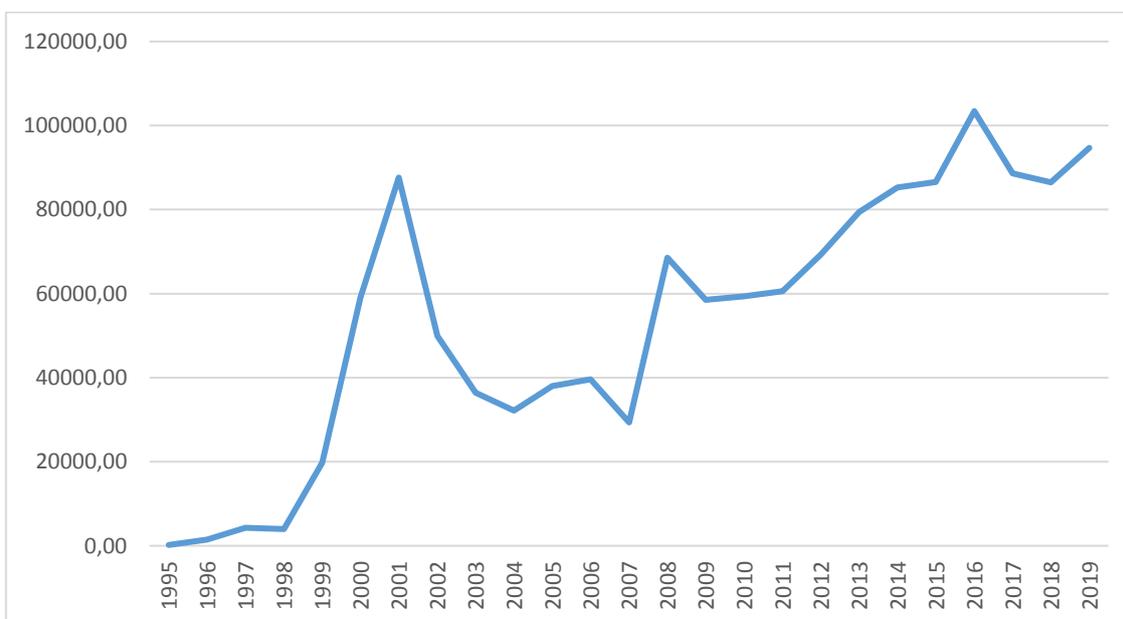

Рисунок 1 – Впервые выявленные случаи заражения ВИЧ в РФ [5]

Рисунок 2 показывает динамику изменения числа людей с ВИЧ-инфекцией, проживающих на территории Российской Федерации, а также количество смертей от СПИДа за период

с 1995 по 2019 год. Из графика следует, что количество людей, живущих с ВИЧ-инфекцией, постоянно растет. Это происходит по двум причинам. Во-первых, продолжительность жизни больных увеличилась благодаря терапии, а, во-вторых, количество новых случаев заражения продолжает ежегодно расти. Такая тенденция имеет негативный экономический характер, так как терапия является пожизненной и дорогостоящей. Однако без нее распространение вируса увеличится. Следовательно, необходимо снизить распространение инфекции среди населения.

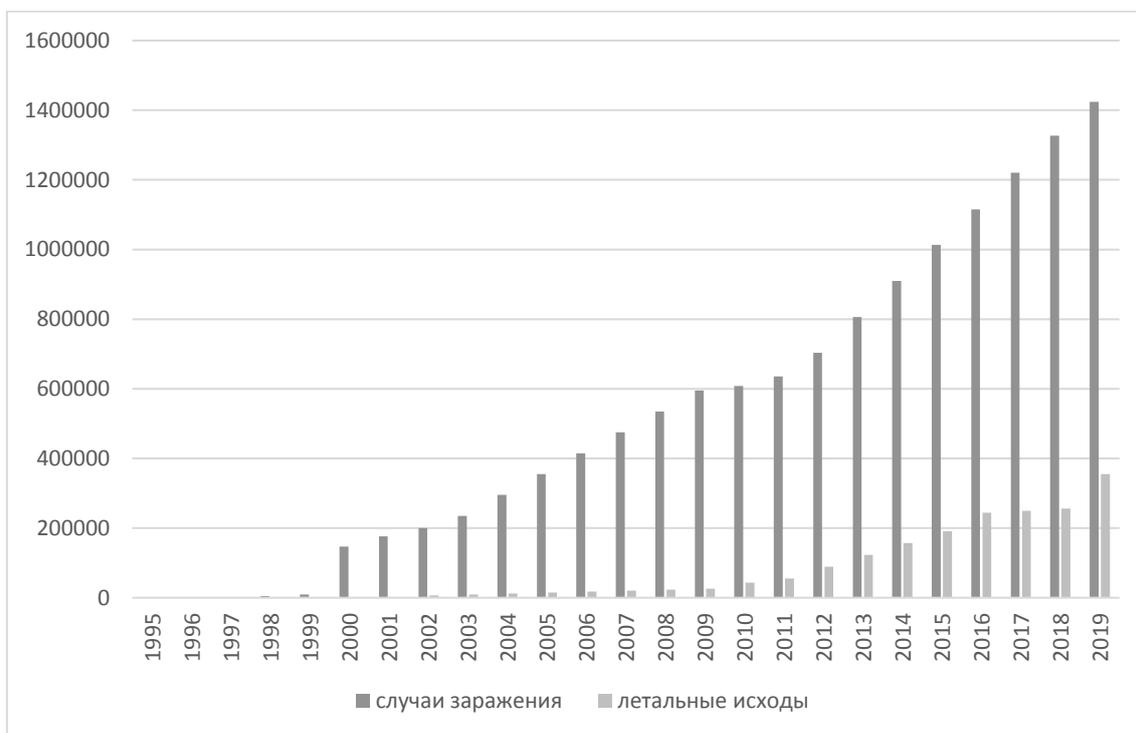

Рисунок 2 – Увеличение количества зарегистрированных случаев ВИЧ у граждан РФ [5]

Каждый год в Российской Федерации увеличивается число зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции. 1423999 человек с ВИЧ проживало в России, при этом из них умерло 355160. Пораженность ВИЧ-инфекцией составила 728,2 на 100 000 населения России [5]. При этом в 2016 году данный показатель был равен 594,3 на 100 000 населения.

Помимо постоянного роста новых случаев заражения и числа ВИЧ-положительных людей существуют иные неблагоприятные тенденции. Происходит феминизация эпидемии. С каждым годом число заболевших женщин растет. Соотношение больных мужчин и женщин постепенно сравнивается. Такая тенденция опасна тем, что увеличивается риск вертикального пути передачи вируса. В 2016 году от ВИЧ-положительных матерей родилось 162 тысячи детей. Из них 9448 ребенка унаследовали вирус [5]. В 2019 году вертикальный путь передачи ВИЧ был устранен.

Также увеличивается число зарегистрированных случаев инфицирования среди подростков и молодежи (возрастная группа 15-20 лет), хотя в данной группе проводится малое количество тестов. Ежегодно фиксируется более 1100 новых случаев [4].

В течении всей истории распространения ВИЧ-инфекции среди населения планеты социальный статус данного заболевания изменился. Если раньше считалось, что это болезнь

распространяется среди узких слоев общества. На сегодняшний день статистика заболеваний изменилась кардинально. 62,7% от впервые выявленных случаев заражения в 2019 году приходится на гетеросексуальный контакт, а на гомосексуальный только 2,5%. Доля распространения среди людей больных наркоманией снизилась до 33,6% [4].

С самого начала распространения ВИЧ в Российской Федерации государством применялись различные меры борьбы с болезнью. К сожалению, на первых этапах государственная политика была слабая и не выполняла свои функции, от чего в 2000-ых годах был сильный рост числа заболевших. В последствии политика совершенствовалась, что позволило достичь высоких результатов в сфере противодействия распространения ВИЧ-инфекции. Во-первых, АРТ стала доступной и бесплатной для больных во всех регионах. Во-вторых, был полностью побежден вертикальный путь передачи вируса. В-третьих, увеличился охват информационной деятельности. В-четвертых, увеличился объем тестирования населения. В-пятых, снижение новых зарегистрированных случаев ВИЧ.

Стратегия противодействия распространению ВИЧ-инфекции в Российской Федерации на период до 2030 года направлена на поддержание достигнутых результатов, а также на адаптацию ВИЧ-положительных граждан и на индивидуальные особенности регионов страны.

Как и прежде основной задачей является информирование граждан по вопросам распространения ВИЧ-инфекции. Вовлечение граждан в информационно-пропагандистскую деятельность является основным аспектом информирования населения. Такая деятельность должна быть направлена в основном на группы риска. Вторым аспектом является привлечение средств массовой информации (СМИ), у которых есть Интернет-ресурсы (платформы), особенно в социальных сетях. Такие средства необходимы для лучшего информирования основной группы риска – молодежи.

Тестирование с помощью современных и высокоточных систем необходимо для обеспечения комплексного междисциплинарного подхода при диагностике, и лечении ВИЧ-положительных граждан. Также тестирование позволит вовремя выявлять новые случаи инфицирования, тем самым сокращая темпы распространения вируса.

Назначение АРТ на ранних стадиях выявления заболевания увеличивает эффективность лечения. Терапия позволяет снизить вирусную нагрузку пациента, что уменьшает риск заражения окружающих, а также увеличивает продолжительность жизни и улучшает ее качество самих пациентов.

В Российской Федерации действует уголовная ответственность за намеренное заражение ВИЧ-инфекцией (122 статья Уголовного Кодекса РФ). Данная мера наказания изменялась на протяжении многих лет и прошла длительный исторический путь. В итоге перечень наказаний был увеличен, при этом ужесточились виды карательных мер. На сегодняшний день 122 статья УК РФ имеет спорных характер при условии не анонимного тестирования на ВИЧ. Страх наказания не даст людям свободно проходить данную процедуру.

Как уже было сказано, в каждом субъекте Российской Федерации были зафиксированы случаи заражения ВИЧ-инфекцией. Однако в каждом субъекте эпидемиологическая ситуация различается. Важно рассмотреть политику в регионах с маленьким числом инфицированных жителей и с большим. Необходимо строить государственное регулирование этой сферы основываясь на особенностях эпидемии в субъекте.

Наибольшее количество умерших людей от СПИДа в Кемеровской области (в 2018 году наблюдалось 65 смертей на 100.000 человек), в Иркутской области (42 смерти), в Самарской

области (32 смерти). Наибольшее распространение заболевания находится в Центральной России и Западной Сибири. Обратная ситуация наблюдается в северных регионах страны [1].

Региональные программы противодействия распространению ВИЧ-инфекции строятся на Государственной стратегии. При этом существует большая разница в уровне заболеваемости в разных областях страны. Необходимо более адресно формировать программы на региональном уровне.

Таким образом, СПИД и ВИЧ-инфекция являются важной социальной проблемой, угрожающей благополучию страны. В Российской Федерации осуществляется на государственном уровне политика противодействия распространения инфекции. Необходимо ее совершенствовать для сохранения положительных результатов и для противодействия появлению новых случаев инфицирования. Также необходимо дифференцировать региональные методы противодействия распространению заболевания на основе локальной эпидемиологической ситуации.

ВИЧ и СПИД являются острой проблемой для всего мира. На протяжении многих лет считалось, что этому вирусу подвержены только особые категории людей. Необходимо выяснить какие социально-экономические факторы влияют на распространение инфекции в стране. Также такой анализ позволит более целенаправленно сформировать государственную политику предотвращения распространения ВИЧ-инфекции.

Данные и методология. Статистические данные для проведения регрессионного анализа брались за период с 2015 по 2019 г. Данные по зарегистрированным случаям ВИЧ (в тыс. чел.) (У)» были взяты в качестве показателя, на который оказывается влияние. Влияющие показатели - «Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (тыс. чел.) (X1)», «Численность студентов, получающих среднее и высшее образование на 10 000 человек населения (X2)», «Браки на 10 000 человек населения (X3)», «ВВП в млрд руб. (X4)».

Люди больные наркоманией могут рассматриваться как основная группа, в которой идет распространение ВИЧ-инфекции. Так как вирус передается в основном половым путем, то логично рассмотреть количество браков, так как в зоне риска находятся половые партнеры больных. К сожалению, полностью полагаться на данный фактор нельзя, так как половую жизнь люди ведут и вне брака. Образование влияет на уровень осведомленности граждан. Необходимый уровень знаний ведет к правильному образу половой жизни. Экономическое развитие и богатство страны влияет на социальную сферу. Чем богаче страна, тем больше возможностей для предотвращения распространения различных болезней.

Матрицы парных коэффициентов корреляции были построены с помощью функция «Анализ данных. Корреляция» в MS Excel (см. Таблица 3). Мы видим, что на количество заражений ВИЧ-инфекцией влияют факторы X1, X3 и X4. Коэффициенты коллинеарности (r) по модулю выше 0,5. Фактор X1 не учитывается, так как он тесно связан с X3 и X4 ($|r|>0,7$). Фактор X2 имеет слабую связь с У ($r=0,44$), в связи с чем, он не берется для анализа. В свою очередь параметры X3 и X4 имеют низкую связь друг с другом ($|r|<0,7$) в данном случае.

Случаев ВИЧ меньше, чем больше зарегистрированных браков. Отрицательное значение коэффициента коллинеарности показывает, что связь между случаями ВИЧ и числом зарегистрированных браков обратная. Однако связь с показателем «ВВП в млрд руб» (X4) прямая.

Таблица 3 – Матрица парных коэффициентов корреляции

	У	X1	X2	X3	X4
У	1				
X1	-0,98876	1			
X2	0,44006	-0,45546	1		
X3	-0,83777	0,80492	-0,47889	1	
X4	0,87477	-0,8831	0,78855	-0,69177	1

В таблице 4 представлены результаты расчета линейной регрессии (Функция «Анализ данных. Регрессия»)

Таблица 4 – Расчет линейной регрессии

<i>Регрессионная статистика</i>				
<i>Множественный R</i>	0,932199216			
<i>R-квадрат</i>	0,868995379			
<i>Нормированный R-квадрат</i>	0,737990758			
<i>Стандартная ошибка</i>	32,2748664			
<i>Наблюдения</i>	5			
<i>Дисперсионный анализ</i>				
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>
<i>Регрессия</i>	2	13819,42	6909,71	6,63
<i>Остаток</i>	2	2083,33	1041,67	
<i>Итого</i>	4	15902,75		
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>
<i>У-пересечение</i>	-240,47	921,37	-0,26	0,82
<i>Переменная X 1</i>	-41,12	32,67	-1,26	0,34

Значение коэффициента множественной корреляции (R) равно 0,932. Связь между показателями весьма высокая (по шкале Чеддока). Коэффициент множественной детерминации равен квадрату множественного коэффициента корреляции ($R^2=0,869$). Коэффициент детерминации указывает, что 86,9% вариации выявленных случаев ВИЧ обусловлено вариацией ВВП и числом браков в стране.

Коэффициент эластичности важен для оценки силы связи. Он рассчитывается при помощи формулы 1:

Формула 1 – Коэффициент эластичности

$$\varepsilon_x = a \cdot \text{ср}X / \text{ср}Y,$$

где ε_x – коэффициент эластичности;

a – коэффициент X ;

$\text{ср}X$ – среднее значение X ;

$\text{ср}Y$ – среднее значение Y .

Коэффициент эластичности X_3 равен – 0,42. Из этого делаем вывод, что с уменьшением зарегистрированных браков на 0,42%, число зафиксированных случаев ВИЧ увеличивается на 1%. Увеличение количества браков всего на 1 пару на 10000 человек населения, влияет на число зарегистрированных случаев ВИЧ инфицирования – сокращением на 41 человека, при устранении влияния прочих факторов.

Коэффициент эластичности X_4 равен 1,8. Из этого следует, что при увеличении ВВП на 1,8%, число выявленных случаев ВИЧ вырастает на 1%. С увеличением ВВП на 0,014 млрд рублей, количество зарегистрированных случаев ВИЧ увеличивается на 1 человека, при отсутствии влияния прочих факторов. Объективно говоря, это может также свидетельствовать о том, что чем выше ВВП, тем больше возможностей для выявления болезни.

Для проверки статистической значимости коэффициентов регрессии проводится анализ критерия t-Стюдента. Для значения X_3 он равен по модулю 1,3, для X_4 – 1,6. Для доверительного интервала 0,95 и 4 степеней свободы табличное значение критерия равно 2,776. Полученное значение критерия t-Стюдента по модулю меньше чем табличное, а, следовательно, что коэффициент регрессии в обоих случаях является незначимым с данной доверительной вероятностью.

Необходимо провести тест Парка для проверки связи наличия гетероскедастичности, так как на Y влияют два фактора. В Excel рассчитаем логарифмы значений e^2 , X_3 и X_4 . Построим для каждой объясняющей переменной зависимости $\ln e^2 = a + \beta \ln x$ (см. приложение 1.).

P-значение фактора $X_3 = 0,6$, что больше 0,05. P-фактическое выше p-статистическое, следовательно, остатки гомоскедастичны (см. Приложение 2.). P-значение фактора $X_4 = 0,82$, что больше 0,05. Из этого следует, что p-фактическое больше p-статистическое, а значит, остатки гомоскедастичны (см. приложение 3.). Тест Парка только подтвердил, что число браков в стране и ВВП страны не влияет на количество выявленных случаев ВИЧ.

На основе анализа результатов регрессионного анализа можно сделать вывод, что внешние факторы не влияют на число новых зарегистрированных случаев ВИЧ. Статистически связь между фактором «Зарегистрированные случаи ВИЧ (тыс. чел.)» и влияющим на него факторами «Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях (тыс. чел.)», «Численность студентов, получающих среднее и высшее образование на 10 000 человек населения», «Браки на 10 000 человек населения», «ВВП в млрд руб.» не была выявлена. Гипотеза о том, что внешние факторы влияют на уровень распространения ВИЧ, не подтвердилась.

Полученный в ходе анализа результат, говорит о том, что внешние социально-экономические факторы не имеют значительного влияния на распространение вируса. Из этого сле-

дует, что прямое влияние на уровень распространения ВИЧ в стране влияет система здравоохранения и ее уровень развитости. Также данный анализ говорит о трансформации статуса заболевания из болезни, связанной напрямую с образом жизни человека, в обычную болезнь, характерную для всех социальных групп.

ВИЧ-инфекция изменила свой социальный статус. Теперь на ее распространение напрямую влияет уровень здравоохранения страны. Россия входит в кластер стран с достаточно хорошо развитой социальной сферой, но с проблемами в здравоохранении. В этом кластере достаточно быстрыми темпами происходит распространение ВИЧ [1].

Российское здравоохранение имеет ряд проблем. Наиболее острой является нехватка медицинских кадров почти во всех регионах страны. Дефицит специалистов приводит к ухудшению качества медицинских услуг, из-за чего страдают пациенты. Сжатые временные рамки приема и загруженность врачей ведет к некачественной медицинской помощи, что вредит пациентам и портит имидж государственной медицины. Другой не менее важной проблемой является дефицит льготных лекарственных средств. Пациенты особых групп, куда входят также ВИЧ-положительные люди, не могут в срок и в необходимом объеме получить необходимые лекарства [1].

Выше описанные проблемы напрямую сказываются на распространении ВИЧ в стране. Недостаток медицинских кадров ведет к тому, что не хватает ресурсов, чтобы обеспечить личный подход к каждому пациенту. Недостаток лекарственных средств и перебои с их выдачей ведут к тому, что больные люди не могут постоянно принимать терапию. Это, в свою очередь, не дает стабилизировать их состояние и снизить вирусную нагрузку до безопасных показателей.

Государственная политика улучшения качества здравоохранении направлена в основном на увеличение продолжительности жизни и множество профилактических мер. Такой подход не эффективно решает существующие проблемы. Нельзя без качественного медицинского обслуживания, на которое влияют и кадры, и лекарственные средства, достичь поставленные государством цели. Для успешного выполнения Государственной стратегии по предотвращению распространения ВИЧ-инфекции необходим комплексный подход, направленный на улучшение всего здравоохранения в целом. Без данных мер невозможно снизить темпы распространения заболевания.

Подведем итог, ВИЧ-инфекция изменила свой социальный статус. Для эффективной борьбы с данным заболеванием государство должно сделать акцент, во-первых, на системном подходе развития здравоохранения, во-вторых, на сохранении достигнутых результатов в борьбе с вирусом. Также важно продолжать сотрудничество с другими странами и глобальными медицинскими организациями с целью получения нового опыта.

Информирование и тестирования должны стать основой государственной политики. Население на сегодняшний день не имеет достаточного набора знаний о ВИЧ и СПИДе, однако готово проходить обязательное тестирование. Государству важно проработать информационную деятельность для создания сознательного отношения людей к своему половому здоровью и бережное отношения к жизни в обществе.

Глобальный опыт помог миру выработать определенные стратегии в борьбе с ВИЧ и СПИДом. К осуществлению задачи 90-90-90 стремятся большинство стран. Данные задачи определяют три основных направления: 1. тестирование, 2. АРТ и 3. снижение вирусной нагрузки у больных. Однако каждая страна выбирает свою собственную политику на национальном уровне, внося в основные направления собственных действий. Это обусловлено

социально-экономическим развитием государств.

Российская Федерация достигла достаточно хороших результатов на сегодняшний день в борьбе с распространением с ВИЧ-инфекцией. Россия активно сотрудничает с мировыми организациями и другими странами. В государственной политике также участвуют некоммерческие организации и фонды.

В различных регионах России уровень распространённости заболевания разный. Это необходимо учитывать в ходе построения целей и выделения финансирования. Необходимо увеличивать охват тестирования, особенно в регионах с большим количеством носителей данного заболевания. Необходимо уделить особое внимание областям, где смертность и заражаемость наиболее высокие. В такие регионы необходимо выделить большее финансирование для преодоления проблемы.

Литература:

1. Болотник А. М. Государственное регулирование в области предотвращения распространения СПИД и ВИЧ инфекции в Российской Федерации. - НИУ ВШЭ СПб. Выпускная квалификационная работа, 4 курс. 2021.
2. Исаев И. Г. ВИЧ-инфекция и средства массовой коммуникации: порочный круг отсутствующей событийности. – Казань. 2002. – С. 104.
3. Оганесян Э. Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Охрана здоровья детей с ВИЧ-инфекцией // Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Охрана здоровья детей с ВИЧ-инфекцией. Международная научно-практическая конференция. 2018.
4. Ладная Н.Н., Покровский В.В., Дементьева Л.А. Развитие эпидемии ВИЧ-инфекции в Российской Федерации в 2016 г. // Актуальные вопросы ВИЧ-инфекции. Женщины и ВИЧ – Санкт-Петербург. Международная научно-практическая конференция. 2017. – С.3.
5. Справка ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [VICH-infektsiya-v-Rossijskoj-Federatsii-na-31.12.2019.pdf](https://aids43.ru/vich-infektsiya-v-rossijskoj-federatsii-na-31.12.2019.pdf) (aids43.ru)

Приложения:

Приложение 1. Логарифмы значений e^2 , X_3 и X_4

Наблюдение	Предсказанное Y	Остатки	коэф x_2	e^2	e^{*li^2}	$Ln x_2$	численность x_3	$Ln x_3$
1	602,8127252	-21,11272521	7,9	445,7472	6,099752	2,066863	85450,6	11,35569
2	654,4161877	3,683812313	6,7	13,57047	2,607896	1,902108	85616,1	11,35763
3	659,338003	33,76199704	7,1	1139,872	7,038672	1,960095	87179,3	11,37572
4	733,9096365	-21,40963651	6,1	458,3725	6,127682	1,808289	89626,5	11,40341
5	742,3234476	5,076552366	6,5	25,77138	3,249265	1,871802	91445,1	11,42349

Приложение 2. Тест Парка для показателя «Браки на 10 000 человек населения»

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	-7,236374131	21,13684479	-0,342358294	0,75466351
Переменная X_3	6,379867014	10,98690178	0,580679353	0,602201338

Приложение 3. Тест Парка для показателя «ВВП в млрд руб.»

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
Y-пересечение	109,4183466	432,1662846	0,253185754	0,816483142
Переменная X_4	-9,170865323	37,96520624	-0,241559739	0,824691165

Румянцев А. А.

ИНВЕСТИЦИИ В ИННОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУКОЕМКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Введение

Инвестиции в инновации характеризуют масштаб инновационной деятельности предприятия. Инновации, являясь одним из ресурсов экономического роста, устойчивости предприятия, обусловлены необходимостью изыскания инвестиций для своего осуществления. Менеджменту предприятия приходится решать задачу распределения ограниченных средств между направлениями их в инновации и в основной капитал. Ее решение связано с тем, насколько продукция предприятия удовлетворяет потребителей по качеству и цене, насколько предприятие способно производить инновации для собственного потребления, повышения эффективности производства, создавать для рынка новшества [1]. Низкая наукоемкость в структуре промышленности является ограничивающим фактором для перехода к производству с высокой добавленной стоимостью [2].

Инвестиции в инновации исследуются с разных позиций: оценка эффективности, связи с конкретными направлениями технологического развития. В статье их динамика рассматривается с позиции движения к наукоемкому производству. Оценка его уровня может служить основанием для корректировки инновационной политики на предприятии, стимулирующих мер региональных органов управления. В этом состоит актуальность проведенного исследования. Его научная значимость заключается в методе анализа инвестиций в инновации в оценке состояния наукоемкости производства предприятия.

В данной статье исследование инвестиций в инновации имеет три отличительные особенности. Первая. В качестве объекта исследования приняты предприятия крупного мегаполиса (таблица 1), оказывающего влияние на их инновационную деятельность, и представляют основания для стимулирующих мер со стороны городских органов управления.

**Таблица 1 – Удельный вес Санкт-Петербурга
в научно-инновационной сфере СЗФО в 2018 г., %**

Научные организации	Персонал, занятый научными исследованиями и разработками	Внутренние затраты на исследования и разработки	Патенты на изобретения	Затраты на технологические инновации
61	82	87	77	71

Источник: рассчитано по данным Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. Стат. сб./Росстат – М., 2019.

Вторая особенность состоит в разделении объекта исследования – предприятий мегаполиса на две группы, исключая структурный фактор: машиностроения и приборостроения, позволяющие оценить состояние инвестиций в инновации по близким по назначению

продукции предприятиям. При исследовании инновационной деятельности не следует отказываться от отраслевого подхода. Одни отрасли могут отличаться консервативным отношением к инновационной деятельности, поскольку достигли требуемую рынком конкурентоспособность продукции. Другие отрасли, находящиеся на гребне технического прогресса, под давлением рынка, заказчиков находятся в состоянии перманентной инновационной деятельности в условиях необходимости постоянного улучшения параметров своей продукции. Исходя из этого принципа, анализировались предприятия двух отраслей: машиностроения и приборостроения. Третья особенность – исследование инвестиций во временном аспекте – выявление тенденций учета их в инновационной политике предприятия. Инновации – не самоцель, а средство решения экономических и социальных задач предприятия. Поэтому недопустимы сравнения показателей инновационности отраслей и не близких по выпускаемой продукции предприятий. Предприятия могут находиться в различных экономических условиях, в режиме решения отличных друг от друга задач. Например, в некоторых из них может существовать, в первую очередь, потребность в обновлении технологической базы в данный момент времени. Этим положением не умаляется роль инноваций, а лишь отмечается их относительная значимость. К достоинству исследования можно отнести то, что оно выполнено в контексте развития наукоемкости производства. На основе показателя инвестиции в инновации определялось состояние и тенденции движения предприятий Санкт-Петербурга к наукоемкой экономике.

В теории нет четких и общепризнанных критериев для характеристики наукоемкого производства [3]. В экономической литературе предлагается оценивать наукоемкость отрасли определением отношения величины расходов на НИОКР к объему валовой продукции этой отрасли [4, 5, 6]. Однако расходы на НИОКР не полностью отражают затраты на исследования и разработки. Эти расходы могут быть дополнены затратами на приобретение машин, новых технологий, патентов, программных средств, обучение и подготовку кадров. Перечисленные затраты объединяются термином затраты на технологические инновации как инвестиции в инновационную деятельность.

Методы и исходные данные исследования

В качестве методов исследования применялись: структурно-аналитический – разбиение предприятий на две группы. В группы отбирались предприятия ведущие в своей отрасли и графическое представление динамики инвестиций в инновации за период 2000–2018 гг. Исходные данные: затраты на технологические инновации и выручка предприятия устанавливались по данным годовых бухгалтерских отчетов в открытой печати в интернете.

В первую группу (машины и оборудование) вошли предприятия: ПАО «Силовые машины», ПАО «Ижорские заводы», ПАО «Звезда», ООО «Из-Картекс» им. П.Г. Коробова. Во вторую группу – производство средств измерения, контроля, управления включены предприятия: ОАО «НПО Завод Волна», ОАО «Ленполиграфмаш», АО «ЛОМО», АО «Океан-прибор», ОАО «Авангард», ООО «Ниизфа-Энерго».

Результаты исследования

Ниже приведены графики динамики затрат на технологические инновации (инвестиции) по отношению к валовой выручке предприятия.

Предприятия первой группы: производство машин и оборудования

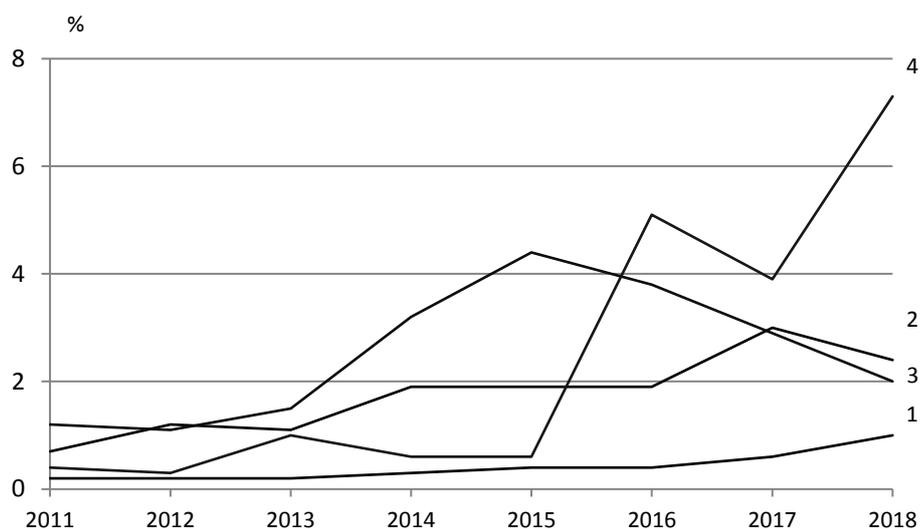

Рисунок 1 – Отношения затрат на технологические инновации к выручке

Обозначение: 1. ПАО «Силловые машины» (производство турбогенераторов),
 2. ПАО «Ижорские заводы» (производство ядерных установок),
 3. ООО «Из-Картэкс» им. П.Г. Коробова (производство карьерных экскаваторов),
 4. ПАО «Звезда», (производство высокооборотных дизелей для судостроения, в т.ч. для Военно-морского флота).

Как следует из рис. 1 на предприятиях капиталоемких отраслей промышленности, выпускающих традиционную продукцию с относительно устойчивым рынком (по данным динамики выручки из бухгалтерских балансов) наблюдается в основном стабильная доля затрат на инновации, определяемых по данным статьи 1120 бухгалтерского баланса. Инновационная деятельность в них связана с эволюционным развитием производства. Затраты на нее колеблются в пределах 2,5% от выручки, причем независимо от уровня рентабельности продаж (отношение прибыли от продаж к выручке). Производилась разработка и реализация инициативных инновационных проектов конкурентоспособных видов профильной продукции, а также велись работы, направленные на повышение надежности и технического уровня, выпускаемой продукции: турбин, реакторов, дизелей, экскаваторов.

В экономической литературе предлагается продукцию считать наукоемкой, если доля затрат на НИОКР превышает 3,5-4,5% от общей суммы затрат на ее производство [5, с. 55]. Если принять эту рекомендацию, то производство предприятий первой группы, за исключением ПАО «Звезда» не является наукоемким.

Пороговая величина 3,5-4,5% является неприемлемой для оценки наукоемкости производства отдельного предприятия. Продукция ПАО «Силловые машины», ПАО «Ижорские заводы», ООО «Из-Картэкс» им. П.Г. Коробова конкурентоспособна на мировом рынке, экспортируется во многие страны. Поэтому достигнутые уровни отношений затрат на технологические инновации к выручке могут характеризовать производство на этих предприятиях как наукоемкое.

Критерием наукоемкости производства для отдельного предприятия может быть оценка конкурентоспособности выпускаемой продукции: ее соответствие требованиям мирового уровня. Если изделия по своим параметрам не уступают зарубежным аналогам, то при этом уровень отношения затрат на технологические инновации к выручке характеризуют производство как наукоемкое.

На рис. 2 и 3 приведены показатели наукоемкости производства по предприятиям второй группы.

Производство предприятий второй группы также оценивается как наукоемкое, учитывая конкурентоспособность продукции на мировом рынке. Причем в АО «Океанприбор», ОАО «Авангард» отношения затрат на технологические инновации к выручке намного превышает пороговую величину.

Предприятия второй группы: производство средств измерения, контроля, управления

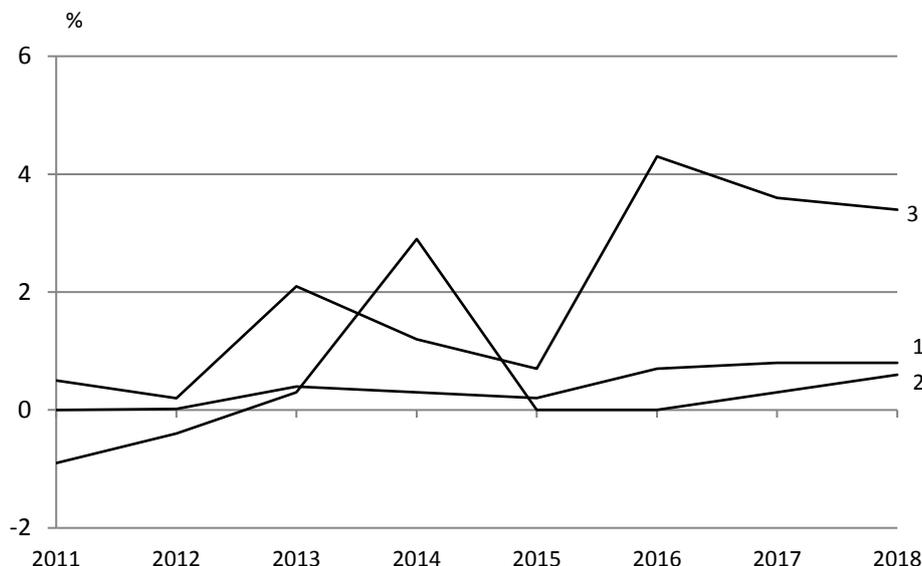

Рисунок 2 – Отношения затрат на технологические инновации к выручке

Обозначение: 1. ОАО «НПО Завод Волна» (производство низкочастотных соединителей для вычислительной техники и др. изделий),

2. ОАО «Ленполиграфмаш», (точное приборостроение: изделия специальной связи 5 поколения, принтеры и др.),

3. АО «ЛОМО» (производство медицинской техники, наблюдательных приборов, фотоаппаратов).

Предприятия второй группы

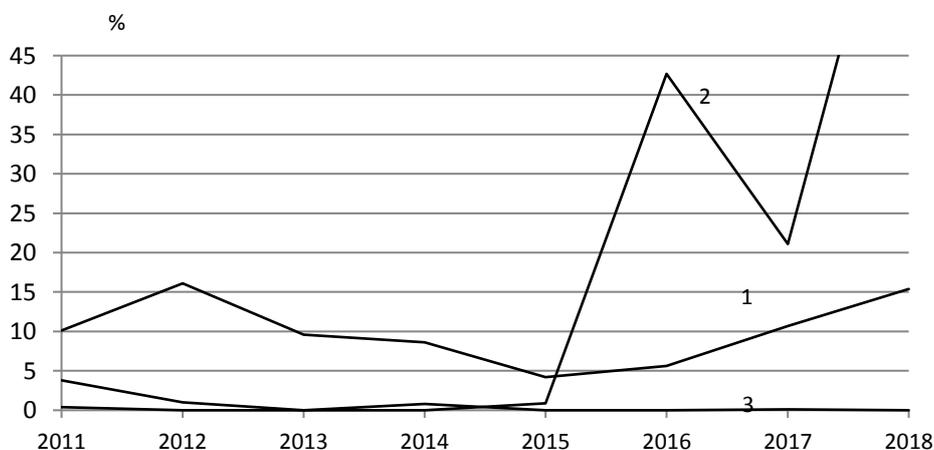

Рисунок 3 – Отношения затрат на технологические инновации к выручке

- Обозначение: 1. АО «Океанприбор» (разработка и производство гидроакустических комплексов),
2. ОАО «Авангард» (производство радиоэлектроники, микросистемотехники),
 3. ООО «Ниизфа-Энерго» (производство электротехнической распределительной и регулирующей аппаратуры).

На графиках по производству средств измерения, контроля, регулирования, выпускающих в основном традиционную продукцию, доля затрат на инновации относительно стабильна. Она колеблется в пределах 1% от выручки. Здесь, как и в первой группе предприятий, инновационная деятельность ориентирована на создание новой и модернизацию профильной для предприятий продукции. На предприятиях, функционирующих на развивающихся отраслевых рынках, отличающихся ростом требований заказчиков к параметрам изделий, в условиях конкуренции отечественных и зарубежных компаний отмечается тенденция возрастания затрат на инновации. На ОАО «Авангард» она выросла до 45% в 2018 году, в АО «ЛОМО» – 4%, в АО «Океанприбор» – 15%. Рост затрат на инновации обусловлен, в том числе, новыми заказами на спецтехнику и преодоление разрыва кооперационных связей с Украиной.

Концепцией научно-технологического развития Санкт-Петербурга до 2030 года (утв. 22.03.2021) устанавливается широкий спектр направлений инновационной деятельности:

- 1) в сфере внедрения прорывных технологий:
 - поддержки программ, интегрирующих исследования, образование, инжиниринг и промышленный дизайн;
 - создания общих исследовательских и предпринимательских инфраструктур (в том числе поддержки инициатив в части создания НОЦ по направлениям, в которых Санкт-Петербург обладает значительным научно-образовательным потенциалом), связанных: 1) с необходимостью создания систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, а также перехода к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования; к высокотехнологичной медицине, развитию биотехнологий; к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышению эффективности добычи и глубокой переработки сырья, формированию новых источников, способов транспортировки и хранения энергии; 2) с созданием международных транспортно-логистических систем, освоением и использованием космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики; 3) с изучением взаимодействия человека и природы, человека и технологий; 4) с созданием ИНТЦ, вузовских технопарков, технопарков на базе промышленных предприятий, обеспечивающих развитие технологического предпринимательства;
 - развития взаимодействия бизнеса, научных и образовательных организаций высшего образования для обеспечения конкурентной промышленности Санкт-Петербурга высококвалифицированными кадрами, в том числе в рамках реализации программ магистратуры по управлению научно-исследовательским процессом в сфере производства высокотехнологичной техники, а также дополнительных профессиональных программ подготовки специалистов, сопровождающих высокотехнологичный продукт инжиниринговых команд;
- 2) в сфере развития научно-технологического потенциала городской промышленности:

- разработки новых технологий и проектов техники, обладающих потенциально высокой конкурентоспособностью на мировом рынке;
- интеграции современной научно-технологической инфраструктуры для участников инновационных территориальных кластеров, в первую очередь, в области автоматизации и роботизации производственных процессов, а также формирования необходимых инженеринговых компетенций;
- фокуса на научно-технологической поддержке отраслей, выпускающих высокотехнологичную продукцию промышленного комплекса города.

В масштабе инновационной сферы города необходимо отметить вклад вузов в развитии наукоемкости производств предприятий города.

Сотрудничество вузов и предприятий является одним из основных факторов в развитии инновационной деятельности в регионах. Существуют различные формы сотрудничества [7]. Они возможны благодаря тому, что учебный процесс в вузах во многом опирается на современные технологии производственных предприятий, а проводимые исследования – на актуальные производственные задачи. В вузах тематика исследований, финансируемая из бюджета, нередко связана с современными производственными процессами, являясь основой сотрудничества с предприятиями, налаживанием в дальнейшем договорных отношений.

По 217-ФЗ вузам предоставлена возможность проведения полного инновационного цикла – от получения новых знаний и зарождения инновационной идеи до осуществления коммерциализации. Малые инновационные предприятия при университетах связывают научную деятельность и реальный сектор экономики [8, с. 17].

Вводится понятие совмещенность интересов – соединение, сочетание их. В нашем случае – вуза и производственного предприятия в отличие от термина согласование – координация, увязка, что затруднительно для вуза и производственного предприятия с различной целевой направленностью деятельности.

Совмещение интересов вузов и производственных предприятий может быть достигнуто путем их участия в реализации крупного проекта. При Политехническом университете Петра Великого (Санкт-Петербург) создан проектный консорциум в области новых производственных технологий, объединяющий 50 организаций, включая 4 госкорпорации, 16 ведущих университетов, 3 крупнейшие научные организации.

Преподавательский состав, имея тесные связи с предприятиями в процессе подготовки специалистов, нередко свою научно-исследовательскую деятельность ориентирует на решение конкретных производственных проблем. Так, СПбГЭТУ «ЛЭТИ» для ОАО «ЛОМО» разработал универсальный оптико-цифровой диагностический комплекс, Политехнический университет Петра Великого разработал цифровой двойник двигателя ТВ7-117СТ-01, 15-19, предназначенного для регионального пассажирского самолета Ил-114-300.

Важным условием сотрудничества является наличие на предприятии специалистов, способных осознать и внедрить современные технологии. В этом направлении в Политехническом университете Петра Великого организована переподготовка работников предприятий по информационным технологиям. К перспективным направлениям сотрудничества можно отнести исследования и опытное применение на предприятиях постиндустриальных технологий: нано-, биотехнологий, нанoeлектроники и др. [9]. Зарубежные авторы отмечают значимую роль российских университетов. Они работают над внедрением научных знаний, ко-

торые действительно могут стать ключом к глобально конкурентоспособным технологическим инновациям [10].

Наряду с вузами большой потенциал внедрения научных результатов имеют академические учреждения Санкт-Петербурга.

Формой организации участия академических учреждений во внедрении научного результата может быть специализированная научно-производственная программа. Ее применение рекомендуется, например, в Республике Карелия [11]. Программа содержит весь цикл работ: фундаментальные исследования (в случае необходимости) прикладные исследования, опытно-экспериментальные работы, освоение в производстве, продвижение продукта потребителю, т.е. она направлена на восстановления длинной технологической цепочки от научного результата до его реализации на рынке. Координатором программы может стать научная организация. В программе может быть реализован сетевой принцип организации работ по доведению конкретного результата фундаментальных исследований до практического применения, участники находятся в состоянии кооперации, постоянного обмена знаниями, взаимно используют свои активы и координируют решения. Устанавливается прямая связь между участниками (вне ценовых сегментов) и коллективный способ реагирования в случаях возникновения негативных воздействий внешней среды (через объединение ресурсов и кооперацию). Интегративный эффект в достижении цели программы достигается благодаря постоянным согласованиям между участниками: представителями науки, бизнеса и государства, что снижает уровень неопределенности.

В формате целевой программы может быть реализован взаимозависимый нелинейный инновационный процесс, характеризующийся более стабильными, основанными на доверии отношениями с возможностью перетока неявного знания, заключенного в специалистах, рабочей силе, навыков, умений, организационной практики, которое здесь можно получить через совместную деятельность [12, с. 449]. В программе может быть реализован принцип равновесия между спросом и предложением инноваций, достигаемый участием в ней как научных организаций, так и предприятий – производителей новшества, ориентированных на выявленный рынок сбыта новой продукции [13].

Фактором повышения сотрудничества могут быть действия региональных органов управления в поддержке бизнеса в проведении инновационной деятельности.

Наряду с большой работой, проводимой в этой сфере (формирование свободных экономических зон, технопарков, бизнес-инкубаторов, разработки стратегических документов по развитию инновационной деятельности), значимость ее для экономического и социального развития предопределяет необходимость оперативного содействия вовлечения бюджета в инновационную деятельность, проявления инициативы и становления партнерских отношений, не ожидая указаний «сверху».

Успех может быть достигнут, если местная власть осознает себя как равноправного партнера с наукой и бизнесом в решении инновационных задач, если будет вести постоянный диалог с наукой и бизнесом, будет способствовать формированию сетевой конструкции инновационной деятельности в регионе – совместной деятельности научных организаций, вузов, инжиниринговых центров, инновационных кампаний, созданию стимулирующих условий по использованию ресурсов региона, обеспечению устойчивого экономического развития регионов. Особенно возрастает роль местной власти в кризисный и посткризисный периоды, когда актуальным становится сохранение инженерных школ крупных предприятий,

которые создавались десятилетиями и благодаря которым выпускается продукция мирового класса. В эти же периоды важно использовать преимущества различного рода объединений, в том числе ассоциаций, кластеров в направлении дополнений деятельности одних предприятий другими.

Выводы

Оценивать производство как наукоемкое, исходя из пороговой величины для отдельного предприятия неприемлемо. Отношение затрат на технологические инновации к выручке предприятия будет характеризовать производство как наукоемкое, если выпускаемые предприятием изделия конкурентоспособны на мировом рынке.

Статистический анализ показал, что производство ведущих предприятий Санкт-Петербурга является наукоемким: выпускаемая ими продукция конкурентна на мировом рынке или ее параметры не ниже зарубежных аналогов.

Вузы города вносят значительный вклад в повышении наукоемкости производства благодаря совмещенности действий с производственными предприятиями (научные исследования ориентированы на решение задач предприятий).

Может быть повышена роль региональной власти в развитии инновационной деятельности, становясь партнером науки и бизнеса в этой сфере.

Результаты исследования вносят вклад в теорию инвестиций на микроуровне в части выявления инвестиций в инновации как компонента наукоемкости производства, анализа его состояния и движения по предприятиям во временном аспекте. В прикладном плане анализ динамики инвестиций в инновации может быть использован в формировании инновационной политики предприятия с учетом опыта прошлых лет.

Литература:

1. Гончар К. Инновационное поведение крупнейших компаний: ленивые монополии или агенты модернизации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. №3. – С. 3-14.
2. Celik N., Akgüngör S., Kumral N. An assessment of the technology level and knowledge intensity of regions in Turkey // *European Planning Studies*. 2019. Vol. 27. issue 5. – PP. 952-973.
3. Kapyla J., Laihonen H., Lönnqvist A., et al. Knowledge-intensity as an organisational characteristic // *Knowledge Management Research & Practice*. 2011. Vol. 9, issue 4: SPECIAL ISSUE: Managing Knowledge Assets in a Complex Business Landscape. – PP. 315-326.
4. Альжанова Ф.Г. Концепция наукоемкой экономики: основные подходы и направления формирования в Казахстане // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2017. №18-2. – С. 7-14.
5. Бажанов В.А., Денисова К.В. Об одном способе комплексной оценки уровня наукоемкой продукции // *Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки*. 2011. Том 11, вып. 2. – С. 53-61.
6. Корчагова Л.А., Корчагов С.А. Влияние наукоемкости и инноваций на развитие экономики России // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика, Управление, Право»*. 2018. №3. – С. 64-76. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-3-64-76.
7. Тихонова А.Д. Сотрудничество вузов и промышленных предприятий для обеспечения регионального развития // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2016. Vol. 7. №4. – С. 117-129.

8. Каплунов И.А., Кожитов Л.В., Попкова А.В. и др. Особенности деятельности инжинирингового центра (малого инновационного предприятия) Тверского государственного университета // *Инновации*. 2020. №9. – С. 16-21.

9. Румянцев А.А. Постиндустриальные технологии в экономике Северо-Запада России // *Экономика региона*. 2021. Т. 17. Вып. 1. – С. 103-113.

10. Gershman M., Roud V., Thurner T.W. Open innovation in Russian state-owned enterprises // *Journal Industry and Innovation*. 2019. Vol. 26, issue 2: Innovation in State Owned Enterprises: Implications for Technology Management and Industrial Development. – PP. 199-217.

11. Тишков С.В. Совершенствование региональной политики в сфере развития инновационных процессов в Республике Карелия // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2013. №1-2. – С. 106-119.

12. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знаний. Отв. ред. А.Н. Пилясов. 2012. – Смоленск. Ойкумена. 760 с.

13. Румянцев А.А. О реализации результатов фундаментальных исследований в инновационной деятельности бизнес-структур // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2017. №2. – С. 55-63.

УДК 338.242

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-102-114

Свириденко М. В.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ЕГО АДМИНИСТРАТИВНОГО СТАТУСА: ПОТЕНЦИАЛ КОЛТУШКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время в Ленинградской области в зоне ее агломерационного развития ряд сельских поселений переживает специфический «бум» развития: колоссальное жилищное строительство, значительный прирост населения, рост спроса на недвижимость и землю, некоторое увеличение социальной инфраструктуры. В силу объективных причин ряд сельских поселений изменили свой административный статус с сельского на городской, в том числе Виллозское, Муринское, Заневское поселения [1].

Интенсивное развитие МО Колтушское СП также связано с его географическим положением – непосредственным соседством с Санкт-Петербургом – крупным промышленным, торгово-транспортным, научным, культурным, туристическим центром. При этом муниципальное образование наделено статусом сельского поселения [2, 3].

Численность зарегистрированного населения муниципального образования по состоянию на 01.01.2020 составляет 29 661 человек. Демографическая ситуация в муниципальном образовании характеризуется увеличением численности жителей за счет ввода в строй новых многоэтажных жилых домов, что приводит к пополнению населения молодыми семьями.

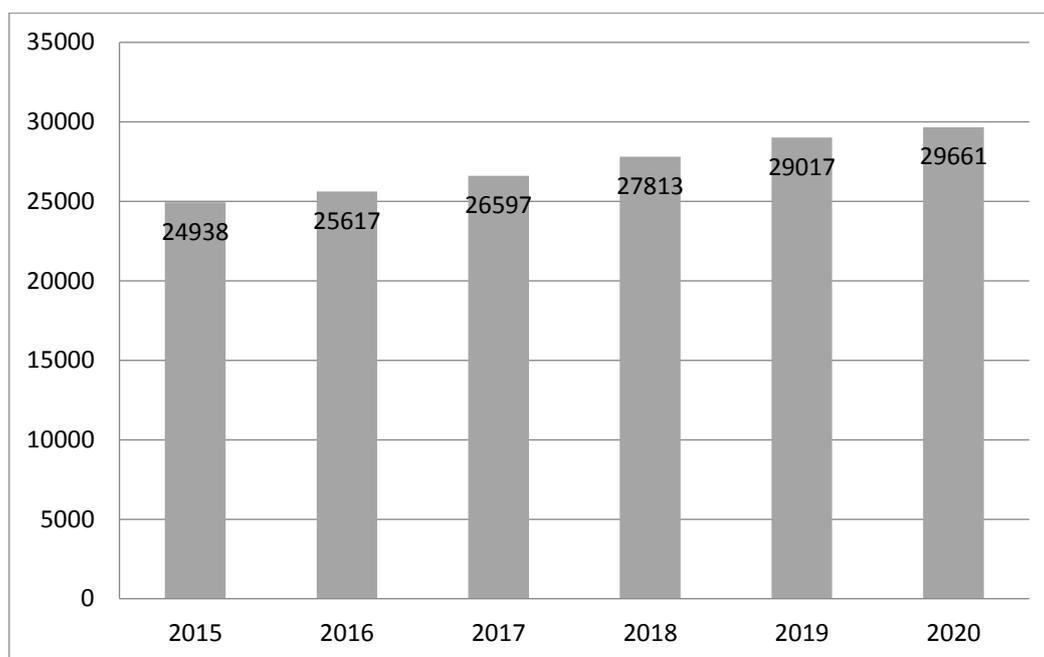

Рисунок 1 – Численность населения МО Колтушское СП на 1 января текущего года, чел.

Генеральный план МО Колтушское СП с 2018 г. по 2035 г. предусматривает увеличение жилых зон в 1,28 раз, увеличение деловых зон в 1,26 раз, увеличение производственных зон в 2,09 раз, увеличение зон транспортной инфраструктуры в 1,60 раз, увеличение рекреационных зон в 1,21 раз. Если в 2015 г. на территории МО Колтушское СП было введено в действие 700 м² общей площади индивидуальных жилых домов, то в 2019 г. данный показатель составил уже 2952 м² [4, 5].

Ведущую роль в экономике МО Колтушское СП занимает агропромышленный комплекс, который в большей части представлен производством овощей закрытого грунта.

В 2019 году было отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) на сумму 3 248,8 млн руб., что составило рост 28,7% по сравнению с 2018 годом.

Территория МО Колтушское СП обладает высоким потенциалом для развития многофункциональной экономики, связанным с расположением муниципального образования, в границах развитой транспортной инфраструктуры, наличием территорий, привлекательных для размещения объектов производственного, общественно-делового, жилищного, рекреационного назначения.

Общая сумма инвестиций с учетом собственных и привлеченных средств в 2019 году составила 3 938,4 млн рублей. Существующее количество рабочих мест на территории МО Колтушское СП (без учета бюджетных организаций и предприятий жилищно-коммунального хозяйства) составляет – 2430 чел. Распределение занятых по основным сферам экономики (без учета бюджетных организаций и предприятий жилищно-коммунального хозяйства) на территории МО Колтушское СП в динамике представлено в таблице 1.

**Таблица 1 – Распределение занятых по основным сферам экономики
(без учета бюджетных организаций и предприятий жилищно-коммунального хозяйства) на территории МО Колтушское СП**

№ п/п	Вид деятельности	Среднесписочная численность работников			
		1996 г.		Существующая	
		чел.	%	чел.	%
1	Промышленность	100	4,6	237	9,8
2	Транспорт			29	1,2
3	Строительство	150	6,8	207	8,5
4	Сельское хозяйство	850	38,6	500	20,6
5	Наука	700	31,8	613	25,2
6	Торговля и общественное питание	400	18,2	751	30,9
7	Бытовое обслуживание			93	3,8
	Всего	2200	100,0	2430	100,0

Помимо внутренних факторов развития поселения, для принятия взвешенного решения необходимо сопоставить основные параметры текущего социально-экономического положения МО Колтушское СП и перспективы его развития с аналогичными показателями городских поселений Ленинградской области, расположенных в пригородной зоне Санкт-Петербурга, что позволит оценить степень соответствия муниципального образования статусу городского поселения. На рисунках 2-6 представлено сопоставление по ключевым показателям социально-экономического развития поселений.

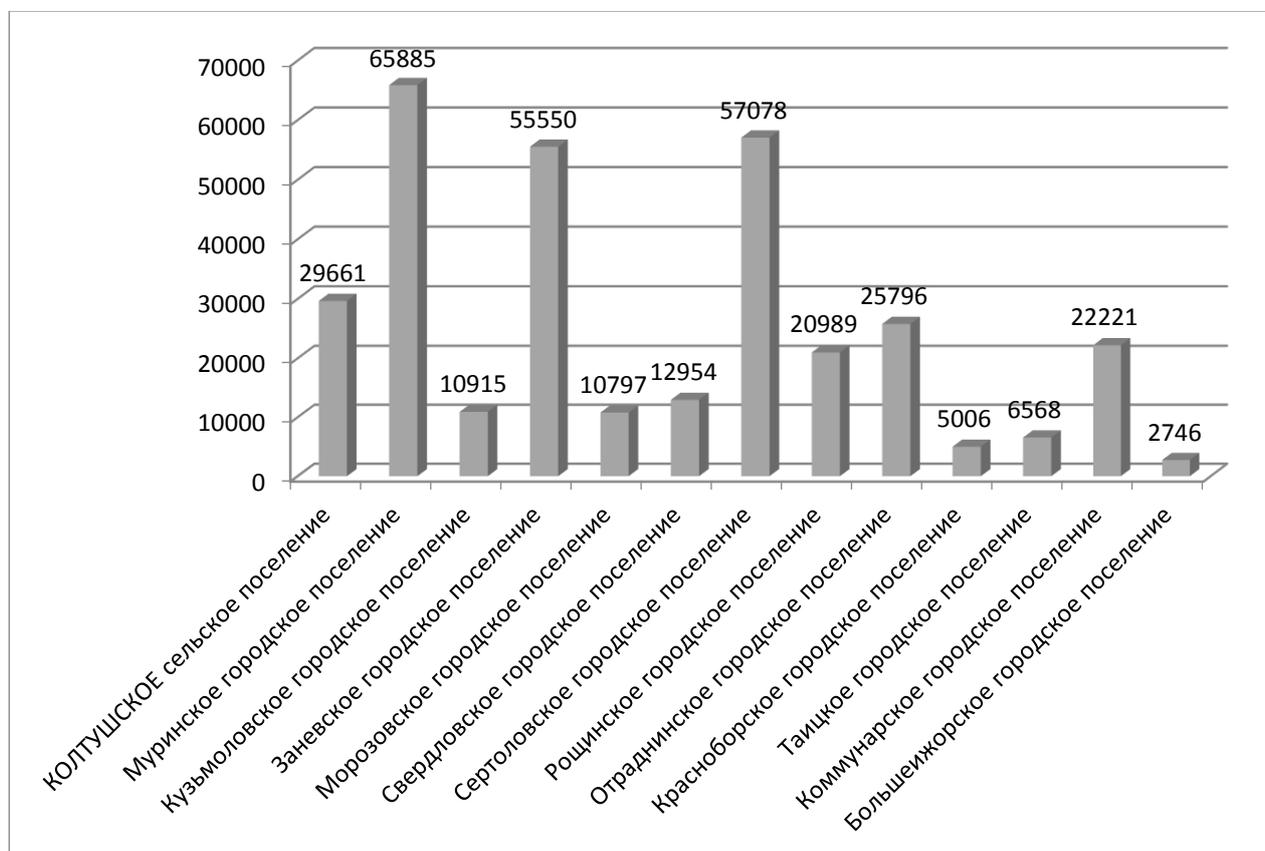

Рисунок 2 – Численность постоянного населения в пригородных городских поселениях Ленинградской области, отобранных для сравнения на 01.01.2020 г.

МО Колтушское СП демонстрирует одну из самых активных динамик численности населения за последние годы, уступая только таким городским поселениям как Муринское и Заневское, в котором процессы жилищного строительства и соответственно увеличения численности населения муниципального образования носят чрезвычайно динамичный характер. Для МО Колтушское СП характерны процессы активной маятниковой миграции населения, что отражается в трудовом балансе. Данная специфика объясняется более широким набором мест приложения труда и максимально благоприятную транспортную доступность Санкт-Петербурга.

По соотношению среднего уровня заработной платы работников организаций МО Колтушское СП не отстает от показателей городских поселений, демонстрируя значения, выше среднего, обгоняя в том числе Муринское, Тайцкое, Заневское, Коммунарское городские поселения.

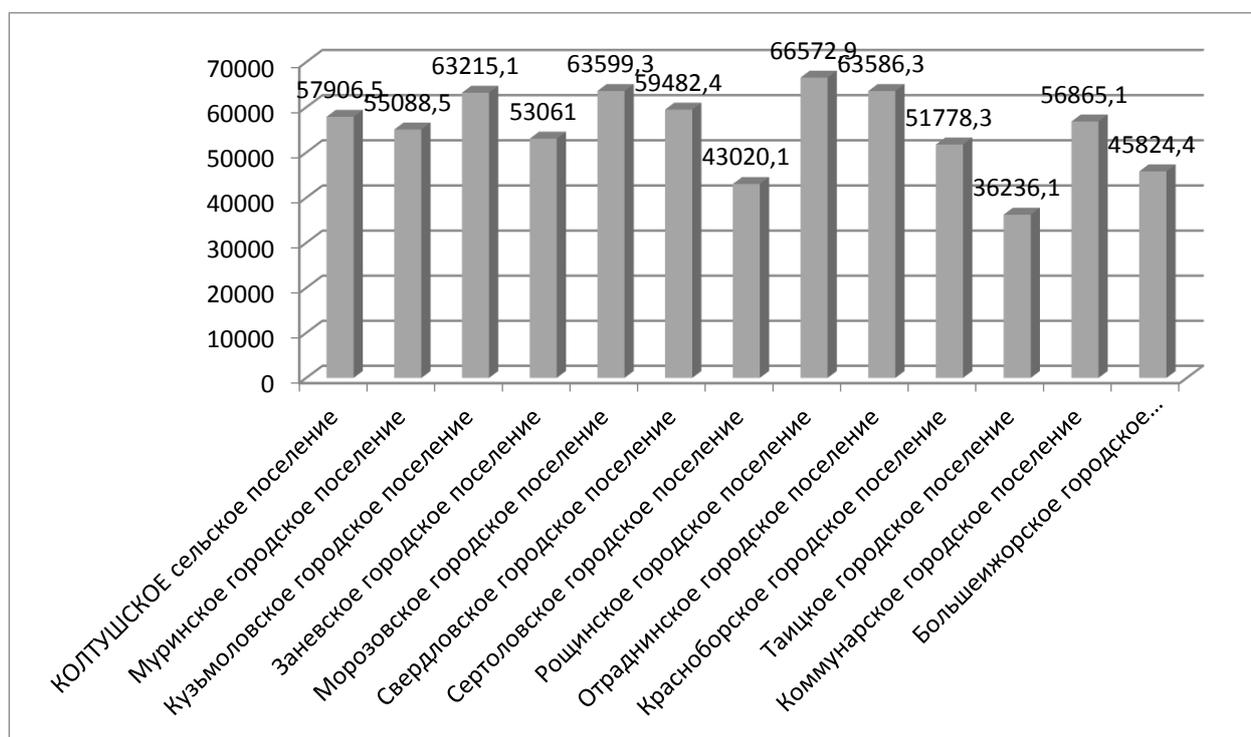

Рисунок 3 – Среднемесячная начисленная заработная плата работников по организациям Ленинградской области за 2019 года, тыс. руб.

По среднесписочной численности работников МО Колтушское СП занимает средние значения среди пригородных городских поселений Ленинградской области, уступая более крупным муниципальным образованиям – Свердловскому, Заневскому, Муринскому, Сертоловскому, Отраденскому. При этом по данному показателю МО Колтушское СП обгоняет Морозовское, Рощинское, Красноборское, Тайцкое, Большеижорское городские поселения.

По показателю объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по организациям Ленинградской области МО Колтушское СП занимает средние позиции, уступая таким городским поселениям как Отраденское, Коммунарское, Свердловское. При этом МО Колтушское СП обгоняет по данному показателю Муринское, Красноборское, Рощинское, Тайцкое, Большеижорское городские поселения.

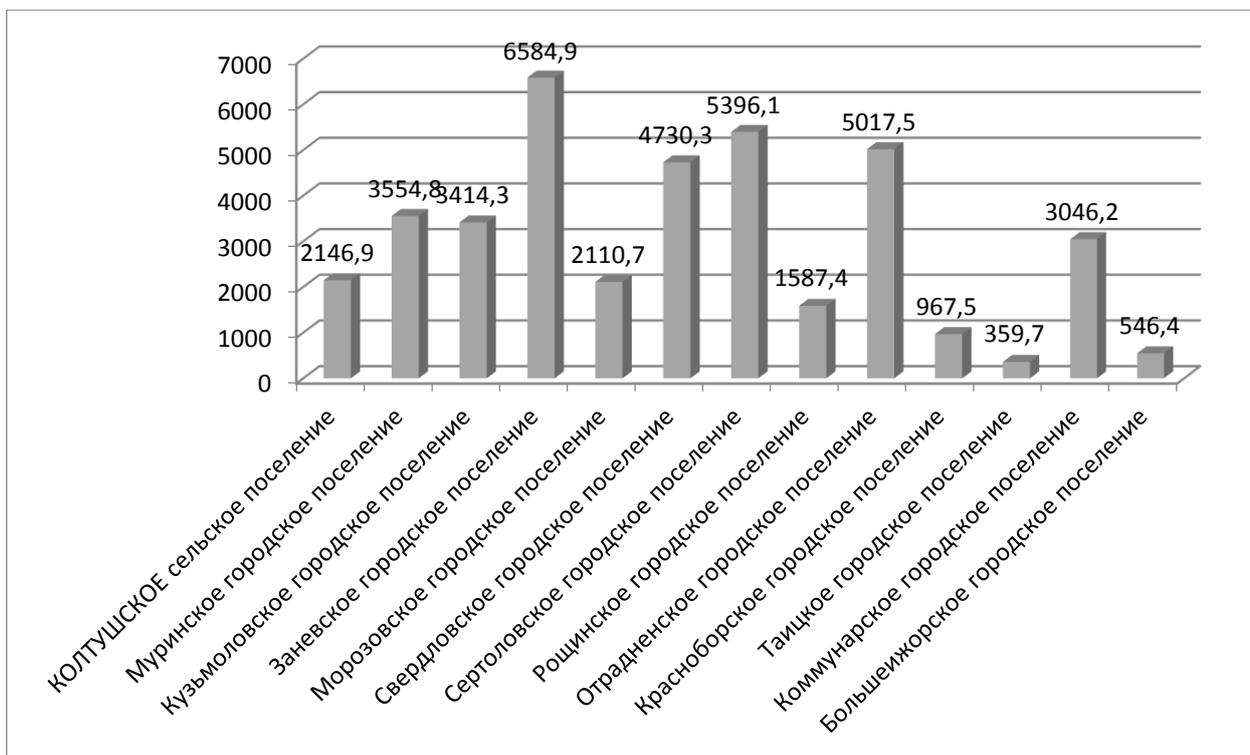

Рисунок 4 – Среднесписочная численность работников по организациям Ленинградской области в 2019, чел.

По показателю сальдированного финансового результата предприятий и организаций городских поселений Ленинградской области, МО Колтушское СП занимает среди представленных на рисунке 10 пригородных поселений средние позиции и обгоняет по данному показателю Муринское, Красноборское, Рощинское, Большееижорское, Таицкое городские поселения.

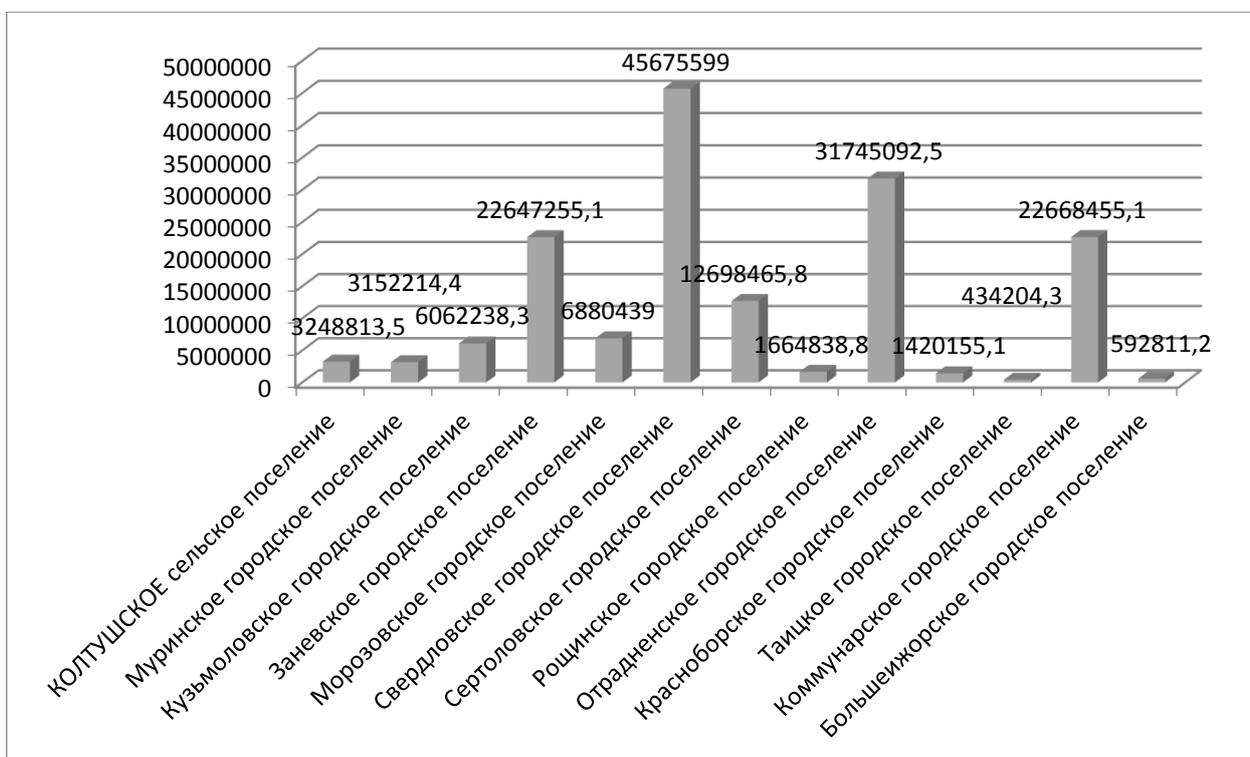

Рисунок 5 – Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по организациям Ленинградской области в 2019 году, тыс. руб.

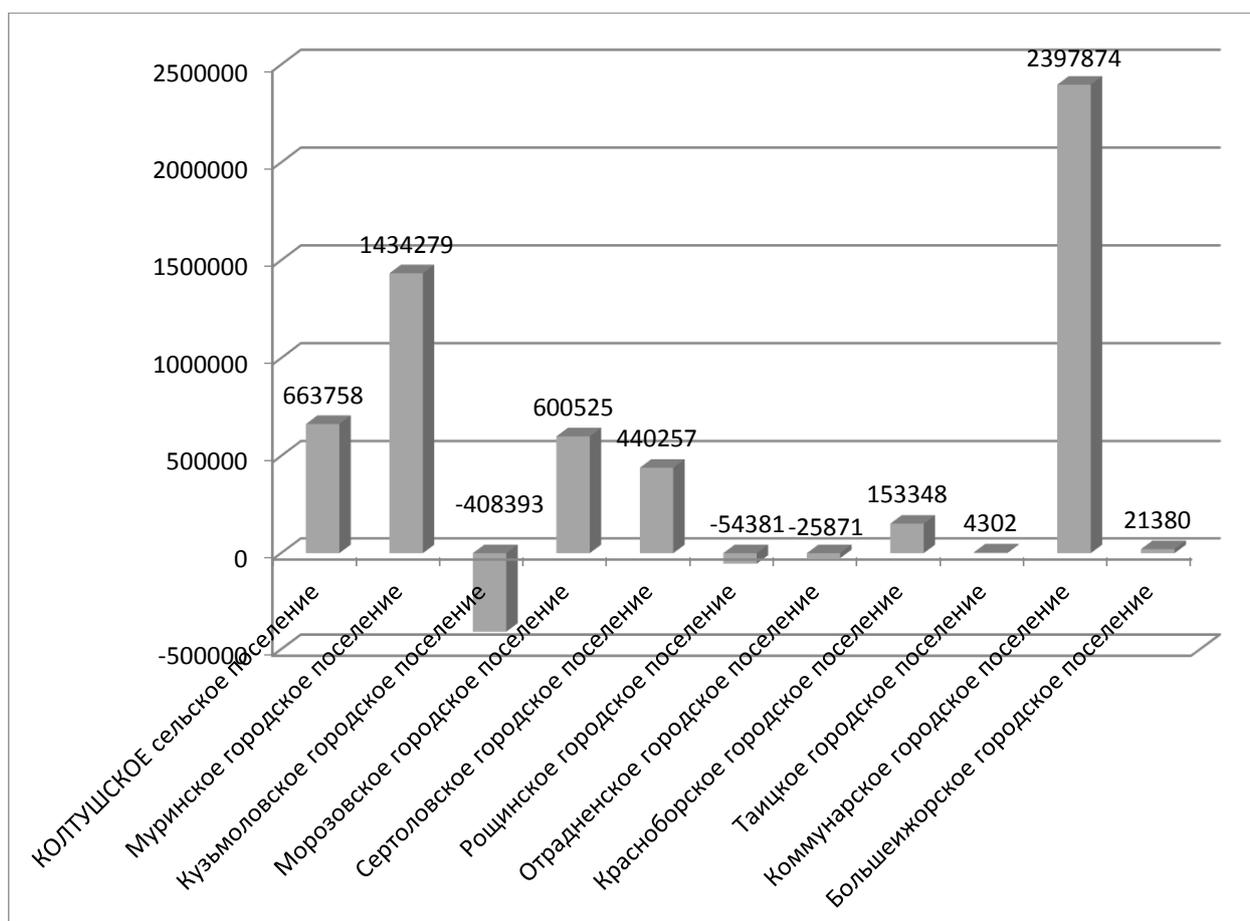

Рисунок 6 – Сальдированный финансовый результат деятельности организаций за 2019 год, тыс. руб.

На основе сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что МО Колтушское СП, как минимум, сопоставимо, а в значительном количестве случаев, опережает по ряду ключевых показателей социально-экономического развития схожие по параметрам пригородные городские поселения Ленинградской области.

Показатели, по которым МО Колтушское СП занимает более низкие позиции, относятся в большинстве случаев к тем сферам, динамика развития которых отстаёт от градостроительного развития МО Колтушское СП и в ближайшие годы с учетом принятия изменений в генеральный план поселения, ситуация должна измениться, что делает его перевод в статус городского поселения обоснованным и целесообразным.

Поскольку Колтушское сельское поселение по своим параметрам соответствует статусу городского поселения, то был выполнен SWOT-анализ инфраструктурных и экономических возможностей развития муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области в условиях изменения его административного статуса (табл. 2)

Таблица 2 - SWOT-анализ инфраструктурных и экономических возможностей развития муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области в условиях изменения его административного статуса (в соответствии с ч. 1 ст. 14 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»)

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
<p>ЖКХ и инженерно-техническая инфраструктура</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспеченность населения жильем на территории изменений в Генеральный план МО Колтушское СП составляла 43,4 м² общей площади квартир (индивидуальных домов) на 1 чел., что является высоким показателем при существующем соотношении типов застройки; • Уровень обеспеченности жилого фонда централизованными инженерными системами высокий, в том числе по системам: <ul style="list-style-type: none"> – водоснабжение – 94 % – водоотведение – 97 % – теплоснабжение – 74 % (отопление – 74 %, горячее водоснабжение -73 %); – газоснабжение – 85 %. • Наличие максимально полного перечня вопросов местного значения поселений в соответствии с федеральным законодательством в сфере ЖКХ и технической инфраструктуры, что позволит МО Колтушское СП из местного бюджета решать насущные проблемы в сфере ЖКХ и инфраструктуры; 	<ul style="list-style-type: none"> • В ветхом или аварийном состоянии находятся 6 % существующего жилищного фонда МО Колтушское СП; • На территории МО Колтушское СП используется только автомобильный транспорт; • Транспортное обслуживание населения в направлении Санкт-Петербурга выполняют автотранспортные предприятия Санкт-Петербурга с начальным пунктом в Санкт-Петербурге у станции метрополитена «Ладожская» и полной затратой времени на передвижение до деревни Колтуши (с учетом подходов и ожидания) 50 мин; • Существующий уровень развития маршрутной сети общественного автомобильного транспорта (разветвленность, плотность, обеспеченность подвижным составом, интервалы движения) на территории муниципального образования не соответствуют потребностям населения; 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность освоения территории муниципального образования Колтушское сельское поселение под жилое строительство, в том числе создание крупных жилых массивов индивидуальной и многоквартирной мало-, среднеэтажной застройки; • Реконструкция канализационных очистных сооружений, с целью приведения качества сточных вод в соответствие с действующими нормативами; • Реконструкция водонапорной станции «Аро» с увеличением производительности с учетом потребностей МО Колтушское СП • Развитие децентрализованного теплоснабжения проектируемой индивидуальной и малоэтажной жилой застройки от собственных источников, работающих на газовом топливе; • Строительство модульных котельных для теплоснабжения производственных и общественных и рекреационных объектов 	<ul style="list-style-type: none"> • Срыв планов по реализации муниципальных программ в сфере ЖКХ и модернизации инженерной инфраструктуры; • Сокращение инвестиционно-финансовых возможностей развития жилищного строительства и модернизации коммунальной инфраструктуры; • Рост тарифов на коммунальные услуги; • Нарастание износа коммунальных сетей, и, как следствие, увеличение количества аварий.

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
	<ul style="list-style-type: none"> • На территории МО Колтушское СП активно ведется коттеджное строительство; • Наличие высвобождаемых земель сельскохозяйственного назначения для жилищного строительства. 	<ul style="list-style-type: none"> • Существующее состояние объектов инфраструктуры общественного автомобильного транспорта - обустроенность остановочных пунктов, в том числе с учетом потребностей маломобильных групп населения, обустроенность разворотных колец и мест межрейсового отстоя автобусов не соответствует современным требованиям; • Неудовлетворительное состояние покрытия на дорогах общего пользования муниципального образования Колтушское сельское поселение; • Необходимость содержания автомобильных дорог общего пользования местного значения муниципального образования Колтушское сельское поселение. • Необходимость поддержания в нормативном состоянии муниципальных автомобильных дорог и их элементов на территории муниципального образования Колтушское сельское поселение Ленинградской области. 	<ul style="list-style-type: none"> • Строительство газораспределительных сетей в населенных пунктах; • Реконструкция улично-дорожной сети в соответствии с современными требованиями; • Организация светофорного регулирования на основных перекрестках улично-дорожной населенных пунктов, разноуровневых пешеходных переходов через автомобильную дорогу федерального значения «Кола» («Санкт-Петербург – Мурманск») – 2 шт. в границах деревни Разметелево; • Усовершенствование автомобильных дорог общего пользования местного значения, достижение спада роста аварийности на автомобильных дорогах общего пользования местного значения муниципального образования МО Колтушское СП; • Обеспечение круглогодичного содержания автомобильных дорог общего пользования местного значения; • Обеспечение поддержания в нормативном состоянии муниципальных автомобильных дорог и их элементов на территории муниципального образования Колтушское сельское поселение. 	

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
<p>Пространственное развитие и благоустройство</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Разработаны изменения в Генеральный план МО Колтушское СП; • Реализация муниципальной программы «Комплексное благоустройство территории муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области»; • Территория обладает высоким рекреационным потенциалом, определяемым природно-ландшафтной, экологической и исторической характеристикой местности; • Территория обладает высоким потенциалом для развития многофункциональной экономики, связанным с расположением муниципального образования, развитой дорожной сетью, наличием территорий, привлекательных для размещения объектов общественно-делового, жилищного, рекреационного назначения; • Территория обладает высоким природно-экологическим потенциалом, определяемым благоприятным экологическим качеством среды со стабилизирующим влиянием лесов, однородными инженерно-геологическими условиями. 	<ul style="list-style-type: none"> • Существующее состояние объектов инфраструктуры общественного автомобильного транспорта и благоустройства – обустроенность остановочных пунктов, в том числе с учетом потребностей маломобильных групп населения, обустроенность разворотных колец и мест межрейсового отстоя автобусов не соответствует современным требованиям; • Необходимость благоустройства и озеленения санитарно-защитных зон производственных территорий, в том числе теплиц ЗАО «Агрофирма «Выборжец» для сокращения их влияния на жилую застройку (д. Старая); • Несоответствие уровня благоустройства в МО Колтушское СП нормативным значениям. 	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация генерального плана поселения; • Формирование планировочной структуры территории как среды жизнедеятельности с максимально возможной интеграцией маломобильных групп населения во все сферы жизни общества – труд, быт, образование, досуг, проживание, реабилитация, с обеспечением беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры в соответствии с требованиями нормативных документов; • Улучшение организации сбора отходов с частного жилого сектора и неорганизованных мест отдыха населения; 	<ul style="list-style-type: none"> • Высокие темпы массового жилищного строительства с одновременным существенным отставанием уровня благоустройства территории от запланированного; • Невыполнение планов благоустройства и озеленения территорий многоквартирных жилых домов строительными компаниями, возводящими жилье в силу банкротств, отсутствия средств, кризиса и т.д.

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
Экономика	<ul style="list-style-type: none"> • Существующее количество рабочих мест на территории МО Колтушское СП (без учета бюджетных организаций и предприятий жилищно-коммунального хозяйства) составляет - 2430 чел. • К основным видам деятельности на территории Колтушского сельского поселения, не считая непромышленную сферу (учреждения управления, предприятия жилищно-коммунального хозяйства, культуры, образования и здравоохранения), относятся сельское хозяйство – 20,6 % рабочих мест, наука - 25,2 % рабочих мест, торговля и общественное питание – 30,9 % рабочих мест; • Самыми крупными предприятиями на территории МО Колтушское СП на протяжении последнего десятилетия остаются - сельскохозяйственное предприятие (тепличное хозяйство) ЗАО «Агрофирма «Выборжец», расположенное у деревни Старая, - 500 рабочих мест и научное учреждение - Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН, расположенный в селе Павлово -350 рабочих мест; • Существующий общий объем трудовых ресурсов на территории 	<ul style="list-style-type: none"> • Производственная сфера в поселении развита недостаточно, экономика поселения не предоставляет жителям большой выбор рабочих мест в производственной сфере; • отсутствие развитой градообразующей базы и, как следствие, низкая занятость экономически активного населения на территории муниципального образования; • Низкий уровень жизни населения в условиях недостаточно развитой сети объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры; • За последнее десятилетие произошло снижение количества рабочих мест, при сохранении этой тенденции сельскохозяйственные предприятия и научные учреждения перестанут быть градообразующей базой Колтушского сельского поселения; • Велика величина трудовой мятниковой миграции за пределы поселения – в Санкт-Петербург, Всеволожск, в соседние муниципальные образования. Учитывая встречные трудовые потоки из Санкт-Петербурга и Всеволожска, величина трудовой миграции из МО Колтушское СП составляет около 80 % от трудовых ресурсов поселения. 	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка и принятие муниципальных программ «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства на территории МО Колтушское СП», «Стимулирование экономической активности МО Колтушское СП»; • Увеличение количества зарегистрированных субъектов малого и среднего предпринимательства; • Создание новых рабочих мест; • Прирост объемов налоговых поступлений от субъектов малого и среднего предпринимательства в доход бюджета МО Колтушское СП; • Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. 	<ul style="list-style-type: none"> • Ужесточение конкуренции за трудовые ресурсы со стороны крупных субъектов хозяйствования; • Усиление налогового пресса на малые и средние предприятия, и, как следствие, стимулирование их развития.

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
	МО Колтушское СП с учетом трудящегося населения старше трудоспособного возраста (30 % от численности населения старше трудоспособного возраста) составляет 15,32 тыс. чел.			
Финансы и бюджет	<ul style="list-style-type: none"> • Реализация муниципальной программы «Управление муниципальными финансами муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области»; • Перевод большей части расходов местного бюджета на принципы программно-целевого планирования, контроля и последующей оценки эффективности их использования; • Ведется работа по выявлению недоимки по налоговым поступлениям, администрирование доходов от арендной платы за землю, выявлению объектов должным образом не зарегистрированных в собственность граждан и юридических лиц, а также бесхозяйного имущества, что позволит муниципальному образованию увеличить доходную часть; • Доходы бюджета МО Колтушское СП: 	<ul style="list-style-type: none"> • Бюджет поселения дефицитный, имеют место дотации по выравниванию бюджетной обеспеченности. 	<ul style="list-style-type: none"> • Проведение работ и мероприятий по увеличению доходов бюджета МО Колтушское СП по направлениям: <ul style="list-style-type: none"> – привлечение инвесторов на территорию сельского поселения; – постановка на учет новых налогоплательщиков в налоговых органах; – снижение задолженности организаций по платежам в бюджеты всех уровней; – выявление недобросовестных налогоплательщиков - физических лиц, с последующей передачей информации в налоговые органы для дальнейшей работы по взысканию задолженностей; – формирование земельных участков с последующим выставлением их на торги; 	<ul style="list-style-type: none"> • Сокращение налогооблагаемой базы, падение доходов населения и доходов местного бюджета; • Снижение инвестиционной активности на территории МО Колтушское СП, и, как следствие, ограничения, связанные с развитием расходной части бюджета, и прежде всего – социальной направленности.

Сфера	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
	<ul style="list-style-type: none"> – Налоги на доходы физических лиц – 17% от общей суммы доходов бюджета МО Колтушское СП; – Налоги на совокупный доход - 3% от общей суммы доходов бюджета МО Колтушское СП; – Налоги на имущество (имущество физических лиц и земельный налог) – 58%; – Доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности – 4% – Доходы от оказания платных услуг – 1% от общей суммы доходов бюджета МО Колтушское СП; – Доходы от продажи нематериальных активов – 1,3% от общей суммы доходов бюджета МО Колтушское СП; – Безвозмездные поступления – 16% от общей суммы доходов бюджета МО Колтушское СП. 		<ul style="list-style-type: none"> • Многократное увеличение доходов бюджета в результате реализации проектов по строительству жилых комплексов, торговых, складских комплексов. 	

Литература:

1. Свириденко М.В. Изменение статуса муниципального образования как ключевая возможность социально-экономического развития пригородных сельских поселений Ленинградской области в условиях интенсивного жилищного строительства // Экономика и предпринимательство. 2016. № 7. – С. 687-695.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. – (<http://www.consultant.ru/>).
3. Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения [Текст]: закон Ленинградской области от 15 июня 2010 г. № 32-оз – (<http://www.consultant.ru/>).
4. Материалы по обоснованию изменений в генеральный план муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области // Постановление Правительства Ленинградской области от 28.12.2018 № 523 «Об утверждении изменений в Генеральный план муниципального образования "Колтушское сельское поселение" Всеволожского муниципального района Ленинградской области».
5. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Колтушское сельское поселение Всеволожского муниципального района Ленинградской области на период с 2018 г. до 2035 г. Решение Совета депутатов МО Колтушское сельское поселение №82 от 01.12.2017 г.

УДК 338:242; 331

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-114-120

**Скворцова М.Б.,
Шестакова Н.Н.,
Кузьмина Л.К.**

СОЦИАЛЬНЫЙ СЕКТОР: ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Развитие цифровой экономики безусловно оказывает влияние на формирование, использование человеческого капитала. Эти изменения в последнее десятилетие находятся в фокусе теоретических и практических исследований научного сообщества, изучающего различные аспекты человеческого капитала.

В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» одним из приоритетных направлений развития страны названа цифровая трансформация, связанная с достижением «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы.

Согласно определению д.экон.н. С.А. Иванова «под социальным сектором экономики мы понимаем совокупность отраслей, деятельность которых непосредственно направлена на

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН ««Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-1211011190093-2.

удовлетворение социальных нужд, интересов населения и работу которых государственные и муниципальные органы власти и управления контролируют и поддерживают в наибольшей степени. Главной особенностью социального сектора экономики является то, что его целевой функцией выступает формирование и развитие человеческого капитала, и именно в этом контексте социальный сектор является приоритетным для регулирования и поддержки со стороны государства» [1].

В рамках данной статьи мы рассмотрим сферы образования, здравоохранения и социальной защиты населения, которые оказывают, с нашей точки зрения, значительное влияние на формирование человеческого капитала. Интерес, в первую очередь представляет цифровизация, обозначенных направлений.

Новая социально-экономическая реальность в условиях пандемии, охватившей все страны, в том числе и Российскую Федерацию, предъявляет повышенный спрос на поддержку населения за счет мер социальной защиты. Так, расходы консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2020 г. выросли с 36 955,3 до 42 150,9 млрд руб. (на 10,2% в сопоставимых ценах 2019 г.) [2]. Основной вклад в повышение расходов приходится на рост расходов по разделу «Социальная политика» и «Здравоохранение» (табл. 1). Рост расходов в основном связан с реализацией мер по поддержке экономики в условиях ограничений, принимаемых в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции.

Таблица 1 – Структура и динамика расходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2020 г., млрд руб. и %

Наименование	Млрд руб.	Удельный вес, %	Темп роста к 2019 г. (в сопоставимых ценах)
Расходы – всего в том числе:	42150,9	100,0	110,2
Общегосударственные вопросы	2551,6	6,1	105,7
Национальная оборона	3170,7	7,5	102,3
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2392,4	5,7	103,6
Национальная экономика	6040,8	14,3	113,0
ЖКХ	1590,5	3,8	97,7
Охрана окружающей среды	303,9	0,7	117,4
Образование	4324,0	10,3	103,2
Культура, кинематография	610,1	1,4	100,4
Здравоохранение	4939,4	11,7	126,0
Социальная политика	14769,6	35,0	113,0
Физическая культура и спорт	400,7	1,0	103,2
Средства массовой информации	173,7	0,4	107,7
Обслуживание государ. и муницип. долга	883,5	2,1	102,3
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	0,1	0,0	в 10,2 р.

Источник: [2].

Социальная защита населения одно из сложных направлений социальной сферы экономики. От эффективности этого направления зависит уровень социальной напряженности в регионе, а также уровень и качество жизни населения, в свою очередь оказывающие непосредственное влияние на формирование человеческого капитала.

Социальная защита рассматривается как система мер, средств, действий, призванных помочь определенным слоям, группам, общностям и отдельным людям, подвергающимся неблагоприятному воздействию экономических, социальных, экологических, демографических и других факторов.

Взаимозависимость между формированием человеческого капитала и изменением уровня дохода индивида описана многими исследователями. С увеличением дохода расширяются возможности для развития человеческого капитала на новом качественном уровне; с уменьшением дохода – воспроизводство человеческого капитала происходит в суженном масштабе: падает мотивация к получению высокого уровня квалификации, не оправдываются ожидания получения возрастающего дохода; сокращаются возможности доступа к получению различного вида услуг в системе платного образования, здравоохранения.

Формально в России обеспечивается защита граждан практически от всех основных социальных рисков падения уровня доходов: болезни, трудового увечья, временной нетрудоспособности, инвалидности, материнства, потери работы, старости и смерти, потери кормильца. Принцип адресности заложен в федеральном законе о государственной социальной помощи. Тем не менее социальную поддержку нельзя назвать адресно ориентированной, потому что социальные гарантии защиты от риска бедности не являются приоритетными в российской системе государственной социальной поддержки населения.

Важнейшим шагом на пути цифровизации социальной защиты населения стало утверждение в феврале 2021 г. Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года [3].

Отметим, что уже 2020 г. целый ряд министерств и ведомств (Министерство труда и социальной защиты РФ, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, а также учреждения медико-социальной экспертизы и службы занятости) перевели целый спектр осуществляемых ими функций и предоставляемых населению услуг в онлайн.

Фонд социального страхования РФ в 2018 г. запустил мобильное приложение «Социальный навигатор». Приложение направлено на упрощение и облегчение для граждан получения информации о деятельности не только самого Фонда, но также других организаций и ведомств, предоставляющих услуги в социальной сфере.

В ноябре 2021 г. М. Мишустин своим распоряжением утвердил стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы [4]. Предусмотренные в её рамках проекты направлены на цифровое развитие социальной сферы.

1. «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» обеспечит возможность простого и быстрого начисления мер поддержки без предоставления справок и бумажных документов.

2. «Единый контакт-центр взаимодействия с гражданами» предусматривает развитие механизмов обратной связи с людьми по вопросам получения государственных и муниципальных мер социальной поддержки.

3. «Электронный кадровый документооборот» создаст условия для работодателей и сотрудников в части обмена информацией в форме электронных документов.

4. «Модернизация государственной службы занятости населения» – сделает процесс поиска работы ещё более быстрым и удобным для граждан, а также обеспечит всех участников рынка труда качественными аналитическими сервисами.

Проекты, как утверждает документ, синхронизированы с госпрограммами и нацпроектами.

В среднесрочной перспективе функционирование системы социальной защиты России будет ограничено двумя условиями: со стороны экономики – значительного увеличения доходов бюджета не планируется, со стороны демографии – ростом демографической нагрузки на социальные системы.

Планируется, что реализация проекта «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» позволит повысить адресность и эффективность предоставления мер социальной поддержки наиболее нуждающимся гражданам.

Развитие адресности предоставления мер социальной поддержки способствует повышению эффективности мер социальной защиты, результативному использованию бюджетных средств, снижению уровня бедности, что в свою очередь безусловно оказывает влияние на формирование человеческого капитала.

В 2005 году Всемирная организация здравоохранения приняла концепцию e-Health – электронного здравоохранения. В России термин «Электронное здравоохранение» упоминается с 2010 года, термин «Цифровое здравоохранение» - с 2017-го. В декабре 2018 года был утвержден Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ «Цифровой контур здравоохранения») на период 2019-2024 годов».

Именно этому федеральному проекту отведена роль задавать тон и формировать тренды информатизации государственного здравоохранения нашей страны в ближайшие годы. Тем не менее в 2021 году исполняется уже 10 лет с момента старта государственного проекта создания электронного здравоохранения [5]. За 10 лет была создана база для запуска сервисов как для врачей, так и для пациентов. Сегодня практически все медицинские организации подключены к интернету. Это было сделано как в рамках выше обозначенного проекта, так и в рамках нацпроекта «Цифровая экономика», когда к сети подключили фельдшерско-акушерские пункты. Кроме того, создана необходимая инфраструктура: в медицинских организациях компьютеризированы рабочие места, организованы защищенные каналы связи. Внедряются медицинские информационные системы.

Сегодня доля медорганизаций, использующих медицинские информационные системы и обеспечивающих информационное взаимодействие с ЕГИСЗ, составила 82,4%. 68,7% медорганизаций внедрили централизованные подсистемы государственных информационных систем в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации. 23,4% медучреждений обеспечивают доступ граждан к электронным медицинским документам в личном кабинете «Мое здоровье» на Едином портале госуслуг [5].

Опрос медицинских работников, проведенный Vademecum на платформе «Врачи РФ» в августе 2021 года, в котором участвовали 508 медиков из 70 регионов, показал, что сами они в основном считают уровень цифровизации своей клиники низким: 80% оценили уровень цифровой зрелости своего рабочего места на 5 баллов из 10 и ниже. Почти 90% опрошенных

уверены, что цифровизация нужна, но при этом половине респондентов на данном этапе она никак не помогает. Еще менее развита сфера помощи в принятии врачебных решений. Практически у всех опрошенных нет доступа к модулям, помогающим в диагностике, назначении лечения или маршрутизации пациентов [6].

Пандемия лишь подтвердила необходимость цифровизации системы здравоохранения и ускорила этот процесс. Применение телемедицины в этот же период, когда зачастую было невозможно получить офлайн консультации и диагностику, выявило узкие места в цифровизации здравоохранения и позволило определить направления перестройки организационных схем электронного взаимодействия с учетом новой реальности.

Как известно у телемедицины существует два режима: «врач – врач» и «врач – пациент». Первый режим относительно активно используется в России, а вот режим «врач-пациент» развивается более сложным путем.

Эпидемии COVID-19 выявила нехватку сервисов для проведения удаленных обследований потенциальных больных без риска для здоровья врачей. Проблемы со стороны предложения услуг телемедицины обусловлены тем, что, по наблюдениям экспертов, врачи неохотно приняли компьютеризацию поликлиник. Многие специалисты с трудом обучались использованию компьютеров, что приводило к задержкам в обслуживании пациентов и ухудшению качества приемов. Телемедицинские технологии более сложны в применении, а риски от принятия неправильного решения возрастают. Кроме того, существуют опасения, что внедрение телемедицины может привести к сокращению и без того немногочисленных поликлиник в отдаленных регионах [7].

Надо констатировать, за относительно небольшой период времени в сфере здравоохранения произошел значительный рывок в сторону цифровизации. Не все риски учтены, не все ошибки проанализированы и исправлены, однако запущенный процесс уже сейчас оказывает сильное влияние на непосредственных потребителей данных услуг. Надо четко понимать, что цифровизация не решит все проблемы здравоохранения, но она несет в себе ряд существенных преимуществ, к которым можно отнести:

- Экономические – уменьшение расходов за счет сокращения контактов пациентов с врачами и модернизации организационной системы оказания услуг.
- Профессиональные – повышение качества услуг за счет сокращения количества врачебных ошибок, развития предиктивной медицины, повышения эффективности клинических исследований.
- Социальные – рост доступности качественной медицинской помощи; инвестиции в человеческий капитал страны.

Не секрет, именно образование является ключевой компонентой человеческого капитала. И сбои в традиционном, налаженном функционировании системы образования влекут за собой нарушения не только в процессе и процедуре накопления, но и в реализации этого капитала. В Докладе Всемирного банка приводятся оценки экспертов относительно влияния закрытия учебных заведений на будущие трудовые доходы сегодняшних студентов. В частности, сообщается, что в результате закрытия образовательных учреждений «на пять месяцев, потери будущих предельных трудовых доходов составят около 2,5% в год в течение всей трудовой жизни студента. В случае более длительного закрытия учебных заведений этот эффект может быть еще больше» [8, с. 49-50].

В этом контексте одним из безусловных направлений развития системы образования является ее цифровая трансформация.

Стратегически процесс цифровизации образования обеспечивается рядом документов. В результате анализа следующих документов: паспорт стратегии «Цифровая трансформация образования»; «Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования»; стратегии цифровой трансформации регионов (на примере Санкт-Петербурга) можно сделать следующие выводы:

1. Государство предпринимает попытки реагировать на объективно возникающие вызовы современности, и в том числе на необходимость цифровизации сферы образования как способа сохранения непрерывности и поступательности накопления человеческого капитала. Попытки подобного рода реализуются через разработку соответствующих стратегических документов.

2. Представляется, что, поскольку национальная система образования выстроена на принципах преемственности, то логично было бы ожидать этого и от документов, регламентирующих стратегические процессы ее цифровизации. Однако этих принципов в документах обнаружить не удалось.

3. Из поля зрения разработчиков стратегий, по состоянию на текущий момент, выпал целый образовательный уровень/слой – среднее (включая и начальное) профессиональное образование.

Процесс цифровизации оказывает сильное и разноплановое воздействие на формирование и реализацию человеческого капитала. Однако и скорость внедрения новых технологий, и направления их применения во многом определяются именно человеческим фактором. Существует не менее значимая обратная зависимость цифровых трансформаций от качества человеческого капитала.

Литература:

1. Иванов С.А. О приоритетах исследования социального сектора экономики регионов России // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: Сб. научн. трудов. Вып. 48/ под научной ред. д.э.н. С.А.Иванова. ИПРЭ РАН, - СПб.: ГУАП, 2020. – С. 18.

2. Анализ тенденций в бюджетно-налоговой сфере России. Выпуск №22. Научно-исследовательское объединение РЭУ им.Г.В. Плеханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rea.ru/ru/Pages/exspertixareu.aspx>

3. Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 февраля 2021 №431-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLuEe3Ru.pdf>

4. Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ. Утверждено распоряжением Правительства РФ от 6 ноября 2021 г. № 3144-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZIA968CdCPuk916nh8WX.pdf>

5. Зозуля О. Запрос перерос ресурс // Российская газета. Спецвыпуск. № 254. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/11/09/cifrovizaciia-sistemy-zdravoohraneniia->

podoshla-k-neobhodimosti-novyh-reshenij.html

6. О ходе цифровизации здравоохранения в России. Интервью с замминистра здравоохранения РФ Пугачевым П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2021-05-24_pavel_pugachevzamministra_zdravoohraneniya

7. Телемедицина (российский рынок) // Tadviser. 2020. 16.11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Телемедицина_\(российский_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Телемедицина_(российский_рынок))

8. Россия: рецессия и рост во время пандемии. Специальный раздел: образование. Доклад об экономике России. № 43. Июль 2020, 92 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34219/Russia-Recession-and-Growth-Under-the-Shadow-of-a-Pandemic-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y>

УДК 33

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-120-128

Смирнова Е. А.

ДИВЕРСИФИЦИРОВАННАЯ ПОДДЕРЖКА РЕЗИДЕНТОВ ТЕХНОПАРКОВ¹

Обзор современных исследований, посвящённых технопаркам

По состоянию на август 2021 года в «Геоинформационной системе индустриальных парков, технопарков и кластеров Российской Федерации» [1] содержится информация о 88 технопарках. В мировой литературе на сегодняшний день существует достаточно много исследований, рассматривающих инновационный парк как составную единицу более сложной системы.

В частности, инновационные парки в исследованиях рассматриваются в составе инновационных кластеров [2, 3]. Например, Х. Адлет и Ж. Сау (*H. Bathelt, J. Zhao*) [2, с. 309] показали на основе опроса рынка труда, информации о государственных мероприятиях, исследованиях и «производственных связях 164 фирм в трёх биомедицинских отраслевых парках» что в Пекине существует три сотрудничающих биомедицинских кластера с некоторыми элементами интеграции. Б. Бернела, М. Ферру и М.-Х. Деприт (*B. Bernela, M. Ferru, M.-H. Depret*) в исследовании [4] анализируют кластер *Elopsys*, в состав которого входит технопарк *ESTER Science Park*. Авторы [4, с. 1498] используют подход, который основывается на «эволюционной точке зрения, в которой история играет несомненную роль» и во многом опираются на концепцию «укоренённости». М.С. Грановеттер (*M.S. Granovetter*) в 1973 году определил *укоренённость* как «идею, что экономические виды деятельности зависят от межличностных взаимоотношений между участниками» (цит. по [4, с. 1489]).

¹ В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века» №АААА-А21-12101129083-2.

Данное исследование проведено с использованием библиотечно-информационных ресурсов и сервисов Российской государственной библиотеки.

В исследовании С.А. Титова и соавторов [3] проводится обзор литературы, посвящённой креативным технопаркам в Китае. Авторы высказывают мнение, что креативные промышленные парки, функционирующие в Китае, по содержанию деятельности близки к технопаркам в российском понимании [3, с. 140].

Инновационные парки также рассматриваются учёными как составная часть предпринимательских экосистем [5]. М. Белицки и П. Бикбалджи (*M. Belitski, P. Büyükbalci*) [5] анализируют, в том числе, региональные факторы возникновения предпринимательских экосистем. Исследователи применяют «подход с использованием нескольких кейсов, основанный на качественной методологии, ориентированной на этнографические исследования, и обоснованной теории»¹ [5, с. 729]. М. Белицки и П. Бикбалджи [5, с. 729] используют в исследовании данные интервью, а также данные качественного типа из различных источников о двух предпринимательских экосистемах и отмечают, что, в частности, респонденты опроса, проведённого в предпринимательской экосистеме Стамбула, упоминали технопарки в нескольких случаях в качестве ключевых участников, смягчающих влияние слабостей предпринимательских экосистем [5, с. 735].

Партнёрство университетов и технопарков в Великобритании в сфере исследований анализируется в работе Р. Тизена, У. ван де Клиппа и А. Шейгроса (*R. Tijssen, W. van de Klippe, A. Yegros*) [9]. Как отмечают исследователи [9, с. 1221], совместные исследовательские статьи авторов из университетского сообщества и бизнеса, как правило, возникают, в том числе, в случае недавно созданных компаний в близлежащих к университету технопарках.

Совместные международные проекты в сфере создания технопарков рассматриваются в исследованиях: в частности, примеры российско-китайского сотрудничества [10].

Исследование проведено с использованием пакетов *R* [11]: *rmarkdown* [12–14], *knitr* [15–17], *citr* [18], *handlr* [19], *RefManageR* [20, 21], *pdftools* [22], *dplyr* [23], *tidyr* [24], *splitstackshape* [25], *purrr* [26], *captioner* [27], *tibble* [28], *ggplot2* [29], *ggrepel* [30], *flextable* [31], *officer* [32].

Использовались также *RStudio* [33], конвертер *Pandoc* [34], ресурсы *Stack Overflow* [35], *R-Bloggers* [36], а также набор шаблонов и скриптов *GOSTdown* [37].

Анализ эмпирических данных

В настоящем исследовании были использованы данные из «Геоинформационной системы промышленных парков, технопарков и кластеров Российской Федерации» [1].

Всего в выборку вошли 88 технопарков. Выборка в разрезе федеральных округов представлена на Рисунке 1.

На основе визуального анализа Рисунка 1 можно сделать вывод, что подавляющее количество технопарков в выборке расположены в Центральном федеральном округе (более 52%). Значительная доля технопарков расположена также в Приволжском федеральном округе (более 19%). В Северо-Западном федеральном округе расположены 7 технопарков, что составляет незначительную долю в выборке.

¹ Обоснованная теория (*grounded theory*) была разработана А.Л. Строссом и Б.Г. Глезером (*B.G. Glaser, A.L. Strauss*) [6] во второй половине XX века [7]. Обоснованная теория предлагает формализацию процесса построения теории некоторого явления с использованием процедур валидации теории, как отмечает И.В. Забаев [8].

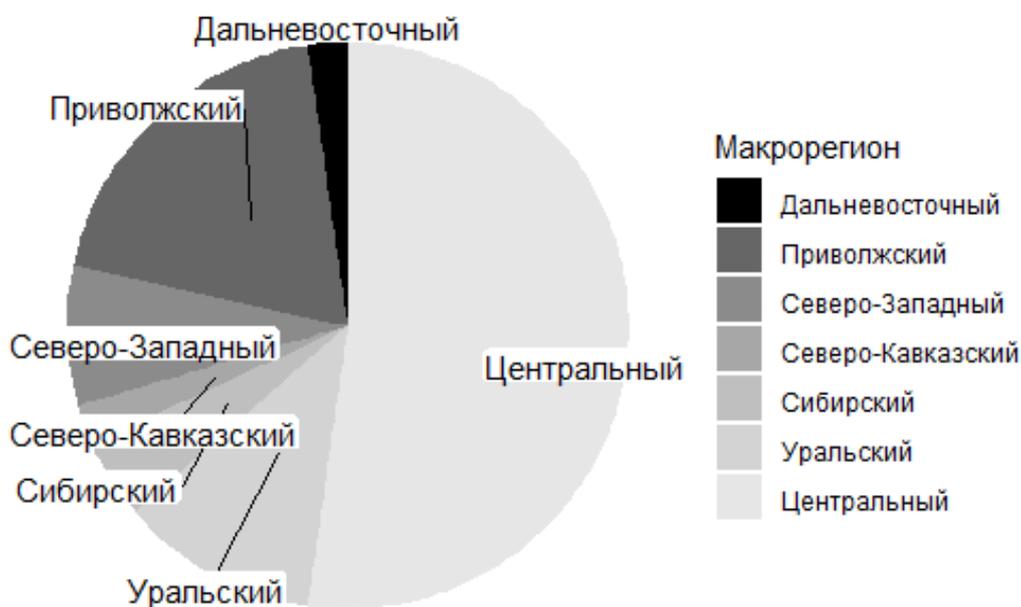

Рисунок 1 – Выборка в разрезе федеральных округов

На Рисунке 2 представлена выборка в разрезе субъектов Федерации.

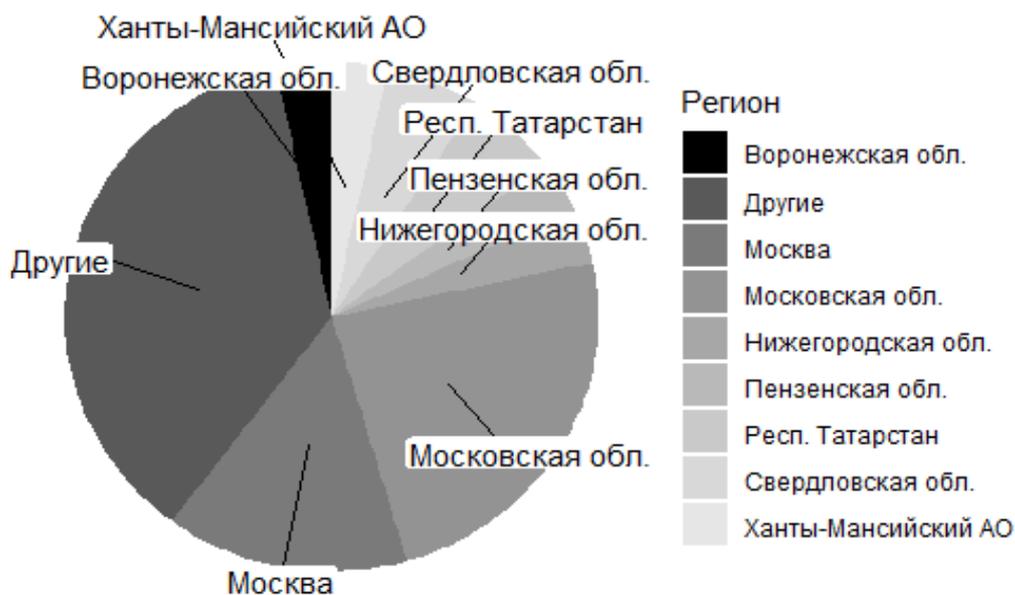

Рисунок 2 – Выборка в региональном разрезе

Анализ Рисунка 2 позволяет сделать вывод, что в выборке представлены технопарки из большого количества регионов (33 региона), при этом подавляющее количество технопарков из выборки расположены в Московской области (более 23%), Москве (более 14%).

В разрезе типов технопарков выборка представлена на Рисунке 3.

Рисунок 3 – Выборка в разрезе типов технопарков

Визуальный анализ Рисунка 3 позволяет сделать вывод, что подавляющее количество технопарков в выборке относятся к типу «браунфилд», что означает, что в этих технопарках уже присутствует инфраструктура (более 64%).

Специализация технопарков в выборке представлена на Рисунке 4.

Рисунок 4 – Специализация технопарков в выборке

Как следует из визуального анализа Рисунка 4, подавляющее большинство технопарков в выборке имеют универсальную специализацию (75%). Однако, в целом, в выборке присутствуют технопарки 6 различных специализаций, кроме «универсальной».

Распределение технопарков из выборки по форме собственности управляющей компании представлено на Рисунке 5.

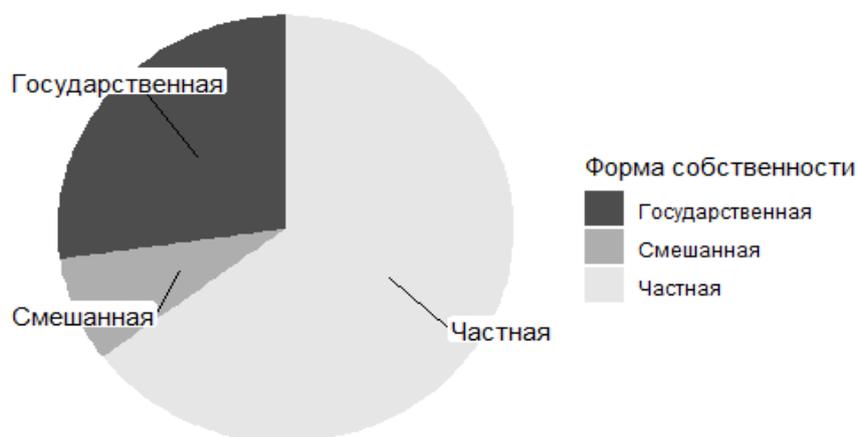

Рисунок 5 – Распределение технопарков в выборке по форме собственности управляющей компании

Как следует из анализа Рисунка 5, управляющие компании подавляющего большинства технопарков из выборки являются частными (более 64%).

В Таблице 1 представлено описание переменных, используемых в исследовании.

Таблица 1 - Переменные, которые использовались в исследовании

Обозначение	Описание
<i>cluster</i>	промышленный технопарк входит в инфраструктуру промышленного кластера (в группу предприятий, имеющих плотную производственную кооперацию)
<i>active</i>	статус промышленного технопарка
<i>rent</i>	сдача в аренду готовых производственных зданий, помещений, сооружений
<i>build</i>	строительство готовых производственных зданий, объектов инженерной инфраструктуры по заказу резидентов
<i>equipment</i>	предоставление специализированного оборудования резидентам
<i>telephone</i>	услуги телефонной связи
<i>internet</i>	услуги по предоставлению доступа к сети Интернет
<i>accounting</i>	бухгалтерские услуги
<i>finance</i>	финансовые услуги, включая услуги по финансовому посредничеству и связанные с ним вспомогательные услуги
<i>staff</i>	подбор персонала
<i>law</i>	юридические услуги
<i>consulting</i>	консультационные услуги по вопросам управления коммерческой деятельностью и управления предприятием
<i>patent</i>	правовое и консультационное сопровождение регистрации и защиты объектов интеллектуальной собственности (объекты авторских и патентных прав)

Обозначение	Описание
<i>advertisement</i>	рекламные услуги
<i>education</i>	услуги в области образования
<i>transport</i>	услуги по перевозке грузов и пассажиров, предоставлению транспортных средств
<i>parking</i>	услуги по предоставлению мест парковки
<i>food</i>	услуги по обеспечению питанием и оборудованию специализированных мест для питания
<i>hotel</i>	услуги по бронированию мест проживания в гостиницах

Источник: составлено на основе [1].

Переменные, представленные в Таблице 1 являются бинарными. В Таблице 2 представлено распределение значений переменных в исследовании.

Таблица 2 – Распределение значений переменных в выборке

<i>Переменная*</i>	cluster	cluster	active	active	rent	rent
<i>Значение</i>	0	1	Действует	Создается	0	1
<i>Доля**, %</i>	82	18	75	25	5	94
<i>Переменная*</i>	build	build	equipment	equipment	telephone	telephone
<i>Значение</i>	0	1	0	1	0	1
<i>Доля**, %</i>	53	42	23	73	16	82
<i>Переменная*</i>	internet	internet	accounting	accounting	finance	finance
<i>Значение</i>	0	1	0	1	0	1
<i>Доля**, %</i>	7	92	27	66	34	57
<i>Переменная*</i>	staff	staff	law	law	consulting	consulting
<i>Значение</i>	0	1	0	1	0	1
<i>Доля**, %</i>	36	57	19	75	30	65
<i>Переменная*</i>	patent	patent	advertisement	advertisement	education	education
<i>Значение</i>	0	1	0	1	0	1
<i>Доля**, %</i>	33	57	30	62	49	39
<i>Переменная*</i>	transport	transport	parking	parking	food	food
<i>Значение</i>	0	1	0	1	0	1
<i>Доля**, %</i>	59	35	16	80	32	59
<i>Переменная*</i>	hotel	hotel				
<i>Значение</i>	0	1				
<i>Доля**, %</i>	57	30				

*Обозначения: 1 – да, 0 – нет

**Так как не для всех технопарков в выборке были доступны данные по всем переменным, то сумма значений долей (% от общего количества технопарков) может быть меньше 100%

Источник: составлено на основе [1].

На основе анализа данных, приведённых в Таблице 2, можно сделать вывод, что подавляющее количество технопарков в выборке не входят в промышленные кластеры (82%), являются действующими (75%), сдают резидентам в аренду готовые производственные здания, помещения и сооружения (94%), однако, не осуществляют строительство готовых производственных зданий, объектов инженерной инфраструктуры по заказу резидентов (53%).

Большинство технопарков в выборке предоставляют специализированное оборудование (73%), услуги телефонной связи резидентам (82%), бухгалтерские услуги (66%), финансовые услуги, включая услуги по финансовому посредничеству и связанные с ним вспомогательные услуги (57%), услуги по подбору персонала (57%), юридические услуги (75%), консультационные услуги по вопросам управления коммерческой деятельностью и управления предприятием (65%), правовое и консультационное сопровождение регистрации и защиты объектов интеллектуальной собственности (57%), рекламные услуги (62%), услуги по перевозке грузов и пассажиров, предоставлению транспортных средств (59%), услуги по предоставлению мест парковки (80%), услуги по обеспечению питанием и оборудованию специализированных мест для питания (59%).

Однако, в большинстве технопарков в выборке, данные по которым были доступны, управляющие компании не предоставляют резидентам услуги в области образования, а также услуги по бронированию мест проживания в гостиницах.

Практически все технопарки в выборке предоставляют резидентам услуги по предоставлению доступа к сети Интернет (92%).

Заключение

В настоящем исследовании был проведён обзор литературы, посвящённой технопаркам. В современных исследованиях технопарки рассматриваются в составе инновационных кластеров [2, 3], а также в составе предпринимательских экосистем [5]. Исследователи анализируют также сотрудничество между университетами и технопарками [9] и совместные международные проекты в сфере создания технопарков [10].

Анализ эмпирических данных технопарков в России [1] позволил сделать выводы, что, в частности, подавляющее количество технопарков расположены в Центральном федеральном округе, в частности, в Московской области. В подавляющем большинстве технопарков присутствует инфраструктура. Большинство технопарков имеют универсальную специализацию, и управляющие компании большинства технопарков – частные.

Анализ данных об услугах, которые управляющие компании технопарков предоставляют резидентам, позволил сделать вывод о том, что подавляющее большинство управляющих компаний предоставляют услуги связи (телефонной, доступ к сети Интернет) и специализированное оборудование. Большая часть управляющих компаний в технопарках предоставляют резидентам бухгалтерские и финансовые услуги, включая услуги по финансовому посредничеству и связанные с ним вспомогательные услуги, услуги по подбору персонала, юридические услуги, консультационные услуги по вопросам управления коммерческой деятельностью и управления предприятием, правовое и консультационное сопровождение регистрации и защиты объектов интеллектуальной собственности, рекламные услуги, услуги по перевозке грузов и пассажиров, предоставлению транспортных средств и мест парковки, а также другие услуги.

Наименьшая часть технопарков предоставляет резидентам услуги в области образования и услуги по бронированию мест проживания в гостиницах.

Литература:

1. Отдел проектов территориального развития Департамента региональной промышленной политики Минпромторга России. Геоинформационная система индустриальных парков, технопарков и кластеров Российской Федерации. URL: <https://gisp.gov.ru/gisip/>
2. Bathelt H., Zhao J. Identifying configurations of multiple co-located clusters by analyzing within- and between-cluster linkages. *Growth and Change*. 2020, vol. 51, no. 1, - P. 309–337, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/grow.12357>, DOI <https://doi.org/10.1111/grow.12357>
3. Титов С. А., Кокорина А. О., Быков П. А., Горбачев Е. С., Шарипов Ф. Ф. Креативные технопарки в постиндустриальной трансформации экономики Китая // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 15, № 3. — С. 125–146. — URL: <http://spatial-economics.com/en/archive/2019-3/858-SE-2019-3-125-146>. DOI 10.14530/se.2019.3.125-146
4. Bernela B., Ferru M., Depret M.-H. Capturing cluster life cycle with a mixed-method analysis: Evidence from a French cluster case study. *Growth and Change*. 2019, v. 50, no. 4, P. 1487–1510, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/grow.12325>, DOI <https://doi.org/10.1111/grow.12325>
5. Belitski M., Büyükbacı P. Uncharted waters of the entrepreneurial ecosystems research: Comparing Greater Istanbul and Reading ecosystems. *Growth and Change*. 2021, vol. 52, no. 2, – P. 727–750, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/grow.12457>, DOI <https://doi.org/10.1111/grow.12457>
6. Glaser B. G., Strauss A. L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Aldine de Gruyter, 1967, URL: <https://books.google.ru/books?id=oUxEAQAAIAAJ>
7. Tie Y. C., Birks M., Francis K. *Grounded theory research: A design framework for novice researchers*. SAGE Publications, 2019, Т. 7, URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30637106>, DOI 10.1177/2050312118822927
8. Забаев И. В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера // *Социология: 4М*. 2011. Т. 32. — С. 124–142.
9. Tijssen R., Klippe W. van de, Yegros A. Localization, regionalization and globalization of university-business research co-operation in the United Kingdom. *Papers in Regional Science*. 2020, vol. 99, no. 5, P. 1215–1236, URL: <https://rsaiconnect.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pirs.12531>, DOI <https://doi.org/10.1111/pirs.12531>
10. Данилин И. В. Состояние и вызовы развитию научно-технологического сотрудничества России и КНР // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. Издательский Дом «Наука», 2020. Т. 11, № 4. – С. 384–397. — URL: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.4.384-397>. DOI 10.18184/2079-4665.2020.11.4.384-397
11. R Core Team R: A language and environment for statistical computing. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing, 2021, URL: <https://www.R-project.org/>
12. Allaire J., Xie Y., McPherson J., Luraschi J., Ushey K., Atkins A., Wickham H., Cheng J., Chang W., Iannone R. *rmarkdown: Dynamic Documents for R*. R package version 2.9.5. 2021, URL: <https://github.com/rstudio/rmarkdown>
13. Xie Y., Allaire J. J., Golemund G. *R Markdown: The Definitive Guide*. Boca Raton, Florida: Chapman; Hall/CRC, 2018, URL: <https://bookdown.org/yihui/rmarkdown>
14. Xie Y., Dervieux C., Riederer E. *R Markdown Cookbook*. Boca Raton, Florida: Chapman; Hall/CRC, 2020, URL: <https://bookdown.org/yihui/rmarkdown-cookbook>
15. Xie Y. *knitr: A General-Purpose Package for Dynamic Report Generation in R*. R package

version 1.33. 2021, URL: <https://yihui.org/knitr/>

16. Xie Y. Dynamic Documents with R and knitr (2nd ed.). Boca Raton, Florida: Chapman; Hall/CRC, 2015, URL: <https://yihui.org/knitr/>

17. Xie Y. knitr: A Comprehensive Tool for Reproducible Research in R. Implementing Reproducible Computational Research. ed. by Stodden V., Leisch F., Peng R. D. Chapman; Hall/CRC, 2014, URL: <http://www.crcpress.com/product/isbn/9781466561595>

18. Aust F. citr: 'RStudio' Add-in to Insert Markdown Citations. R package version 0.3.2. 2019, URL: <https://github.com/crsh/citr>

19. Chamberlain S. handlr: Convert Among Citation Formats. R package version 0.3.0. 2020, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=handlr>

20. McLean M. W. RefManageR: Import and Manage BibTeX and BibLaTeX References in R // The Journal of Open Source Software. 2017. — DOI 10.21105/joss.00338

21. McLean M. W. Straightforward Bibliography Management in R Using the RefManager Package. arXiv: 1403.2036 [cs.DL]. 2014. — URL: <https://arxiv.org/abs/1403.2036>

22. Ooms J. pdftools: Text Extraction, Rendering and Converting of PDF Documents. R package version 3.0.1. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=pdfutils>

23. Wickham H., Francois R., Henry L., Muller K. Dplyr: A grammar of data manipulation. R package version 1.0.5. 2021. — URL: <https://CRAN.R-project.org/package=dplyr>

24. Wickham H. tidyr: Tidy Messy Data. R package version 1.1.3. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=tidyr>

25. Mahto A. splitstackshape: Stack and Reshape Datasets After Splitting Concatenated Values. R package version 1.4.8. 2019, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=splitstackshape>

26. Henry L., Wickham H. purrr: Functional Programming Tools. R package version 0.3.4. 2020, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=purrr>

27. Letaw A. captioner: Numbers Figures and Creates Simple Captions. R package version 2.2.3.9000. 2015, URL: <https://github.com/adletaw/captioner>

28. Müller K., Wickham H. tibble: Simple Data Frames. R package version 3.1.0. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=tibble>

29. Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. Springer-Verlag New York, 2016, URL: <https://ggplot2.tidyverse.org>

30. Slowikowski K. ggrepel: Automatically Position Non-Overlapping Text Labels with 'ggplot2'. R package version 0.9.1. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=ggrepel>

31. Gohel D. Flextable: Functions for tabular reporting. R package version 0.6.8. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=flextable>

32. Gohel D. Officer: Manipulation of microsoft word and PowerPoint documents. R package version 0.4.0. 2021, URL: <https://CRAN.R-project.org/package=officer>

33. RStudio Team RStudio: Integrated Development Environment for R. Boston, MA: RStudio, PBC, 2021, URL: <http://www.rstudio.com/>

34. Pandoc - about pandoc [электронный ресурс]. 2020, URL: <https://pandoc.org/index.html>

35. Stack overflow [электронный ресурс]. 2021, URL: <https://stackoverflow.com/>

36. R-bloggers.com [электронный ресурс]. 2021, URL: <https://www.r-bloggers.com/>

37. Павлов Д., Водолагина А., Аксим Д. Iaaras / gostdown · GitLab [электронный ресурс]. GitLab Community Edition. 2020, URL: <https://gitlab.iaaras.ru/iaaras/gostdown>

Совершаева Л. П.

СЗФО КАК ТЕРРИТОРИЯ МАКРОРЕГИОНА

В статье сделана попытка оценить ретроспективу трансформации системы экономического районирования и территориальной организации хозяйства в условиях усиления межрегиональной интеграции и реализации национальных проектов на территории СЗФО. В 2000 году были сформированы федеральные округа, в 2011 году распоряжением Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-Р утверждена Стратегия социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года.

В плане ГОЭЛРО, новом элементе экономического районирования Советского государства, приоритетными были перспективы развития энергетики страны. Однако районирование ГОЭЛРО касалось лишь части территории и не распространялось на Восточную Сибирь и Дальний Восток. План ГОЭЛРО явился базой для разработки Госпланом новой системы экономических районов. В 1921 году были разработаны основные принципы экономического районирования страны. Эти принципы заключались в следующем: экономическим районом должна считаться экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства (подробнее см.: Региональная экономика, 2004).

Экономический район – это целостная территориальная часть хозяйства страны, имеющая свою производственную специализацию, прочные внутренние экономические связи. Экономические районы – это целостные природно-экологические и социально-экономические системы. Экономический район неразрывно связан с другими частями страны общественным территориальным разделением труда как единое хозяйственное целое с прочными внутренними связями. Образование экономических районов является объективным процессом, связанным с развитием территориального разделения труда.

Экономический принцип, рассматривающий район как специализированную часть единого народно-хозяйственного комплекса страны с определенным составом вспомогательных и обслуживающих производств. Согласно этому принципу специализацию района должны определять такие отрасли, в которых затраты труда, средств на производство продукции и ее доставку потребителю по сравнению с другими районами будут наименьшими. Экономическая эффективность специализации района должна оцениваться как с точки зрения территориального разделения труда в масштабе всей страны, так и наиболее рационального использования имеющихся ресурсов района.

Национальный принцип, учитывающий национальный состав населения района, его исторически сложившиеся особенности труда и быта.

Административный принцип, определяющий единство экономического районирования и территориального политико-административного устройства страны. Этот принцип создает условия для эффективного самостоятельного развития районов и укрепления их роли в территориальном разделении труда России.

Территория современной России разделена на 11 экономических районов, каждый из которых включает определенные субъекты Федерации по принципу смежности (вне экономических районов находится только Калининградская область и Республика Крым с г. Севастополем). Регионы данного типа выступают объектами статистического наблюдения, экономического анализа, прогнозирования и государственного регулирования. Роль экономических районов усилилась благодаря образованию по инициативе субъектов Федерации межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия и принятию Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года.

В экономических исследованиях часто используются условно укрупненные экономические районы (примерно 5-8), а также смешанные схемы объединения экономических районов, например, выделение «европейского ядра» или «восточные регионы» (подробнее см.: Гранберг А., 2000.)

Классификация регионов РФ

Схема составлена по Климанову В., 2004.

Некоторые авторы проблему единства экономического и социального пространства России связывают с наличием и развитием в федеральных округах интегрирующих факторов, понимая под ними инструменты, которые позволяют усилить интеграцию. При этом выделяется несколько таких факторов: законодательство, инвестиции и бюджетные трансферты, централизованный государственный заказ и общая инженерно-транспортная инфраструктура.

Пространственное планирование, развитие кластеров и технопарков выступают по отношению к Северо-Западу важной частью приграничного сотрудничества. Объединительный характер пространственного планирования открывает возможности для увязывания политических действий, связанных с различными отраслевыми стратегиями, с «энергией» развития поселений (в первую очередь городов).

Следует выделить основные факторы, определяющие процессы социально-экономических преобразований в регионах СЗФО, которые классифицированы по пяти группам: геополитические, политические, социально-демографические, экономические, экологические (см. табл. 1).

Таблица 1 – Классификация факторов комплексного развития СЗФО

Геополитические	<ul style="list-style-type: none"> – транспортные коммуникации (расположение относительно основных транспортных коридоров); – особенность приграничного расположения; – эксклавность Калининграда.
Политические	<ul style="list-style-type: none"> – территориальная устойчивость; – статус государства на международной политической арене; – нормативно-правовое обеспечение; – общественное мнение; – опыт стратегического планирования; – коррупция аппарата и системная коррупция власти; – внутренняя политическая стабильность.
Социально-демографические	<ul style="list-style-type: none"> – пространственная структура населения; – уклад и традиции; – демографическая характеристика; – качество населения; – уровень жизни и социальная дифференциация; – уровень криминогенности.
Экономические	<ul style="list-style-type: none"> – климатические условия и природные риски; – природные ресурсы; – уровень благосостояния общества; – энерговооруженность и энергоемкость экономики; – транспортная инфраструктура; – уровень финансовой состоятельности субъектов хозяйствования; – состояние производственных фондов; – развитие телекоммуникаций; – банковская и финансовая системы, кредитно-финансовая политика; – внешнеэкономические факторы.
Экологические	<ul style="list-style-type: none"> – предельные нагрузки (ПДК промышленных выбросов и стоков); – экологические риски (степень воздействия промышленных предприятий на природную среду).

Из геополитических факторов наиболее значимыми для СЗФО являются: расположение относительно основных транспортных коридоров; особенности приграничного сотрудничества.

К политическим факторам, определяющим рыночный тип экономики СЗФО с элементами государственного регулирования, относятся:

- территориальная устойчивость (претензии международного сообщества на северные территории, возможные территориальные споры с Финляндией и странами Балтии);
- статус государства на международной политической арене (лоббирование экономических интересов, таможенные барьеры, поддержка международных проектов);
- нормативно-правовое обеспечение (законодательство, лицензии, стандарты, межбюджетные отношения);
- общественное мнение (отношение населения к власти и к бизнесу);
- опыт стратегического планирования в регионах;
- борьба с коррупцией (системная коррупция власти);
- внутренняя политическая стабильность (стремление к самостоятельности регионов и общественно-политические движения).

Социально-демографические факторы включают следующие характеристики:

- пространственная структура населения (размещение населения по территории округа, плотность населения в разрезе субъектов);
- уклад и традиции (традиционный образ жизни населения, исторически сложившийся под воздействием местной и национальной культур);
- демографическая характеристика (динамика общей численности населения, изменения в половозрастной структуре);
- качество населения (состояние здоровья, уровень образования и профессиональной квалификации, уровень духовного развития);
- уровень жизни и социальная дифференциация (общий уровень жизни населения, дифференциация по доходам, дифференциация уровня жизни населения различных субъектов);
- уровень преступности.

Важно выделить и проанализировать экономические факторы, определяющие уровень предпринимательского климата регионов:

- природные ресурсы (минерально-сырьевая база, лесные и водные ресурсы);
- уровень благосостояния общества (размер прожиточного минимума, стоимость потребительской корзины, включая уровень платежеспособности населения);
- энерговооруженность экономики (наличие генерирующих мощностей в округе и степень их использования);
- энергоемкость экономики (доля энергии в составе себестоимости продукции предприятий);
- транспорт (степень развития транспортной инфраструктуры);
- внешнеэкономические факторы (конъюнктура мировых товарных рынков, мировые монополии, незанятые ниши в мировом разделении труда);
- природные риски, обусловленные климатом (суровые климатические условия, определяющие удорожание продукции);
- состояние производственных фондов (степень морального и физического износа основных фондов);

- телекоммуникации (развитие электронных и других средств связи, уровень цифровизации общества);
- банковская и финансовая системы (количество финансовых учреждений, капитализация банковской сферы);
- кредитно-финансовая политика (меры государства, направленные на развитие финансовой сферы).

Из экологических факторов, определяющих состояние окружающей среды на территории округа, следует учитывать предельно-допустимые концентрации выбросов промышленных предприятий в природную среду и экологические риски (степень воздействия промышленных предприятий по отношению к природной среде).

На территории СЗФО сосредоточено большое количество генерирующих мощностей, в основном представленных тепловыми электростанциями. Их возможности используются далеко не полностью. Это связано, с одной стороны, с уменьшением потребностей в электроэнергии в результате общего спада в экономике, а с другой стороны, с недостаточностью развития инфраструктуры электроэнергетики. В условиях роста производства регион в состоянии обеспечить себя энергоресурсами, не прибегая при этом к значительным капитальным затратам.

На территории Северо-Западного федерального округа представлены все виды транспорта: железнодорожный, автомобильный, морской, речной, воздушный и трубопроводный. Однако неравномерное распределение их по территории сдерживает возможности экономического развития отдельных регионов.

Фактор выгодного расположения территорий СЗФО как естественного транспортного моста между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) играет особую роль в стратегическом развитии регионов в целом и является катализатором в формировании новых транспортных коридоров и центров экономического роста. Благоприятными факторами роста являются создание развитой инфраструктуры Северного морского пути, коридоров река – море, мультимодальных транспортных узлов. Это предопределяет развитие существующих и строительство ряда дополнительных железнодорожных и автомобильных магистралей, внутренних судоходных путей, реконструкцию системы морских портов и терминалов.

Особенности приграничного положения, заключающиеся в непосредственной близости к Европе, странам Балтии, Финляндии и Норвегии, уменьшают транспортные расходы, дают возможность восстановить объемы торгового оборота, расширять культурные связи, туризм, обмен технологиями.

Влияние внешнеэкономических факторов связано со складывающейся ситуацией на внешних рынках и процессах, происходящих в мире. Они свидетельствуют, что в перспективе конъюнктура мирового рынка будет благоприятна для регионов СЗФО (лесная промышленность, судостроение, энергетика, минеральное сырье, углеводороды) и обеспечит возможности для освоения новых рынков сбыта продукции.

Не менее представительными оказались и группы отрицательных факторов, оказывающих негативное влияние на социально-экономическое состояние и перспективы развития регионов СЗФО. Из отрицательных факторов, следует отметить относительно низкое качество населения, значительную энергоемкость экономики, нерациональность кредитно-финансовой политики. Так, низкий уровень качества населения обусловлен его значительной социальной дифференциацией из-за резкой разницы в доходах 10% самых богатых и 10%

самых бедных групп населения. Он выражается в общем ухудшении здоровья и сокращении продолжительности жизни, высокой детской смертности, низких показателях репродуктивного здоровья женщин, распространении наркомании и алкоголизма молодежи, в низких показателях рождаемости, социальной деградации сельского населения.

Энергоемкость экономики определяется прежде всего климатическими характеристиками округа. В то же время сравнительная статистика по СЗФО, Европе и США показывает, что при относительной дешевизне энергоресурсов и заниженных, по сравнению с проектными, объемах их производства отмечается нерациональность потребления, несбалансированность энергопотоков.

Существует группа факторов, оказывающих менее сильное влияние на комплексное развитие СЗФО: демографический кризис, состояние банковской и финансовой системы, неиспользование возможностей стратегического планирования, недостаточное нормативно-правовое обеспечение, социальная напряженность, предельные нагрузки на инфраструктуру, экологические риски.

Демографический кризис проявляется в тенденции к снижению численности населения, особенно на северных территориях, кризисе рождаемости, увеличении смертности, усилении миграционных процессов в центральные регионы (с 1991 по 2021 год население СЗФО без Санкт-Петербурга сократилось на 2,5 млн человек).

Нерациональность кредитно-финансовой политики выражается в высокой процентной ставке, бюджетных инвестициях для экономически неэффективных проектов. Неудовлетворительное состояние банковской и финансовой системы выражается в низкой концентрации капитала, отсутствии конкуренции, низком качестве банковских услуг. Как правило отсутствует долгосрочное инвестиционное кредитование.

Следует назвать и еще ряд факторов – рисков, дифференцированных по следующим сферам:

Нормативно-правовое обеспечение. Нерациональные межбюджетные отношения. Неэффективный механизм бюджетных трансфертов. Низкая управляемость ресурсами (лесным фондом, недрами).

Предельные нагрузки на окружающую среду. Неблагоприятные очаги превышения предельно-допустимых нагрузок в промышленных центрах. Нарушение заповедных зон и деградация природных комплексов при освоении новых месторождений.

Экологические риски. Отсутствие единой государственной экологической политики на федеральном и региональном уровнях. Проблемы освоения месторождений в тундровой зоне – длительный период восстановления.

Проведенный анализ позволил выявить ряд благоприятных и неблагоприятных факторов, влияющих на перспективы развития округа.

В комплексном исследовании потенциалов СЗФО, в котором объектом государственного управления выступает макрорегион, важно оценить все его преимущества и недостатки, что позволит в перспективе давать стратегические и прогнозные оценки.

К особенностям, новизне и позитивным сторонам, разработанной и реализованной в 2020 году Стратегии развития макрорегиона, следует отнести следующие положения:

1. Использован комплексный междисциплинарный подход в разработке теоретических положений и практических рекомендаций по анализу и оценке потенциалов макрорегиона, а также обоснованию принципиально новых механизмов реализации основных направлений

развития национальной экономики на территории Северо-Запада России на перспективный период до 2025 года. Среди предлагаемых механизмов – государственно-управленческие, общественные и нормативно-правовые.

2. Определены и проанализированы дисбалансы потенциалов, как в России, так и на территории Северо-Запада, рассматриваемые как серьезная социально-экономическая проблема, требующая практического решения. Общая идеология Стратегии СЗФО нацелена на сбалансированность потенциалов.

3. Обозначены основные цели региональной политики СЗФО, среди которых внедрение эффективных механизмов регулирования, обеспечивающих социальную ориентацию экономики и ее взаимоувязку с новыми реалиями мирохозяйственных связей, с учетом режима санкций.

4. Повышение качества населения и трудовых ресурсов рассматривается не только как условие экономического развития. Ставка делается на новое, более высокое качество молодого поколения – ведущий инновационный ресурс общества.

5. Определены показатели макроэкономического развития Северо-Запада, ориентированные на мониторинг в среднесрочный и долгосрочный периоды.

6. Поставлена приоритетная долгосрочная задача по восстановлению и развитию единого экономического пространства на территории Северо-Запада РФ – ключевого (в будущем) экономического элемента евромегарегiona Севера Европы и стран бассейна Балтийского моря.

7. Успешное развитие макрорегиона увязывается с необходимостью разработки и принятия Стратегии социально-экономического развития России на период до 2035 года.

8. В качестве важного условия развития СЗФО рассматривается обеспечение экономической безопасности макрорегиона, которая включает продовольственную, инвестиционную, производственную, научно-техническую, финансовую, энергетическую безопасность, а также приемлемый уровень жизнеобеспечения населения на территории округа, характерный для стран Евросоюза (введение социальных стандартов и нормативов).

9. Существенное значение придается процессу четкого разграничения полномочий между уровнями государственной (федеральной и региональной) власти и местного самоуправления по установлению непересекающихся сфер ответственности каждого уровня власти.

10. Социально-экономическое развитие макрорегиона должно происходить с учетом геополитических и геоэкономических тенденций, нового положения России, ее стратегических приоритетов в Арктическом регионе.

Моделью развития отечественной экономики должно стать формирование конкурентоспособных инновационных, высокотехнологичных отраслей с минимальной степенью зависимости от экспорта природных ресурсов и энергоносителей на основе экономики знаний.

Переход к экономике знаний заставляет государство значительно увеличивать расходы на науку, образование, здравоохранение, воспитание молодого поколения, повышение его культуры и гражданской зрелости. При этом речь идет не только о России в целом, но и отдельных ее регионах, в первую очередь о федеральных округах как наиболее крупных территориальных образованиях.

Основным препятствием развития округа выступает дисбаланс между имеющимися природно-сырьевыми ресурсами, экономическим потенциалом, с одной стороны, и качеством че-

ловеческого потенциала – с другой. Северо-Запад не имеет жестких, непреодолимых ограничений по энергоносителям, минеральному сырью, металлу, производственным мощностям, возможностям транспортной системы (водной и сухопутной), но он сталкивается с растущими ограничениями в социальной сфере, главное из которых – неуклонное снижение количественных и качественных характеристик человеческого (в том числе трудового) потенциала.

Следует признать, что в ближайшие годы Северо-Запад России будет оставаться макрорегионом с выраженной экспортно-сырьевой ориентацией в международном разделении труда. Необходима новая идеология реструктуризации экономики, в том числе на основе активного внедрения, механизмов государственно-частного партнерства.

Предлагается три основных принципа структурной перестройки экономики – развитие отраслей с высокой степенью переработки, применение эффективных инновационных технологий, развитие малого и среднего бизнеса. На этом этапе государственная власть должна стимулировать развитие следующих сфер:

- отрасли с длительным циклом производства и широким кругом поставщиков, способных максимально увеличить создаваемую внутри страны добавленную стоимость продукта (например, наукоемкое машиностроение);
- инновационные отрасли (приборостроение, биотехнологии и программирование), важность которых определяется их способностью к сохранению и воспроизводству технологического и кадрового потенциала более высокого уровня;
- сектора экономики с большим социальным эффектом, способствующие снижению нагрузки на бюджет (например, самозанятость населения);
- малое предпринимательство и градообразующие предприятия в малых и средних городах как источник создания новых рабочих мест;
- транспорт и инфраструктура (строительство аэропортов, автомобильных и железнодорожных магистралей, трубопроводов, мостовых переходов, модернизация коммуникаций).

Важным инструментом структурной политики является бюджет развития – механизм объединения ресурсов государственной поддержки с ресурсами частного сектора, позволяющий соединять долгосрочные цели развития СЗФО и краткосрочные приоритеты экономической политики в субъектах РФ.

Литература:

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983.
2. Бланк В. В., Иванников А. С., Сергеев А. И., Ловягин А. Е. и др., Государственное планирование в Санкт-Петербурге: теория и практика: Учебное пособие. Ч. 1-2. / Под ред. В. В. Бланка. Ч. 1. – СПб., 2006.
3. Бутов В. И., Игнатов В. Г., Кетова Н. П. Основы региональной экономики: Учебное пособие. – М.; Ростов н/Д., 2000.
4. Воронцова С. Д., Григорьев М. Н., Климов С. М., Слуцкий Е. Г., Совершаева Л. П., Хазова Е. В., Ходачек А. М. Основные направления стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа РФ на период до 2015 года (5-я редакция). – СПб., 2003.

5. Воронцова С. Д., Григорьев М. Н., Климов С.М., Совершаева Л. П., Слуцкий Е. Г., Скворцова М. Б., Ходачек А. М., Хазова Е. В. Стратегия социально-экономического развития Северо-Запада России до 2015 года: Основные положения шестой редакции. – СПб., 2005.
6. Воронцова С. Д., Григорьев М. Н., Елисеева И. И., Никифоров О. И., Совершаева Л. П., Слуцкий Е. Г., Ходачек А. М. и др. Северо-Западному федеральному округу - 5 лет. Анализ. Тенденции. Перспективы. – СПб., 2005.
7. Гаврилов А. И. Региональная экономика и управление. – М., 2002.
8. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – М., 2000.
9. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для студентов вузов / А. Г. Гранберг. – М., 2003.
10. Гранберг А. Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 1.
11. Елисеева И. И. Социальные резервы регионального развития // Социальные резервы повышения эффективности региональной экономики (Сб. ст. конф. 12 апреля 2006 г., СПб.). – СПб., 2006.
12. Игнатов В. Г. Становление государственного управления и местного самоуправления. - Ростов н/Д., 2001.
13. Казаков А. И. Контуры эффективной региональной политики // Экономика. Политика. Инвестиции. 2004. № 1.
14. Климанов В. В. Региональные системы и региональное развитие в России. 2-е изд. – М., 2004.
15. Ловягин А. Е., Слуцкий Е. Г. Социальные резервы регионального развития: проблемы и перспективы. – СПб., 2006.
16. Львов Д. С. Контуры будущей России (из доклада на секции экономики РАН). Завтра. Ноябрь. 2006. № 47.
17. Никифоров О. Н., Филиппова А. И. Воспроизводственный потенциал Северо-Запада: возможности и ограничения // Социальные резервы повышения эффективности региональной экономики (Сб. ст. конф. 12 апреля 2006 г., СПб.). – СПб., 2006.
18. Перспективы устойчивого и сбалансированного развития Северо-Запада России. Сборник докладов и тезисов межрегиональной научно-практической конференции / Под ред. Л. П. Совершаевой. – СПб., 2007.
19. Региональная экономика: Учебник для вузов / Под ред. Т. Г. Морозовой. - 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2004.
20. Сигов И. И. Теоретические и понятийные основы региональной экономики (российский опыт). – М., 2004.
21. Сигов И. И. Теоретические и понятийные основы региональной экономики (российский опыт). 2-е изд., доп. – М., 2005.
22. Сигов И. И., Скворцова М. Б., Слуцкий Е. Г. Россия и ее Северо-Западный федеральный округ в глобализуемом мире на пороге вступления в ВТО. – СПб., 2005.
23. Сигов И. И., Совершаева Л. П., Слуцкий Е. Г. Типология региональных систем. – СПб., 2007.
24. Сигов И. И., Слуцкий Е. Г. Региональная политика как фактор регионального развития // Регион: политика, экономика, социология. 2005. № 3-4.

25. Слуцкий Е. Г. Регион Россия: социально-экономические и геополитические проблемы и перспективы. – СПб., 2002.
26. Слуцкий Е. Г. Регион Россия: проблемы дисбалансов // Экономика. Политика. Инвестиции. 2002. № 1.
27. Слуцкий Е. Г. Россия и Северо-Запад: геополитические проблемы экономики // Экономика Северо-Запада: состояние и пути развития. – СПб., 2002.
28. Слуцкий Е. Г. Перспективы развития Северо-Запада // Экономика. Политика. Инвестиции. 2003. № 1.
29. Совершаева Л. П. Государственное регулирование национальной экономики с использованием механизма управления федеральными округами / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к. экон. наук. На правах рукописи. – СПб., 2004.
30. Совершаева Л. П. Теория и практика государственного управления региональными системами: Опыт Северо-Западного региона России. Научно-метод. пособие. – СПб., 2007.
31. Совершаева Л. П. На пути к устойчивому социально-экономическому развитию Северо-Запада России // Знание и общество. 2004. № 5-6.
32. Совершаева Л. П. Приоритетная задача экономического развития в Северо- Западном регионе России // Регион: Политика. Экономика. Социология. 2004. № 1.
33. Совершаева Л. П. Северо-Западный федеральный округ: Стратегия развития макрорегиона // Санкт-Петербург. 2005. № 1.
34. Совершаева Л. П. Реализация национальных проектов на Северо-Западе России (оценка первого этапа) // Экономика. Политика. Инвестиции. 2006. № 1.
35. Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа в 2006 году. Статистический обзор. – СПб., 2007
36. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы и пути реализации / под ред. А. Г. Гранберга. – М., 2004.
37. Типология российских регионов / Б. Бутс, С. Бробышевский, О. Кочеткова и др. – М., 2002.
38. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / Рук. авт. колл.: Д. С. Львов, А. Г. Поршневу. – М., 2002.
39. Устойчивое развитие и местная повестка дня на XXI век / С. Г. Инге-Вечтомов, В. В. Худолей и др. – СПб., 2000.
40. Федоренко Н. П. Россия. Уроки прошлого и лики будущего. – М., 2001.
41. Ходачек А. М. Экономика России: от кризиса к стабилизации и экономическому росту. – СПб., 1999.
42. Ходачек А. М. Национальное и региональное планирование в системе государственного регулирования экономики // Экономика. Политика. Инвестиции. 1999. №1.
43. Шестакова Н.Н., Скворцова М.Б. Человеческий капитал молодого поколения как инновационный потенциал общества // Труды карельского научного центра РАН. 2013. № 5. – С. 129-139.
44. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2021. 795 с.

Ходачек А. М.,
Степанова Е. С.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ С УЧЁТОМ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение

Рациональное и соответствующее современным требованиям экономическое районирование является одним из инструментов системы управления развитием территории. Роль государства при этом заключается в организации такой системы экономического районирования, которая будет способствовать решению региональных проблем и достижению национальных целей развития Российской Федерации, таких как обеспечение занятости, улучшение качества жизни, справедливое распределение доходов, стабильный экономический рост, благоприятная экологическая ситуация.

Вопросы формирования научных основ и принципов экономического районирования в рамках регионального развития возникли довольно давно. Как научное направление экономическое районирование существовало в России еще с XIX века. А в 1915 году в Петрограде при Императорской Санкт-Петербургской академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Необходимость образования подобной комиссии была продиктована острой необходимостью в исследовании и хозяйственном освоении природно-ресурсного потенциала Российской Империи. В 1930 году Комиссия была преобразована в Совет по изучению производительных сил АН СССР (СОПС) и выполняла территориальные и предплановые исследования на всей территории СССР. В Новой России Советом (СОПС) были разработаны методологические основы прогнозирования территориального социально-экономического развития в условиях рыночной экономики, предложена стратегия территориального развития России [2], созданы среднесрочные и долгосрочные прогнозы территориального социально-экономического развития с выделением экономических районов и регионов Российской Федерации. Сегодня СОПС является структурным подразделением Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития. Как и 100 лет назад, Совет осуществляет научно-исследовательскую деятельность в сфере размещения производительных сил и изучения особенностей региональной экономики.

Сетка экономических районов, используемая в России сегодня, была впервые введена еще в 20-е – 30-е годы прошлого века Государственным плановым комитетом СССР. Во многом данное районирование можно признать эффективным, для некоторых регионов оно остается актуальным и сегодня, однако существует целый ряд аспектов современного социально-экономического развития России, которые требуют уточнений прежнего деления. Несомненно, изменения эти должны проводиться с учётом всестороннего предварительного анализа и привлечения экспертов в области региональной экономики. В то же время очевидно, что за период с 1920 по 1990 годы произошли изменения в структуре региональной экономики, трудовой миграции и социально-культурном потенциале территорий.

Современное административно-территориальное устройство Российской Федерации предусматривает несколько типов административно-территориальных единиц. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 85 субъектов, 12 экономических районов, 8 федеральных округов, 5 военных округов [2] с учетом вновь созданного военного округа на базе Северного флота Минобороны, 9 межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, 10 экономических зон и макрорзон, а также целый ряд других региональных слоёв, каждый из которых подразумевает формирование определённых межтерриториальных связей и управленческих структур. Обобщенная информация из материалов общероссийского классификатора экономических регионов [3], составляемого Минэкономразвития Российской Федерации, представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Формы территориального деления в Российской Федерации

№ п/п	Единица территориального деления	Состав
1	Федеральный округ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Центральный федеральный округ 2. Северо-Западный федеральный округ 3. Приволжский федеральный округ 4. Уральский федеральный округ 5. Северо-Кавказский федеральный округ 6. Южный федеральный округ 7. Сибирский федеральный округ 8. Дальневосточный федеральный округ
2	Экономический район	<ol style="list-style-type: none"> 1. Северный район 2. Северо-Западный район 3. Центральный район 4. Волго-Вятский район 5. Центрально-Черноземный район 6. Поволжский район 7. Северо-Кавказский район 8. Уральский район 9. Западно-Сибирский район 10. Восточно-Сибирский район 11. Дальневосточный район 12. Калининградский район
3	Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Автономная некоммерческая организация «Стратегическое партнерство по экономическому и социальному развитию Северо-Западного федерального округа» (Стратегическое партнерство «Северо-Запад») 2. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья 3. Ассоциация социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа

№ п/п	Единица территориального деления	Состав
		4. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Сибирское соглашение» 5. Ассоциация межрегионального социально-экономического взаимодействия «Центральный Федеральный Округ» 6. Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации Южного федерального округа «Юг» (Ассоциация «Юг»)
4	Экономические зоны и макрозоны	1. Центрально-Северная экономическая зона 2. Южно-Российская экономическая зона 3. Экономическая зона Европейской России 4. Волго-Уральская экономическая зона 5. Сибирская экономическая зона 6. Восточно-Российская экономическая зона 7. Экономическая макрозона Европейской России и Урала 8. Экономическая макрозона Зауральской России 9. Нечерноземная экономическая зона России 10. Экономическая зона Байкало-Амурской магистрали (БАМ)

Источник: составлено по данным Общероссийского классификатора экономических регионов

В общероссийском классификаторе выделение экономических регионов (в данном случае это разнообразные единицы территориального деления) осуществляется по следующим классификационным признакам:

- по относительной общности объективных условий хозяйствования в пределах данной территории;
- по общности целей и задач совместной разработки и осуществления региональных программ экономического и социального развития добровольными объединениями субъектов Российской Федерации (Ассоциациями экономического взаимодействия);
- по условиям изучения и контроля природно-климатических, экологических и геологических параметров местности;
- по условиям осуществления технического надзора за строительством и использованием основных фондов;
- по условиям обеспечения государственного таможенного контроля за внешнеэкономическими операциями;
- по характеру и степени комфортности условий жизнедеятельности населения.

Э.Б. Алаев определяет экономический район как территориально целостная часть народного хозяйства страны, обладающая следующими признаками: специализацией, комплексностью, управляемостью, что позволяет рассматривать район как целостную систему, организационную ячейку территориального управления народным хозяйством, посредством которой с наименьшими издержками могут решаться как зависимые, так и автономные проблемы развития. Объективной основой экономического района служит территориально-производственный комплекс [4].

Одним из подходов к выделению групп регионов со сходными социально-экономическими условиями могут являться различные рейтинги (при условии территориальной близости регионов). Примерами таких рейтингов может выступить Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, составляемый Агентством стратегических инициатив (АСИ) [5] или Рейтинг социально-экономического положения регионов, формируемый агентством РИА Рейтинг [6]. Кроме того, существуют различные научные подходы к оценке устойчивости развития регионов на основе расчетов инновационной и экономической конкурентной привлекательности [7], которые также могут выступать методологической основой выделения сходных по социально-экономическим характеристикам групп регионов.

В зарубежной практике также применяется деление на макрорегионы. В европейских государствах это деление часто касается не только территорий внутри одной страны, а нескольких стран. Например, в рамках реализации «политики сплочённости» («cohesion policy») существует ряд программ международной кооперации с целью достижения сбалансированного социально-экономического развития территорий. Такая политика применяется, к примеру, в странах, расположенных вокруг Балтийского моря, объединённых в Балтийский Еврорегион [8].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать особенности экономического районирования в России в рамках существующего деления и предложений Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [9].

Общероссийские особенности экономического районирования

Как уже было упомянуто ранее, на территории России существуют разнообразные формы территориального деления, каждая из которых подразумевает наличие определённых управленческих образований, а также учёт специфики межрегионального взаимодействия. Так, федеральные округа как управленческие структуры представляют собой территориальные подразделения Администрации Президента Российской Федерации. За более чем 20-летний период в них сложилась система экономических связей, статистического учёта, запущен процесс макрорегиональной интеграции. В федеральных округах основными интегрирующими факторами являются законодательство, инвестиционные потоки, бюджетные трансферты, централизованный государственный заказ, общая транспортная инфраструктура [10]. В рамках федеральных округов создан целый ряд территориальных органов федеральной исполнительной власти, таких как: региональные центры МЧС, управления Министерства культуры, службы по надзору в сфере природопользования и мониторинга окружающей среды, департаменты лесного хозяйства и недропользования, управления Росстандарта, Ространснадзора, Росавиации, Росрезерва, Росгвардии, территориальные органы государственной статистики и др.

Несмотря на то, что первые попытки экономического районирования предпринимались еще в царской России, наиболее успешно эта практика развернулась в советский период. Современная система экономического районирования в России существует, за некоторыми исключениями, в том виде, в котором в 1960-х годах она была разработана и внедрена на территории РСФСР. Одним из таких исключений стало выделение в конце 80-х годов Северного экономического района из состава Северо-Западного. Кроме того, Калининградская область, которая сегодня выделена в отдельный экономический район, тогда была включена в состав Прибалтийского экономического района. Республика Башкортостан сегодня включена в состав Уральского экономического района, а в период СССР она была частью Приволжского экономического района. Наконец, последнее существенное различие связано с тем, что Республика Крым в настоящее время входит в число субъектов Северо-Кавказского экономического района, а во времена вхождения этой территории в состав Украинской ССР регион был частью Южного экономического района.

Развитие экономических районов во многом должно происходить за счёт формирования на их территории системы кооперирующихся между собой предприятий, образующих формальные и неформальные производственные связи и кластеры. Прообразом кластеров являются территориально-производственные комплексы (ТПК), определение которых было сформулировано в 1941 году И.Н. Колосовским: «Производственным комплексом называется такое экономическое сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [11].

Так как экономические районы не обладают собственными органами управления и источниками финансирования, их выделение обусловлено в большей степени не формальными границами, а экономическими связями и межрегиональной интеграцией. Благодаря такому уровню обобщения возможно, например, отслеживать ход реализации Национальных проектов (их региональную часть) на уровне группы регионов, включенных в экономический район. Экономические районы также позволяют обеспечить рациональное распределение производительных сил, обеспечивающее сбалансированное территориальное развитие. Стоит отметить, что, к сожалению, на практике не всегда данное рациональное размещение производительных сил действительно реализовано в экономических районах, но данный формат территориального объединения обеспечивает возможность для межрегионального диалога и выработки совместных решений.

Кроме того, существует целый ряд примеров кросс-региональной интеграции внутри экономических районов в различных сферах хозяйствования. Так, туристические маршруты могут соединять сразу несколько регионов, включённых в состав одного или более экономических районов. Например, железнодорожный маршрут, Москва – Санкт-Петербург – Рускеала (Республика Карелия), формирует единый туристический продукт, пролекая сквозь территории сразу нескольких субъектов и экономических районов Российской Федерации.

Анализ Стратегии пространственного развития до 2025 года

В Стратегии пространственного развития России до 2025 года предлагается разделение территории России на 14 макрорегионов, которые не станут административно-территориальными единицами, но при этом будут отражать сложившиеся социально-экономические связи. В некотором смысле это попытка пересмотра существующей сетки экономического районирования с упором на реально сложившееся межрегиональное взаимодействие.

Макрорегионы — это крупные экономические территории со сложившимися социально-экономическими связями, транспортно-логистическими узлами и схожими природными условиями, на территории которых реализуются масштабные инфраструктурные проекты. В Стратегии обозначен подход к выделению макрорегионов на основе их граничащего положения и потенциала возможной кооперации субъектов. Среди основных принципов выделения макрорегиона указаны такие параметры, как: территориальная близость, потенциал создания или наличие крупных межрегиональных инфраструктурных проектов, возможность межрегиональной кооперации, развитие транспортной доступности и связанности территории. Данные критерии достаточно понятны и обоснованы, однако предлагаемая в Стратегии группировка субъектов вызывает ряд вопросов к алгоритму её формирования.

Пока новое деление не является нормативным, а только предлагается, однако оно уже стало поводом для общественной дискуссии. Так, например, в 2018 году действующий на тот момент полпред Президента в Сибирском федеральном округе С. Меняйло заявил о том, что дробление Сибирского федерального округа на 3 макрорегиона приведёт к разобщению регионов Сибири и потере наработанных межрегиональных связей. Вместо этого полпред Президента предложил включить все 12 регионов СФО¹ в состав Сибирского макрорегиона на основе существования прочных экономических связей между ними.

Стоит отметить, что отсутствие макрорегионального бюджета, налогов на уровне макрорегионов обуславливают их несамостоятельность и зависимость от федерального центра, поэтому говорить о реформировании системы административно-территориального деления на сегодняшний день не приходится. Конфигурация макрорегиона в большей степени нацелена на развитие менее развитых регионов за счет находящихся рядом экономически сильных субъектов. Очевидно, что статус макрорегиона будет обеспечивать входящим в него субъектам возможность участия в крупных федеральных инфраструктурных проектах, затрагивающих территорию сразу нескольких регионов. При этом вопрос о том будут ли создаваться управленческие структуры на уровне макрорегиона и как будет обеспечиваться межрегиональная кооперация остаётся открытым.

Система границ макрорегионов схожа с сеткой экономического районирования, но с некоторыми отличиями. Наглядно данное разграничение представлено на Рисунке 1.

¹ Примечание: на момент публикации этого предложения полпреда в состав СФО входило 12 регионов, с ноября 2018 регионов стало 10. Из состава округа исключены Республика Бурятия и Забайкальский край

Рисунок 1 – Карта размещения экономических районов и предлагаемых макрорегионов Российской Федерации

Из карты на Рисунке 1 видно, что Стратегией пространственного развития предложен вариант территориальной реорганизации, при которой внутри некоторых экономических районов создается несколько макрорегионов (например, на территории Уральского экономического района расположены Волго-Уральский, Уральско-Сибирский и Волго-Камский макрорегионы), или же напротив, макрорегион может располагаться на территории сразу нескольких экономических районов (например, Волго-Камский макрорегион находится на территории Волго-Вятского, Поволжского и Уральского экономического районов). На рисунке 2 представлен фрагмент карты, отражающий территориальное деление европейской части России.

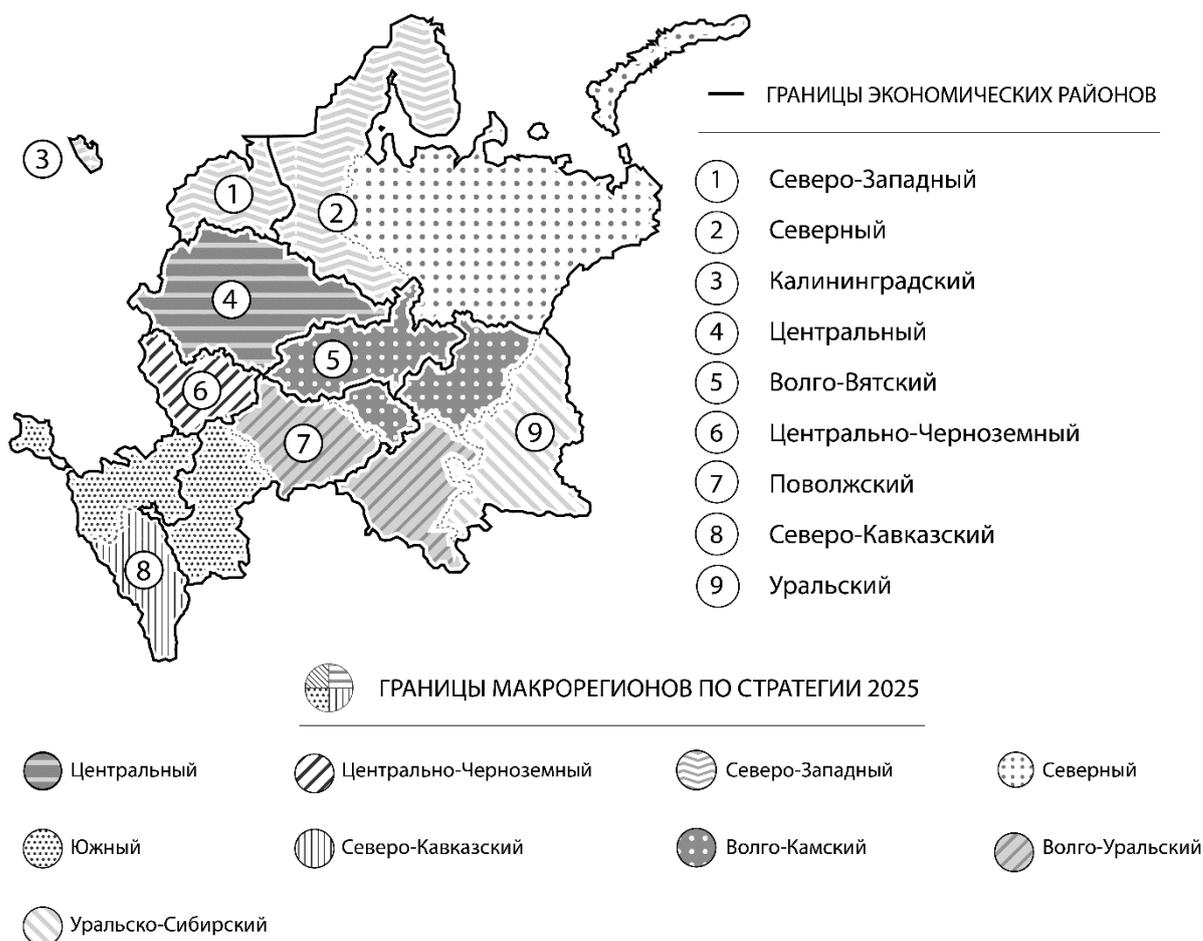

Рисунок 2 – Карта размещения экономических районов и предлагаемых макрорегионов Российской Федерации европейской части России

Из данных карты на рисунке 2 можно отметить несколько спорных изменений, предлагаемых Стратегией. Так, традиционно Северный регион – Мурманская область – отнесён к Северо-Западному макрорегиону. При этом взаимосвязанные регионы, такие как Республика Татарстан и Башкортостан, оказались в разных макрорегионах.

Говоря о Стратегии пространственного развития в целом, стоит отметить, что принципы выделения макрорегионов не являются единственной дискуссионной частью документа. Еще больше споров вызвала предложенная Стратегией специализация эффективных отраслей в рамках экономической специализации субъектов. В ряде случаев рекомендованные отрасли не соответствуют реальной структуре экономики региона. Так, например, Санкт-Петербург, наряду с 38 другими регионами, по задумке авторов Стратегии, должен специализироваться на изготовлении автоприцепов и полуприцепов. Основная проблема, которую может повлечь подобное выделение эффективной специализации, состоит в том, что распределение финансовой поддержки из федерального центра будет учитывать соответствие региональных проектов рекомендуемым для них Стратегией отраслям специализации [12].

После критики в адрес составителей документа Минэкономразвития предложило скорректировать перечень эффективных отраслей региона в рамках концепции «умной специализации», данная методология должна быть разработана и опубликована в 2019 году, однако до сих пор информации о том, что такое «умная специализация» и каково её применение для российских регионов, не опубликовано.

Как и в случае экономического района, макрорегион отличается, в первую очередь, не юридической, а экономической интеграцией. Она подразумевает сложившуюся систему межрегионального взаимодействия. Пожалуй, самые яркие примеры тесной интеграции субъектов Федерации – система отношений Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В этих группах регионов существует отлаженная транспортная система: созданы межрегиональные маршруты общественного транспорта, действуют общие проездные льготные карточки и система социальной поддержки. Данные регионы настолько синхронизированы между собой трудовыми и финансовыми потоками, что наличие единой транспортной системы становится необходимым условием для их дальнейшего развития.

Выводы

На основе приведённых в статье примеров об особенностях современной пространственной организации и территориального деления в России можно сделать несколько обобщений. Предложенная Стратегией пространственного развития система деления на макрорегионы недостаточно проработана, неэффективна и требует корректировки с учётом существующих и потенциально возможных межрегиональных связей.

Основными параметрами выделения близких в социально-экономическом плане регионов могут выступать:

- 1) Территориальная связанность субъектов, наличие транспортных путей.
- 2) Компактность территории проектируемого макрорегиона.
- 3) Наличие (или возможность реализации в будущем) совместных инфраструктурных проектов на территории макрорегиона.
- 4) Наличие (возможность) межрегиональной миграции населения.

Необходимо продолжить работу по созданию рациональной системы территориальной организации с привлечением экспертного сообщества, академических и проектных организаций. Указы Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации» на период до 2024 и 2030 года [13, 14] задают перечень показателей и целевые ориентиры в том числе и пространственного развития страны, направленные на повышение экономической связанности территорий, развитие транспортной инфраструктуры.

В последних документах, касающихся стратегического планирования, также затрагиваются вопросы экономического районирования. Так, в проекте «Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», недавно одобренном Советом безопасности, среди задач развития присутствуют корректировка планов и программ экономического развития территорий с точки зрения оптимизации управленческих процессов, а также увязка стратегических документов разных уровней, их синхронизация. Несомненно, данные предложения должны быть учтены и в новой редакции «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Литература:

1. Стратегия территориального развития России и региональный аспект реформы. – М.: СОПС, 1992.
2. Указ Президента РФ от 05.06.2020 N 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45591>
3. Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 N 640) (ред. от 10.02.2021) (Дата введения 01.01.1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115583/
4. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1986. 227 с.
5. Национальный рейтинг инвестиционного климата Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 30.07.2021).
6. Рейтинг социально-экономического положения регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html>
7. Гринчель Б. М., Назарова Е. А. Разработка путей повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов // Инновации. 2019. №. 9 (251).
8. Studzieniecki T. The development of cross-border cooperation in an EU macroregion—a case study of the Baltic Sea Region // Procedia Economics and Finance. 2016. Т. 39. – С. 235-241.
9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>
10. Совершаева Л. П. Северо-Западный Федеральный округ как объект государственного управления. – СПб., 2007.
11. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М., 1969.
12. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. №. 1. – С. 135-145.
13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
14. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

Ходачек Г. М.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривая нормативные документы, связанные с региональной политикой, можно отметить что нет должной четкости в самом понимании региональной политики: ее предмета, функций, участников, распределении ответственности, организации. В Конституции Российской Федерации обозначены внутренняя, внешняя, финансовая, ценовая, денежная и кредитная, культурная, образовательная, научная, пенсионная и некоторые иные виды политики Российского государства (ст. 71, 84, 86, 114 и др.). Но упоминания о региональной политике в основном законе нет.

Эффективная региональная политика в современных условиях невозможна без надежных прогнозов социально-экономического развития территорий. Выполнение данной работы на уровне, обеспечивающем приемлемую достоверность прогноза, сопряжено с немалыми трудностями. Одна из основных причин такого положения – фактическое отсутствие системы количественных и качественных показателей, которая бы охватывала все стороны экономической и социальной жизни субъекта Российской Федерации, за которые несут ответственность региональные органы государственной власти.

Прогноз развития территорий составляется на основе системы показателей, сформулированной Минэкономки РФ и «спущенной» в регионы. Эта система охватывает только те стороны жизнедеятельности субъекта Российской Федерации, которые имеют значение для федерального уровня управления территориальным развитием. За ее рамками остаются такие жизненно важные для регионов, их органов государственной власти вопросы, как экономическая и социальная дифференциация между различными муниципальными районами, населенными пунктами внутри региона, финансовое положение предприятий различных отраслей, инвестиционная привлекательность.

Базой для проведения этой работы могут стать предложения, содержащиеся в работе «Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза» (М., 2000, руководитель авторского коллектива академик РАН А. Г. Гранберг). Их авторы предлагали положить в основу прогнозов следующие группы факторов, влияющие на развитие регионов.

1. Оценка объективных долговременных факторов:

- транспортно-географическое и геополитическое положение территории, их влияние на величину затрат в производстве и обращении товаров, на тяготение к различным региональным рынкам, на условия внешнеэкономических связей;
- природно-климатические условия, их влияние на стоимость жизни, на величину производственных затрат, на стоимость строительства;
- социально-исторические особенности, характер расселения, их влияние на состав социальной сферы и размер бюджетных расходов, на занятость населения;
- уровень экономического развития, специализация в территориальном разделении труда, степень диверсификации хозяйства.

2. Текущее социально-экономическое положение, которое оценивается на основе анализа следующих факторов:

- результаты и тенденции экономического развития;
- результаты и тенденции социального развития;
- состояние экологии;
- уровень внешнеэкономических и межрегиональных связей;
- выявление региональных кризисных ситуаций;
- результаты и ход экономических реформ;
- выполнение федеральных и региональных целевых программ;
- финансово-бюджетное положение региона.

3. Оценка предпосылок и потенциальных возможностей развития региона:

– природно-ресурсный потенциал (минерально-сырьевые, земельные, лесные и водные ресурсы);

– производственный потенциал (наличие, состояние, характер воспроизводства основных производственных фондов);

– финансовый потенциал, включая финансовые ресурсы, остающиеся в регионе и направляемые в федеральный бюджет и внебюджетные фонды;

– демографическая ситуация и трудовой потенциал;

– инвестиционный потенциал;

– научно-технический потенциал;

– экспортный потенциал, конкурентоспособность основных отраслей и крупнейших предприятий.

Ряд специалистов предлагает различать следующие виды региональных программ:

– социально-экономические, или комплексные программы, определяющие цели и направления развития всех важнейших сфер жизни того или иного субъекта Российской Федерации;

– функциональные программы, направленные на решение конкретных проблем конкретного региона или ряда регионов, например, проблемы коренных малочисленных народов Севера, экологические, инфраструктурные, отраслевые, миграционные, трудовые проблемы и т. д.

– межрегиональные программы, которые тоже разделяются на комплексные программы, определяющие цели и направления социально-экономического развития группы регионов в их взаимодействии, и функциональные программы, намечающие пути решения проблемы или ряда проблем, общих для группы регионов. Например, программа развития агропромышленного комплекса Черноземья, экологического оздоровления бассейна Большой Волги, программа развития территорий Дальнего Востока, различные программные документы по развитию территорий Арктической зоны Российской Федерации, программа по развитию Республики Крым и Севастополя.

В связи с этим возникла необходимость обновления региональной политики.

Очевидно, что страна нуждается в качественно новой региональной политике. Прежде чем изложить ее основные черты необходимо уточнить, в каком смысле будут использоваться в

дальнейшем термины «стратегия» и «программа». В официальных документах, научных трудах, публикациях в средствах массовой информации, посвященных вопросам региональной политики, эти термины применяются весьма широко и свободно: от почти синонимов до противопоставления друг другу. Если не провести их уточнения, то могут возникнуть не только терминологическая неясность, но и смысловое, понятийное разночтение.

В современном научном и политическом обороте термин «стратегия» употребляется в широком и узком значениях. В узком значении под стратегией понимается, в сущности, долгосрочный прогноз социально-экономического развития конкретного региона, группы регионов, страны в целом. В широком значении под стратегией понимается не только долгосрочный прогноз социально-экономического развития регионов или страны. Это понятие включает в себя также сформулированные на основе прогноза различные планы, проекты, программы, осуществление которых необходимо для достижения целей и основных показателей прогноза. Это также система мер управления стратегией: ее разработка, принятие, планы реализации, мониторинг цифровых показателей, корректировка. В представленной статье термин «стратегия» употребляется в этом втором, широком значении.

Термин «программа» также неоднозначен. Чаще всего под программой понимается документ, который касается самых различных объектов: страны, региона, группы регионов, отрасли, территориально-производственных комплексов, пенсионной системы, рынка труда и т. д. В отличие от стратегии, предметом программы служит, как правило, какой-то один, достаточно узкий аспект развития или функционирования объекта. Другой общей чертой всех программ является высокая степень конкретизации, степени проработки включенных в нее вопросов. Программа содержит научно обоснованные формулировки задач и путей их достижения; она детально просчитана по финансовым ресурсам и по источникам их получения; устанавливает четкий порядок реализации намеченного, включая разбивку по этапам и срокам, механизм реализации, способы мониторинга и корректировки.

Таким образом, стратегия, в отличие от программы, представляет собой более широкий, комплексный по функциям и содержанию документ. Программы являются ее составной частью.

С учетом несовершенства большинства инструментов, используемых в российской региональной политике, можно констатировать следующее: стратегии социально-экономического развития макрорегионов (границы формирования которых не определены) сейчас в состоянии выполнять преимущественно функции средне- и долгосрочного прогнозирования, а также формулирования некоторых важнейших направлений деятельности, необходимой для достижения количественных и качественных ориентиров прогноза.

Основные черты региональной политики, отвечающей потребностям территорий и Российской Федерации в целом, представляются следующими:

1. Предметом региональной политики является государственное регулирование развития отдельных субъектов Российской Федерации или макрорегионов (совокупности субъектов Российской Федерации, представляющих собой определенную социально-экономическую, историческую, территориальную целостность).

2. Региональная политика направлена на достижение следующих целей:

– усиление динамики экономического и социального развития России путем эффективного использования природно-ресурсного, человеческого, производственно-технического потенциалов, конкурентных преимуществ территорий;

– обеспечение устойчивого роста экономики субъектов Российской Федерации, повышения реальных доходов и улучшения условий жизни населения на основе расширения и углубления межрегиональной кооперации, а также развития эффективного сотрудничества с другими государствами, их региональными группировками. Для регионов Северо-Запада особое значение в этом плане имеет развитие трансграничного сотрудничества со странами Европейского Севера, участие в реализации Стратегии развития Арктики и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года.

– снижение чрезмерного разрыва в уровнях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных районов внутри них, формирование относительно равных условий жизни и труда на всей территории страны.

3. Международный опыт свидетельствует, что возможны различные модели региональной политики, различающиеся тем, какие из перечисленных выше ее целей являются на данном историческом этапе приоритетными. В сущности, речь идет о двух возможных вариантах.

Первый. В основу региональной политики может быть поставлено достижение устойчиво высоких темпов экономического роста страны. При таком подходе, ориентированном на обеспечение динамичности развития национальной экономики, проблема выравнивания уровней дифференциации территорий отступает на задний план. Основной поток финансовых, трудовых, интеллектуальных и иных ресурсов направляется в наиболее конкурентоспособные регионы, а в их рамках – в наиболее конкурентоспособные муниципальные образования. Территориальная дифференциация при этом может усиливаться, но страна в целом экономически становится более развитой.

Второй. Акцент в региональной политике делается на сглаживание различий в уровне социально-экономического развития между регионами и внутри регионов, создание более или менее одинаковых условий жизни и труда. В этом случае общие темпы развития страны как правило замедляются.

В Российской Федерации региональная политика пытается сочетать обе эти модели. Международный опыт говорит о том, что это едва ли возможно. Например, так называемые интегрированные страны-члены Европейского Союза (Греция, Ирландия, Португалия, Испания), отставшие в своем экономическом развитии от ведущих стран-членов ЕС, ставят главной целью своего развития обеспечение высоких темпов роста национальной экономики, не считая приоритетной задачу выравнивания уровней развития территорий. И, напротив, в Германии, обладающей в целом высоким экономическим потенциалом, приоритет в региональной политике отдается выравниванию условий жизни различных земель и внутри земель. Такая направленность, воплощенная в принципе кооперативного федерализма, еще более усилилась после объединения страны в 1990 году.

Ни тот, ни другой тип региональной политики нельзя считать изначально хорошим или плохим, продуктивным или непродуктивным. Все определяется положением, условиями, коренными интересами конкретной страны. Стратегические интересы России определяют в качестве национального приоритета обеспечение высоких темпов роста национальной экономики с тем, чтобы выйти к 2025 году на качественно новый уровень развития (в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 296 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»). Снижение различий

в социально-экономическом развитии территорий должно достигаться по мере решения этой главной задачи.

4. Региональная политика государства формулируется в нормативно закрепленных стратегиях разного уровня (региональных, межрегиональных, общероссийских), конкретизирующих эти стратегии в различных по содержанию программах.

Тем самым стратегия является главным инструментом региональной политики, так как формирует ее содержание. Практическая деятельность органов государственной власти по реализации стратегии собственно и есть региональная политика.

5. В региональной политике следует исходить из того, что экономическое и социальное развитие территории должно базироваться в первую очередь на более эффективном использовании природно-ресурсного, экономического, финансового, социального, кадрового потенциала данной территории. Государственное регулирование должно быть направлено на создание условий, стимулирующих именно такое развитие.

6. Соответствующие условия могут создаваться как в рамках отдельного региона, так и во взаимодействии с другими регионами на основе кооперирования их потенциалов и согласования усилий по использованию возникающих в результате дополнительных возможностей роста.

7. Цели и направления своего экономического и социального развития, формы взаимодействия регионы определяют самостоятельно при обязательном учете количественных и качественных параметров, задаваемых стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, федеральными целевыми программами. Эту работу органы государственной власти регионов осуществляют совместно с органами местного самоуправления, субъектами экономической деятельности, деловым сообществом, общественно-политическими объединениями своих территорий, а также во взаимодействии с федеральным центром.

8. Согласованные усилия субъектов Российской Федерации направлены на решение следующих основных задач регионального развития:

- улучшение делового и инвестиционного климата в регионе;
- налаживание хозяйственных связей с другими регионами, в том числе – через различные формы экономической интеграции с ними;
- оптимальное участие в реализации государственных программ социально-экономического развития Российской Федерации;
- участие во внешнеэкономической деятельности, сбалансированное с точки зрения интересов как самого региона, так и страны в целом.

9. Регулирующая роль федерального центра в сфере региональной политики заключается в следующем:

- увязка развития регионов с национальными проектами и государственными программами социально-экономического развития Российской Федерации;
- устранение или ослабление действия макроэкономических факторов, негативно влияющих на развитие территорий, создание институциональных, структурных, законодательных и иных условий, способствующих формированию в регионах благоприятного делового и инвестиционного климата;
- поддержка субъектов Российской Федерации, которые находятся в тяжелом или кризисном положении;

– разработка и осуществление мер, направленных на снижение разрыва в уровнях социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Последовательная реализация изложенных принципов придаст качественно новый характер региональной политике. Из государственно-патерналистской она станет политикой, направленной на саморазвитие субъектов Российской Федерации. Реализованная в 2020 году «Стратегия социально-экономического развития СЗФО» (Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-Р) представляет попытку применения такого подхода к условиям и реалиям Северо-Запада России.

Таблица 1 – Анализ выполнения Стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года (по основным целевым показателям)

Наименование показателя по СЗФО	по Плану «Стратегии» 2020 г.	Факт по данным Росстата 2020 г.	Справочно 2020 г. РФ (в целом)
1	2	3	4
Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)	107,0	97,0	97,4
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)	108,0	99,7	98,6
Индекс производства продукции сельского хозяйства (в % к предыдущему году)	107,0	103,0	101,5
Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (в % к предыдущему году)	106,0	91,4	93,1
Индекс производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (в % к предыдущему году)	108,0	99,3	100,6
Индекс производства по виду экономической деятельности «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (в % к предыдущему году)	102,0	94,3	97,6
Индекс потребительских цен (в % к предыдущему году)	103,0	104,0	104,9
	Показатели социального развития		
Реальные денежные доходы населения (в % к предыдущему году)	108,0	99,2	97,0
Уровень безработицы по данным выборочных обследований (в % к предыдущему году)	103,0	141,1	124,7
Естественный прирост (убыль) населения (на 1000 человек населения)	-	- 5,4	- 4,7
Ввод в действие жилых домов (млн м кв.)	10	8,867	80,577

В таблице 1 приведены данные о реализации «Стратегии СЗФО» к 2020 году, то есть расчетному сроку завершения этого документа. Как видно из анализа по всем учетным показателям не произошло выхода на запланированные цифры. Это связано с кризисами 2015 года и 2019-2020 годов, а также установленными в отношении России санкциями со стороны ЕС, США и ряда других стран.

Очень важен вопрос о нормативно-правовом статусе стратегии. Здесь возможны два варианта.

Первый вариант заключается в том, что стратегия выступает в качестве индикативного плана. В нем формулируется набор количественных и качественных показателей, достижение которых считается желательным, и указание путей достижения этих показателей. В этом случае стратегия предстает как система ориентиров для органов государственной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, отечественного и зарубежного бизнеса. Ее положения для власти, для субъектов экономической деятельности носят только рекомендательный характер.

Второй вариант заключается в том, что стратегия выступает не только как ориентир, но и как инструмент общей политики, как план согласованных и совместных действий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в экономической и социальной сфере. В этом случае, принимая стратегию, ее участники возлагают тем самым на себя обязательства содействовать ее выполнению путем осуществления сформулированных в стратегии институциональных и структурных реформ, создания условий, способствующих улучшению предпринимательского и инвестиционного климата, непосредственного участия в финансировании осуществления ряда программ и проектов. Регионы СЗФО рассматривают стратегию как инструмент совместной работы субъектов Российской Федерации.

Вместе с корректировкой региональной политики должна быть изменена система Стратегического планирования. При наличии двух главных документов: «Стратегии национальной безопасности РФ» и Указа Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» существует и реализуется большое количество долгосрочных программ и планов. При этом отсутствует должная координация, нет комплексного подхода при проведении мониторинга хода выполнения программ. Ряд стратегических документов, прежде всего на региональном и муниципальном уровне, не согласуется по срокам, целевым показателям. Практически отсутствует межведомственное и межотраслевое взаимодействие. Важным элементом координации должны стать «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования», в которых предусмотрено оптимизировать перспективные документы на региональном и муниципальном уровнях, увязав их с документами федерального уровня.

Необходимо обеспечить сбалансированность стратегического планирования и бюджетного процесса для концентрации всех видов ресурсов.

Необходимо повысить уровень информационно-аналитического обеспечения хода разработки, принятия и реализации перспективных документов региональной политики, включая элементы контроля и мониторинга мероприятий и целевых показателей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2021.
2. Гранберг А.Г. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. – М., 2000.

3. Стратегия развития Арктики и обеспечение национальной безопасности на период до 2035 года [Текст] // Консультант Плюс. Версия Проф.: Справ.-прав. система.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 296 [Текст] // Консультант Плюс. Версия Проф.: Справ.-прав. система.
5. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного Федерального округа на период до 2020 года», Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-Р.
6. Артоболевский С.С. Региональная политика в России: обзор современного положения // Политика и экономика в региональном измерении / Под ред. В. Климанова и Н. Зубаревич. – М.: СПб., 2000.
7. О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов [Текст] // Консультант Плюс. Версия Проф.: Справ.-прав. система.
8. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Текст]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р // Консультант Плюс. Версия Проф.: Справ.-прав. система.
9. Межевич Н.М., Кузнецов С.В. Некоторые ключевые характеристики мировой экономики как условия развития народного хозяйства России // Экономическое возрождение России. 2018. № 1(55). – С. 33-41.
10. Медведев Д.А. Россия – 2024: Россия 2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. – С. 5-28.
11. Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Институт проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е.Б. Костяновская. – СПб.: Наука, 2006. 618 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
13. Основы государственной политики. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Текст] // Консультант Плюс. Версия Проф.: Справ.-прав. система.
14. Иванов С.А. Формирование региональной политики развития человеческого капитала в условиях многофакторных вызовов и рисков // Экономика и управление. 2019. № 2(160). – С. 28-37.

ПОСТОЯННЫЕ ЖИТЕЛИ КАК ЦЕЛЬ КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ТЕРРИТОРИЯМИ

Введение. Общие подходы к управлению

В настоящее время наблюдается универсализация подходов в задачах управления территориями. Для этого могут использоваться алгоритмы, применяемые для управления различными объектами: техническими, бизнес структурами, системами государственного управления. Общие принципы управления известны, из них главнейшая — управление с обратной связью, начиная с кибернетических времен Нойберта Винера, а также адаптивное управление и управление в среде со случайными параметрами и воздействиями как развитие методов управления в первую очередь в технических системах. Широко применяются различные подходы и методы управления в экономике: в предприятиях — такие как бизнес-планирование и проектное управление. Можно провести много сложившихся соответствий. Например, аналогом бизнес-плана предприятия является в некотором смысле стратегия социально-экономического развития для территории. Проектное управление, рожденное в строительной отрасли, начало ажиотажно использоваться в государственном управлении. То же происходит и с определенной попыткой применения оценки эффективности представителей бюрократического сообщества с помощью КРІ, используемой в предприятиях бизнеса.

Не случайно, что в Институте бизнеса и делового администрирования бизнес-школы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации наряду с курсом обучения МВА внедряется смежный курс МРА и они читаются совместно для слушателей.

Продолжая этот ряд аналогий, можно проиллюстрировать понятийную связь в деятельности, как предпринимательских структур, так и структур государственного и муниципального управления, которая заключается в использовании таких соответствий, как продукт/территориальный продукт и маркетинг/территориальный маркетинг некоммерческого характера, формирование целевых групп, которые состоят из подгрупп покупателей и клиентов, а также продуктовые стратегии, стратегии клиентоориентированности и/или клиентоцикличности, использование последних из которых широко обсуждается в настоящее время.

1. Территориальный маркетинг

Необходимо отметить, что общие подходы к территориальному маркетингу достаточно хорошо разработаны [1-3], в том числе показана связь со стратегиями социально экономического развития и приведена практика разработки конкретных решений для формирования маркетинговых стратегий отдельных территорий [3-6].

Наиболее близка с понятийной точки зрения в использовании территориального маркетинга отрасль туризма, так как именно в туризме бытуют разработанные в маркетинговых стратегиях понятия: туристический продукт, цена продукта, продвижение и прочее. Симво-

лично, что на титульной странице одного из номеров газеты «Деловой Петербург», посвященного развитию туризма в городе, был опубликован призыв «Продать Санкт-Петербург», что, безусловно, имело маркетинговый смысл. Разработана гамма туристических брендов городов и регионов, хотя, как правило, в территориальном маркетинге обычно речь идет о мультибрендовых подходах. Отрасль туризма является содержательным примером по использованию бизнес-подходов к задачам территориального маркетинга.

Базовые понятия территориального маркетинга известны [3].

1.1. Территориальный продукт воспринимается конкретной целевой группой как объект своих социальных и экономических интересов. Можно выделить три составляющие территориального продукта: конкретные характеристики и ресурсы территории; территория как конкретное место проживания и/или ведения бизнеса; система организации и качество менеджмента территории.

1.2. Территориальный маркетинг это:

– особый вид управленческой деятельности, предпринимаемой с целью создания, поддержания и/или изменения отношений и поведения резидентов и нерезидентов, представленных частными лицами и компаниями, относительно конкретной территории;

– современная философия управления территорией, в основе которой лежит новое понимание роли и функций территориальных органов власти;

– новый фактор регионального управления, использование которого ведет к успешному социально-экономическому развитию территории за счет оптимального использования наличных ресурсов и всего потенциала территории.

Маркетинг стоит на четырех «китах»: продукт, цена, продвижение, место. Эти понятия (Product, Price, Promotion, Place в английском варианте) — 4P маркетинга [1]. Применяя такой комплекс маркетинга, можно удовлетворить интерес потребителей и повысить доход, а в будущем и обеспечить устойчивое развитие города/субъекта или страны.

1.3. Целевые группы

Целевыми группами являются заинтересованные в территориальном продукте стороны — его потребители. Можно выделить шесть целевых групп, распределенных на две категории: люди и бизнес.

Выделение целевых групп в категории «люди» происходит по длительности их пребывания на заданной территории.

Группа **«население»** — это местные жители, для которых должны быть созданы благоприятные и комфортные условия для постоянного проживания и деятельности на данной территории. Население должно быть обеспечено качественной и удобной инфраструктурой, включая транспортную, доступными социальными услугами, конкурентоспособной заработной платой. Кроме того, местные жители должны чувствовать себя в безопасности, как с социальной точки зрения, так и с экологической. Созданные благоприятные условия должны удерживать местное население на данной территории, служить превентивными мерами от переезда в другие города/регионы/страны.

«Временные жители» — целевая группа, отличающаяся средним сроком пребывания. Как правило, к этой целевой группе можно отнести студентов, временных рабочих, стажеров. Для них должны быть созданы такие комфортные условия, чтобы у них не возникало

желания сменить место работы или место учебы, наоборот, чтобы они рекомендовали знакомым ехать работать и учиться именно в этот город, а не какой-либо другой.

«**Туристы**» находятся в стране/регионе/городе очень короткий период времени. Для них также должны быть созданы благоприятные условия для пребывания. Туристы должны быть обеспечены соответствующей туристической инфраструктурой, а их пребывание должно быть безопасным, комфортным, интересным.

Другой группой категорий является «бизнес». Среди бизнеса можно выделить «предпринимателей», «экспортеров» и «инвесторов».

Для «**предпринимателей**» должны быть сформированы комфортные условия для открытия и ведения бизнеса, что удержит их от переезда на другую территорию и запуска там своих предприятий. А это, в свою очередь, позволит обеспечить благоприятный деловой климат.

Особые условия должны быть созданы для развития сырьевого и не сырьевого, в большей степени, экспорта. «**Экспортеры**» должны быть обеспечены системами государственной поддержки и стимулирования экспорта. Важнейшим элементом экспортной политики являются бренды «Сделано в...».

Также должен быть создан благоприятный инвестиционный климат для удержания «**инвесторов**» и привлечения новых, что напрямую связано с ресурсным обеспечением социально-экономического развития территории.

Необходимо отметить, что пять целевых групп достаточно мобильны в реализации своих предпочтений и как следствие потребления территориального продукта. За исключением первой: постоянные жители/население территории.

1.4. Потребители, покупатели и клиенты

Именно потребители (покупатели и клиенты) формируют целевые группы.

Потребитель — лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее или использующее товары (работы, услуги).

Покупатель — лицо, осуществляющее оплату товара или услуги и являющееся приобретателем этих товаров или услуг.

Клиент — в широком смысле — лицо, пользующееся услугами другого физического или юридического лица, вступающее с ним в деловые отношения в средне или долговременной перспективе.

2. Клиентоориентированность и клиентоцентричность в территориальном маркетинге

В управлении территориями используются относительно новые понятия, ранее используемые и применяемые в бизнесе [7-10]: клиентоориентированность и клиентоцентричность, при этом существенно возрастает роль региональных администраций.

2.1. Клиентоориентированность

Клиентоориентированность — это способность администрации организовывать высококлассное обслуживание клиентов, что включает следующее:

- Удовлетворение всех потребностей участников целевой аудитории и каждого заинтересованного потребителя.
- Расширение клиентской базы благодаря пониманию и удовлетворению основных потребностей клиента.

– *Завлечение новых покупателей, повышение лояльности старых путем использования различных инструментов.*

– Умение администраций заранее предугадывать желания клиента.

Задача клиентоориентированности — это способность предсказывать, выполнять желания новых и старых покупателей.

Принципы клиентоориентированности:

– Честность, открытость. Внимательный, добросовестный подход администраций к выполнению обязательств, что повышает доверие клиентов.

– Знание целевых групп. Подробное изучение требований, запросов потенциальных клиентов позволит заранее предвидеть их желания и предлагать подходящий продукт.

– Обеспечение установления долгосрочных взаимоотношений с целевой группой.

– Реализация продукта, соответствующего или превосходящего ожидания клиентов. Клиентоориентированные организации следят за постоянным улучшением качества продукции.

– Гибкость. Компания должна изменяться вслед за изменением клиентов, их желаний.

Клиентопоток: расширение и удержание потребителей в целевых группах зависит от ориентированности администрации на клиента. Проверить уровень клиентоориентированности можно, используя любые возможности построения и использования обратной связи: опрос клиентов, периодический анализ фокус-групп, использование навыков и знаний сторонних консультантов.

2.2. Клиентоцентричность

Клиентоцентричность — стратегия управления территориями, основанная на реализации желаний клиентов. Администрация стремится построить доверительные отношения с каждым потребителем. Территории развиваются за счет вовлечения клиентов совместно с деятельностью администраций.

Клиентоцентричность — термин, который тесно связан с клиентоориентированностью. Это определение обозначает стратегию администрации, которая нацелена на обеспечение клиентов в достижении их целей и потребностей. По сути, клиентоориентированность — это практическое исполнение клиентоцентричности. Клиентоориентированность — это промежуточное звено между клиентоцентричной и продуктовой стратегией. В этой модели желания клиентов не находятся в центре взаимоотношений администраций с клиентами. Разработку новых продуктов и стратегию ведения территориального маркетинга определяет руководство администраций. Сотрудники, которые непосредственно взаимодействуют с потребителями, рассматривают их желания в качестве приоритета. Клиентоцентричность — это то, к чему должна стремиться каждая администрация, и на удовлетворение запросов заинтересованных потребителей должно быть нацелено не только руководство, но и рядовые сотрудники.

Отличия продуктовой и клиентоцентричной моделей в территориальном маркетинге:

Продуктовая модель	Клиентоцентричная модель
Цель: увеличение целевых групп за счет рекламы продукта.	Цель: удовлетворение потребностей клиентов внутри целевых групп, что приводит к росту потребления.
Стратегией развития и разработкой новых продуктов управляет руководство территорий.	Стратегию развития и выпуск новых продуктов определяют желания клиентов.
Маркетинг основан на полезных свойствах продукта, на отличиях от конкурентов.	Маркетинг основан на пользе для покупателя, на эмоциях от приобретения, на вовлечении клиентов в управление территориями.
Возможно распространение неполной или недостоверной информации о продукте.	Клиенты получают правдивое описание продукта и честные ответы на вопросы.
Срок сотрудничества с потребителем не имеет значения.	В приоритете построение долгих отношений с каждым клиентом.
Взаимодействие с потребителем осуществляется только по стандартным заготовкам.	Администрации могут отклониться от заготовок, чтобы понять уникальные потребности клиента и сделать индивидуальное предложение.

2.3. Деятельность клиентоцентричной организации/администрации

1. Маркетинговая стратегия направлена на создание и поддержание лояльности заказчиков.
2. Сотрудники администраций собирают, анализируют и используют информацию о каждой целевой группе.
3. Обеспечивается непрерывная разработка новых продуктов и улучшение сервиса на основе обратной связи.
4. Каждый сотрудник администраций должен оценивать свою работу глазами покупателя и понимать свой вклад в создание продукта.
5. Администрации предлагают не товары и услуги, а выгоду для заказчика (экономия его времени, рост прибыли его бизнеса, повышение квалификации его персонала и т.д.)
6. В клиентоцентричной администрации интересы клиента всегда на первом месте.

Внедрение клиентоцентричной стратегии

Клиентоцентричность — относительно новая модель в территориальном маркетинге. Клиентоцентричная модель внедряется поверх продуктовой и постепенно замещает ее во всех аспектах.

Важные шаги по внедрению клиентоцентричной модели:

1. Внедрение CRM-системы для ведения базы данных.
2. Уточнение портрета целевых групп.
3. Изменение позиционирования продуктов.
4. Переобучение сотрудников.
5. Правильная работа с обратной связью.

Для клиентоцентричной организации важно понимание системы ценностей, образа мышления и потребностей каждого потребителя. Клиентоцентричные администрации работают по психографической модели. Она учитывает ценности, установки и предпочтения потребителей.

Полученная информация вносится в карточку потребителя в CRM-системе. Это помогает сотруднику администраций составить портрет потребителя. При сборе базы данных можно внедрить систему меток и группировать участников целевых групп по выбранным критериям. Нельзя завоевать доверие потребителей только рекламой. Отношение к бренду складывается из впечатления о продукте, общения с сотрудниками администраций.

В клиентоцентричной стратегии постепенно стирается граница между продавцом и покупателем. Одна схема сотрудничества (мы продаем, а они покупают) сменяется другой (мы делаем общее дело). В клиентоцентричной модели важно позиционирование, так как продается не продукт, а впечатления от его покупки или решение проблемы потребителя. С потребителем нужно говорить на понятном ему языке.

Чтобы завоевать доверие клиентов, необходимо иметь доверительные отношения внутри администраций. Для убедительной работы сотрудники должны верить в качество продукта и разделять ключевые ценности бренда, также они должны обладать высокой эмпатией, чтобы понимать настроение клиента и считывать его потребности.

При переходе на клиентоцентричную модель, как правило, требуется переобучение сотрудников. Переобучение проводится в форме: групповых тренингов, видеоуроков, микрокейсов. Контролировать усвоение материала следует тестированием и проверками тайными потребителями.

Заключение: как сделать постоянного жителя удовлетворенным?

Необходимо вернуться к цели, поставленной в заголовке. Важность целевой группы: постоянные жители заключается в двух аспектах. Во-первых, эта группа наименее мобильна с точки зрения выбора конкурентного продукта (территории), но она же является основной с точки зрения территориального маркетинга, во-вторых, именно эта группа имеет возможность проинформировать администрацию о своих настроениях путем использования обратной связи – выборов.

Клиентоцентричность иногда представляется как сервис по цифровизации госуслуг. Это достаточно узкая трактовка по взаимодействию с целевой группой «постоянные жители». Важность цифровизации возрастает только в случае системного подхода к этой целевой группе. Клиентоцентричность, как это было отмечено выше, предполагает знание администрацией всех проблем постоянных жителей в части организации комфортности среды проживания для них: социальные вопросы, жилье и ЖКХ, экология и безопасность с целью совместного и безусловного решения этих проблем для достижения ощущения счастья у постоянных жителей.

Литература:

1. Philip Kotler, Donald H. Haider, Irving J. Rein Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations Free Press, 1993. – PP.388
2. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. 2 изд. – СПб.: ПИТЕР. 2006. 416 стр.
3. Сачук Т.В. Территориальный маркетинг: теория и практика: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2017. 583 с.

4. Ходько С.Т. Территориальный маркетинг эффективный механизм реализации стратегий социально-экономического развития // Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов. Доклады участников XIII Общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург, 27-28 октября 2014 г. / Под ред. Б.С. Жихаревича. – СПб.: Леонтьевский центр, 2015. – с. 47.

5. Ходько С.Т. Инструменты территориального маркетинга в Российской Федерации // Региональная экономика и развитие территорий / Под ред. Л. П. Совершаевой. – СПб.: ГУАП, 2019, 1 (13). – С.48-51.

6. Ходько С.Т. Территориальный маркетинг. Города и субъекты федерации. Инструкция для управленцев // Региональная экономика и развитие территорий. Сб.научных статей. НИУ ВШЭ-СПб. 2020. – С. 290-293.

7. Tevfik Dalgic., Customer-Oriented Marketing Strategy, Publisher: Business Expert Press, 2013.

8. Клиентоцентричный маркетинг с точки зрения организации: в этот раз о личном // Robert Heger, Август 22, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://exponea.com/ru/blog/customer-centric-marketing/>

9. О клиентоориентированности: шаги к завоеванию лояльных покупателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anvilhook.ru/blog/o-klientoorientirovannosti-shagi-k-zavoevaniyu-loyalnyx-rokupatelej>

10. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: Навигатор цифровой трансформации / под ред. О. В. Линник, А. В. Ожаровского, М. С. Шклярчук. — М.: РАН-ХиГС при Президенте РФ, 2020. 180 с.

УДК 332.146.2

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-163-170

Фесенко Р. С.

ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА СОВРЕМЕННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ УСТОЙЧИВОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ¹

При обосновании оценки соответствия эколого-экономического развития региона современным требованиям устойчивого производства и потребления как основы трансформации эколого-экономического пространства необходимо учитывать главную цель устойчивого производства и потребления – уровень жизни населения, ресурсо- и энергопотребление, экологический след.

Целью устойчивого производства и потребления (УПП) как инструмента практического внедрения концепции устойчивого развития является высокий уровень жизни. Устойчивость производства и потребления заключается в экологической стоимости уровня жизни. В самом простом виде это соотношение выглядит как:

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121011190093-2.

$$\text{УПП} = \frac{\text{УЖ}}{\text{ЭС}}, \quad (1)$$

где УПП – устойчивость производства и потребления,
 УЖ – уровень жизни, обеспечиваемый текущим производством и потреблением,
 ЭС – экологический след текущего производства и потребления.

Есть много разных способов выразить и измерить уровень жизни. Для этих целей используют как объективные показатели (ВРП на душу населения, подушевой доход, продолжительность жизни и др.), так и субъективные (заявленные показатели удовлетворенности уровнем жизни, получаемые при опросах населения). Экологический след уже является композитным показателем, характеризующим уровень антропогенного влияния, оказываемого на экосистемы и природный капитал при обеспечении индивидуума всем ему необходимым.

Для дальнейшего анализа устойчивости систем производства и потребления необходимо провести декомпозицию формулы (1) для учета основных элементов, определяющих эту устойчивость. Первый из таких элементов – это ресурсы. Ресурсоемкость экономики и необходимость её снижения – это классический элемент эко-ориентированных экономических теорий со времен зарождения экономики природопользования. При этом часто опускается тот факт, что повышение ресурсоемкости экономики не всегда приводит к обязательному повышению экологического следа. Технологии глубокой переработки сырья и переработки отходов могут снизить экологический след производства и потребления без существенного снижения его ресурсоемкости. Таким образом, формула (1) может быть переписана следующим образом:

$$\text{УПП} = \frac{\text{УЖ}}{\text{Р}} \times \frac{\text{Р}}{\text{ЭС}}, \quad (2)$$

где Р – объем используемых в производстве и потреблении ресурсов.

Соотношение УЖ/Р показывает продуктивность ресурсов по обеспечению уровня жизни, а Р/ЭС – эффективность ресурсопотребления с точки зрения общего экологического следа.

Вторым важнейшим элементом, после ресурсов, является энергия, в широком понимании этого термина – от непосредственного использования продуктов добывающих отраслей (сжигание угля, газа, дров) и продуктов переработки энергоресурсов (бензин) до непосредственного воплощения энергии в услугах, обеспечивающих уровень жизни (электричество, тепло, механическая энергия и пр.). Таким образом, мы можем связать уровень жизни и количество использованных ресурсов:

$$\text{УПП} = \frac{\text{УЖ}}{\text{Э}} \times \frac{\text{Э}}{\text{Р}} \times \frac{\text{Р}}{\text{ЭС}}, \quad (3)$$

где Э – объем используемой энергии и энергетических услуг.

Таким образом, для оценки УПП в регионе необходимо рассмотреть три соотношения:

1. Объем использованных в системе производства и потребления ресурсов на единицу экологического следа (эффективность ресурсопотребления).

2. Объем произведенных энергетических услуг на единицу, использованных в системе производства и потребления, ресурсов (эффективность энергопотребления).

3. Объем конечного потребления на единицу произведенных энергетических услуг (эффективность конечного потребления).

Для расчета данных соотношений можно использовать следующие статистические данные (табл. 1):

1. Экологический след на душу населения;
2. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»;
3. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха»;
4. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения.

Таблица 1 – Показатели оценки УПП в регионах СЗФО РФ (2017 год) [1]

Субъект РФ	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, (руб./чел. в месяц)	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности (в фактически действовавших ценах; млн руб.)		Экологический след (гга на душу населения)
		Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Добыча полезных ископаемых	
Республика Карелия	292490,4	26676	83395	5,00
Республика Коми	299774,5	47108	400373	4,75
Архангельская область	350263,1	36674	385402	4,30
Ненецкий АО	475184,4	3832	352134	4,95
Вологодская область	225403,1	40646	798	4,20
Калининградская область	264197,2	28773	18428	4,60
Ленинградская область	308325,1	99029	15857	5,60
Мурманская область	381355,9	58976	96258	6,00
Новгородская область	290633,3	19405	1178	4,80
Псковская область	237276,0	11491	1959	4,15
Санкт-Петербург	445958,2	213938	24035	7,25

На основе первичных данных можно рассчитать базовые соотношения, вытекающие из формулы (3): эффективность ресурсопотребления, эффективность энергопотребления, эффективность конечного потребления (табл. 2).

Таблица 2 – Показатели оценки УПП в регионах СЗФО РФ

Субъект РФ	Эффективность конечного потребления	Эффективность энергопотребления	Эффективность ресурсопотребления
Псковская область	20,65	5,87	472,05
Новгородская область	14,98	16,47	245,42
Республика Карелия	10,96	0,32	16679,00
Архангельская область	9,55	0,10	89628,37
Калининградская область	9,18	1,56	4006,09
Мурманская область	6,47	0,61	16043,00
Республика Коми	6,36	0,12	84289,05
Вологодская область	5,55	50,93	190,00
Ленинградская область	3,11	6,25	2831,61
Санкт-Петербург	2,08	8,90	3315,17

Как видно, среди регионов СЗФО РФ по эффективности конечного потребления лидируют Псковская и Новгородская области, Санкт-Петербург и Ленинградская области отстают от среднего по федеральному округу уровня более чем в 2 раза. По эффективности энергопотребления выделяются Вологодская и Новгородские области, в то время как этот показатель в Республиках Карелия и Коми, а также в Архангельской и Мурманской областях находится на низком уровне. По эффективности ресурсопотребления же, напротив, Республика Коми и Архангельская область значительно превосходят остальные субъектов СЗФО РФ, а Вологодская, Новгородская и Псковская области – серьезно отстают. Изобразим полученные данные на графике (рис. 1).

Как видно из графиков, ни один из регионов СЗФО не обладает сбалансированной системой производства и потребления, обеспечивающей устойчивость на всем протяжении жизненного цикла товаров, работ и услуг. При этом наиболее густонаселенные регионы – Санкт-Петербург и Ленинградская область по всем трем составляющим отстают от регионов-лидеров.

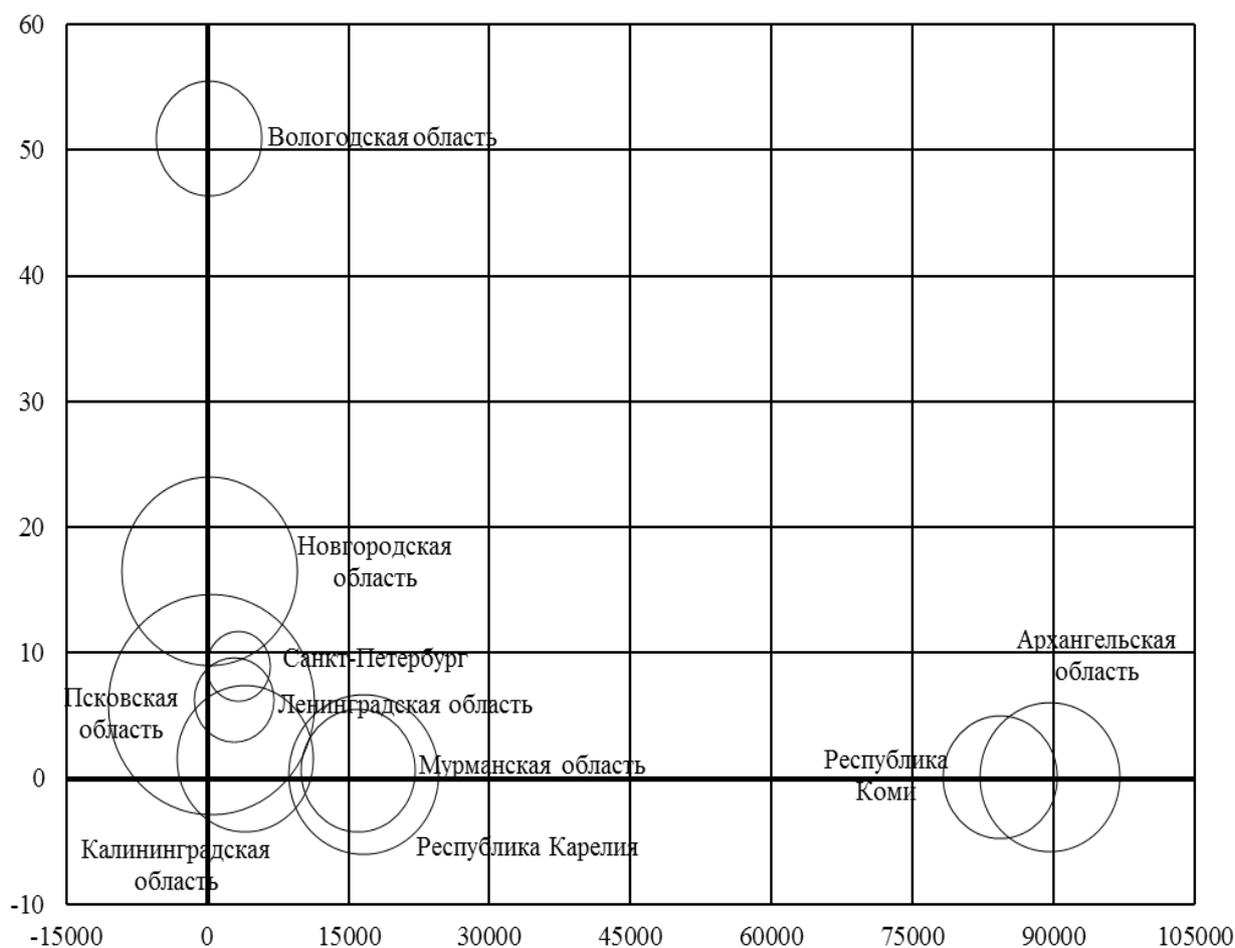

Рисунок 1 – Показатели УПП субъектов СЗФО РФ

(ось X – эффективность ресурсопотребления, ось Y – эффективность энергопотребления, размер кружочков – эффективность конечного потребления)

Такое положение вещей говорит об отсутствии стратегического подхода к регулированию производства и потребления в регионах СЗФО РФ с точки зрения эколого-экономического регионального развития.

В качестве проверки такого вывода необходим анализ действующих документов стратегического развития субъектов СЗФО РФ. Объектом анализа являются стратегии социально-экономического развития Архангельской области (АО) – Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года [2], Вологодской области (ВО) - Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года [3], Калининградской области (КО) – Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области» [4], Республики Карелия (РКа) - Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года [5], Республики Коми (РКо) - Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года [6], Ленинградской области (ЛО) - Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года [7], Мурманской области (МО) - Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года и план мероприятий по ее реализации [8], Новгородской области (НО) - Стратегия со-

циально-экономического развития Новгородской области до 2030 года [9], Псковской области (ПО) - Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2020 года [10], Санкт-Петербурга (СПб) - Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года на период до 2030 года [11]. Предмет анализа – отражение целей устойчивого производства и потребления по блокам в стратегиях социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ до 2030 года. По каждому блоку целей стратегии выставлялась оценка: 2 – блок целей отражен, 1 – блок целей отражен частично, 0 – блок целей не отражен. Результаты анализа сведены в таблицу 3.

Таблица 3 - Анализ отражения целей устойчивого производства и потребления в стратегиях социально-экономического развития субъектов СЗФО РФ до 2030 года

Блок целей	Субъект СЗФО РФ									
	АО	ВО	КО	РКа	РКо	ЛО	МО	НО	ПО	СПб
Блок 1. Институциональное обеспечение устойчивого производства и потребления	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Блок 2. Экологическая культура	2	1	0	1	0	1	2	2	1	2
Блок 3. Модернизация инфраструктуры	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Блок 4. Устойчивые государственные закупки	0	1	0	1	1	0	1	0	0	1
Блок 5. Химическая безопасность	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Блок 6. Устойчивая энергетика	2	2	1	2	1	1	2	2	1	2
Блок 7. Устойчивое водопользование	2	1	1	2	1	1	1	1	1	1
Блок 8. Обращение с отходами производства и потребления	2	2	1	2	2	2	1	1	1	2
Блок 9. Устойчивый АПК	0	1	0	1	1	1	1	1	1	0
Блок 10. Устойчивый туризм	2	2	1	1	2	1	1	1	1	1
Блок 11. Устойчивая урбанизация	2	1	1	2	1	1	1	1	1	2

Если оценивать стратегии в целом, что следует отметить, что несмотря на то, что отдельные цели устойчивого производства и потребления отражены в них достаточно полно, общий уровень остается низким. Так средняя оценка отражения целей устойчивого производства и потребления по всем действующим стратегиям – 1,06 (см. рис. 2).

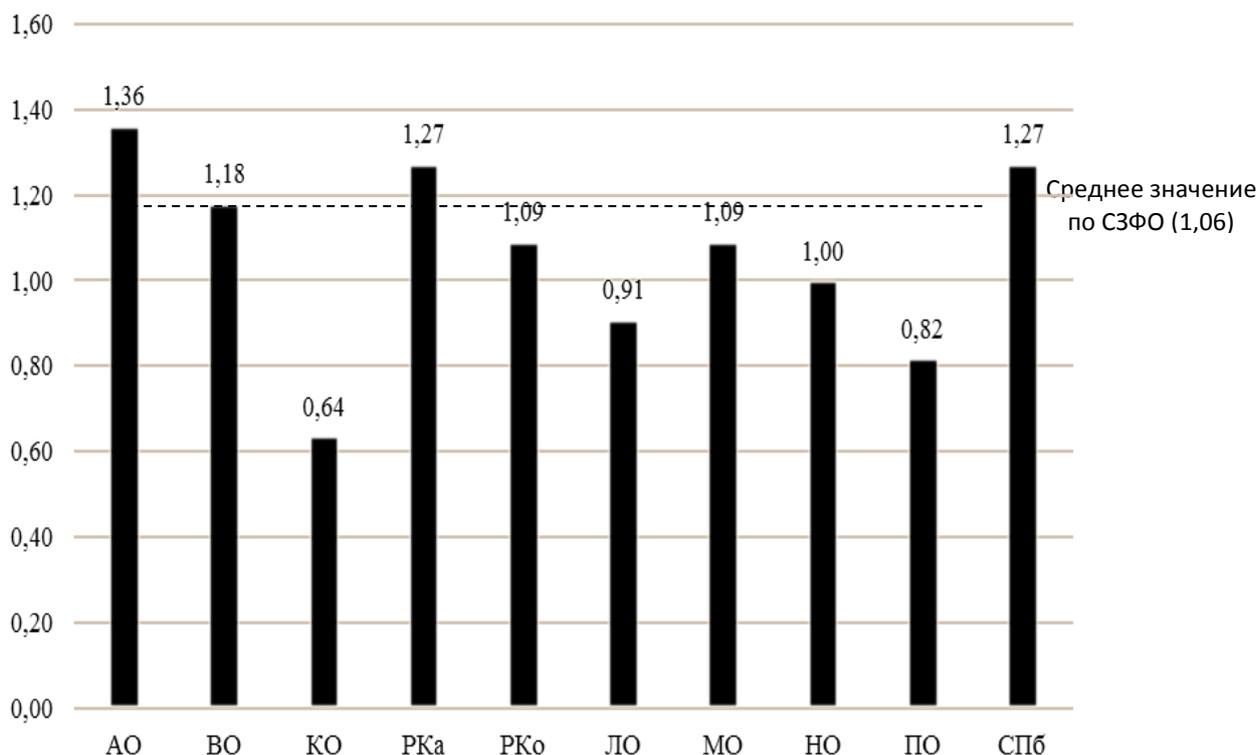

Рисунок 2 – Средние оценки отражения целей устойчивого производства и потребления в стратегиях СЗФО РФ

Наиболее далеко на пути имплементации целей устойчивого производства и потребления в свои стратегии социально-экономического развития продвинулись Архангельская и Вологодская области, республика Карелия и Санкт-Петербург. Стратегии Калининградской, Ленинградской и Псковской областей даже не в полной мере отвечают задаче создания базовых условий начала процесса достижения целей устойчивого производства и потребления.

Литература:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – М.: Росстат. 2021. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Закон Архангельской области №57-5-ОЗ от 18.02.2019 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года».
3. Постановление Правительства Вологодской области №920 от 17 октября 2016 года «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года».
4. Постановление Правительства РФ №311 от 15.04.2014 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Социально-экономическое развитие Калининградской области (с изменениями на 29 марта 2019 года)».
5. Распоряжение Правительства Республики Карелия №899р-П от 29.12.2018 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года».

6. Постановление Правительства Республики Коми №185 от 11.04.2019 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года».

7. Постановление Правительства Мурманской области №768-ПП/20 от 25.12.2013 «О стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года и плане мероприятий по ее реализации».

8. Постановление Правительства Мурманской области №768-ПП/20 от 25.12.2013 «О стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года и плане мероприятий по ее реализации».

9. Закон Новгородской области №100-оз от 09.07.2012 «О стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2030 года».

10. Распоряжение Администрации Псковской области №193-р от 16.07.2010 года «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 года».

11. Закон Санкт-Петербурга №771-164 от 19.12.2018 «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года».

УДК: 332.145

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-170-176

Шабунина Т. В.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ЗДОРОВЬЯ¹

Процесс экологизации развития экономики региона предполагает сокращение негативного влияния деятельности человека на окружающую среду на основе внедрения принципов рационального природопользования, сведения к минимуму отрицательного воздействия побочных продуктов производства на основе создания экологичных технологий, не причиняющих вреда природе, что будет способствовать повышению качества жизни населения, обеспечению устойчивого социально-экономического развития регионов, экологической и экономической безопасности. Основопологающей предпосылкой такого процесса является становление экологического сознания общества, развитие институциональной среды, представляющей собой совокупность институтов, которые оказывают воздействие на процессы эколого-экономической сбалансированности регионального развития и характеризуются своими возможностями влиять на поведение людей посредством установленных правил. Наличие развитой институциональной среды определяет эффективность экологизации регионального социально-экономического развития. На сегодняшний день состоянию регио-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121011190093-2.

нальной институциональной среды присущи противоречия экономических, социальных, политических, и экологических интересов населения, хозяйствующих субъектов, органов власти. Например, наряду с формальными институтами в системах здравоохранения и образования бесплатных услуг существуют различные виды их формальной и неформальной оплаты; создание институтов конкурентного рыночного механизма в отраслях, способствующих повышению качества жизни населения, ограничено соблюдением принципов равенства и справедливости в доступности социальных услуг.

Тем не менее, современным обществом осознается необходимость перемен во взаимоотношениях с природой посредством изменения образа жизни людей. На состояние окружающей среды оказывают влияние такие институты как образование, политическая и экономическая системы, законодательство, средства массовой информации, общественное мнение. Основу взаимодействия человека и природы составляет экологическая грамотность, которая включает знания об основных понятиях и определениях, источниках загрязнений, способах и методах предотвращения экологических катастроф, правовых основах охраны окружающей среды и т.д.

В настоящее время экологическая грамотность населения является следствием воздействия различных институтов и находится пока еще на не достаточном уровне. Прежде всего, это связано с существующими противоречиями: между потребительским поведением человека и обеспокоенностью мирового сообщества за экологическое состояние окружающей среды; между накопленными знаниями в области экологии и слабо развитой системой передачи этих знаний в общество с целью формирования экологической культуры населения. Первичным институтом формирования экологической грамотности является семья, поскольку она дает представление об экологических ценностях, соответствующих моделях поведения на начальных этапах социализации. Базовым институтом формирования экологической грамотности является институт образования, основными принципами которого должны быть: приоритетность и обязательность экологических знаний в системе образования, всеобщность и комплексность, непрерывность экологического образования, практическая направленность на решение задач по сохранению и восстановлению окружающей природной среды, гласность разработки и реализации программ экологического образования и просвещения, межрегиональное и международное сотрудничество в сфере формирования экологически образованного человека.

Оценить, в первом приближении, влияние института образования на экологическую грамотность можно по степени включенности экологической составляющей в различные образовательные уровни, развитости теории и практики в области экологического образования, непрерывности экологического образования, наличию дополнительных образовательных учреждений, занимающихся вопросами экологического просвещения населения. Кроме того, необходимо проанализировать развитие экологического образования в России и опыт стран, где экологическое образование имеет длительную историю, например, таких как Германия, Франция, США.

Первая государственная программа на национальном уровне по окружающей среде «Экологическая программа федерального правительства» была разработана в Германии [1]. Непрерывность, междисциплинарность, интегративность характерны для французского эколо-

гического образования. В американской системе образования преподавание учебных дисциплин осуществляется с учетом актуальных экологических проблем. В США, Канаде, Англии, Нидерландах, Дании, Швеции приоритетными в экологическом образовании являются занятия на природе, способствующие целостному ее восприятию. В связи с этим выделяются специальные дни, разрабатываются экологические игры. В ФРГ экологическое образование введено в школьные дисциплины, в которых приоритетное значение придается поведению граждан, личному их участию в решении проблемы отходов. В Югославии экологическое образование включено в учебные заведения всех уровней. В Японии образовательными программами в области окружающей среды охвачены школы, скаутские объединения, высшие и средние учебные заведения профессиональной подготовки и переподготовки, поскольку чистота окружающей среды для японцев имеет особый смысл, так как население численностью более 125 млн человек проживает на территории 377 944 км².

Для российского экологического образования на сегодняшний день характерны отсутствие системности, непрерывности, недостаток дополнительных образовательных учреждений, занимающихся вопросами экологического просвещения населения, что сказывается на формировании экологически грамотного человека. В Федеральном законе от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 29.07.2017) две главы регламентируют некоторые фрагменты экологической подготовки обучающихся. Например, ст. 70 «Научные исследования в области охраны окружающей среды» гл. XII «Научные исследования в области охраны окружающей среды» и ст. 71 «Всеобщность и комплексность экологического образования» гл. XIII «Основы формирования экологической культуры» [2]. Кроме того, Федеральным законом предусматривается система всеобщего и комплексного экологического образования, включающая в себя дошкольное и общее школьное образование, среднее и высшее профессиональное образование, послевузовское образование и профессиональную переподготовку, повышение квалификации специалистов, а также распространение экологических знаний, в том числе через средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения культуры, природоохранные учреждения и т. д. Также в законе сказано, что преподавание основ экологических знаний осуществляется в дошкольных, школьных общеобразовательных учреждениях и учреждениях высшего и дополнительного образования, независимо от их профиля и организационно-правовых форм, и определена необходимость всеобщего экологического просвещения населения, в котором должны принимать участие все уровни власти РФ, органы местного самоуправления, средства массовой информации и т. д. [2]. Таким образом, законодательно установлено всеобщее обязательное экологическое воспитание и образование подрастающего поколения, учащейся молодежи и экологическое просвещение всего населения РФ. Тем не менее, современный уровень организации экологического образования в стране, не отвечающий существующим экологическим проблемам, является следствием отсутствия государственной политики в области экологического образования, воспитания и просвещения на федеральном уровне. Для эффективности экологического образования необходима разработка новых концепций образования, способных сформировать экологически грамотную личность.

Наряду с институтом образования на экологическую грамотность населения влияет институт средств массовой информации, включая печатные издания, телевидение, Интернет. На сегодняшний день в российской общественно-политической прессе

существуют отдельные рубрики, посвященные экологической тематике. Интернет пока еще нельзя рассматривать как значимый фактор формирования экологической грамотности населения, поскольку степень доступности его для различных социальных групп пока еще не велика. Тем не менее, основные преимущества электронного способа распространения информации – это возможность оперативного реагирования на события; возможность распространения информации на любые территории планеты; отсутствие затрат на печать. Оценить влияние института средств массовой информации на экологическую грамотность населения можно на основании наличия специализированных экологических передач на телевидении, рубрик в печатных СМИ, а также частоты экологической информации в рубриках и телепередачах.

Большое влияние на экологическую грамотность населения оказывают институты гражданского общества. Сегодня в России существует около тысячи региональных и межрегиональных экологических неправительственных организаций и порядка десяти филиалов крупных международных объединений. Одна из них – международная общественная природоохранная организация Гринпис. Основная цель организации добиться решения глобальных экологических проблем, привлекая к ним внимание общественности и властей. Гринпис существует только за счёт пожертвований сторонников и принципиально не принимает финансовую помощь от государственных структур, политических партий или бизнеса. Гринпис против насилия в любом его проявлении, все акции не приемлют никаких форм насилия в качестве метода достижения целей [3].

Международная общественная независимая организация Всемирный фонд дикой природы (World Wide Fund for Nature) работает в сферах, касающихся сохранения, исследования и восстановления окружающей среды. Организация насчитывает более чем 5 миллионов сторонников во всём мире, работает она в более чем 90 странах и поддерживает около 1 300 природоохранных проектов во всём мире. Миссия Всемирного фонда дикой природы заключается в предотвращении нарастающей деградации естественной среды планеты и достижении гармонии человека и природы. Главная цель — сохранение биологического разнообразия Земли [3].

Международный Социально-экологический союз насчитывает более 10 тысяч человек из 17 стран, главная задача которого – собрать под одной крышей людей, которым не все равно, что будет с Землей, с ее природой и культурой. Международное экологическое объединение Беллона (Bellona), которая более чем за 20 лет работы стала крупной экологической экспертной организацией, основная цель которой - борьба с разрушением окружающей среды, с угрозами для здоровья человека, вызываемыми загрязнением, и негативными экологическими последствиями тех или иных стратегий мирового экономического развития [3].

В России экологическую деятельность осуществляют такие организации как Всероссийское общество охраны природы, Центр экологической политики России, Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского, Российский региональный экологический центр, Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль» и др. [3].

На формирование экологической грамотности населения существенное влияние оказывает современная правовая система. Право на экологическую информацию в достаточной мере пока еще не осознано нашим обществом, в связи с чем существующая правовая си-

стема не позволяет сформировать систему непрерывного экологического образования, воспитания и просвещения в Российской Федерации. Тем не менее, в ряде субъектов РФ приняты законы «Об экологическом просвещении, экологическом образовании и формировании экологической культуры». Так, например, в Санкт-Петербурге он был принят Законодательным Собранием 24.07.2015 г. в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об охране окружающей среды», иными федеральными законами и вступил в силу с 1 января 2016 года [4]. Закон устанавливает правовые, организационные и экономические особенности регулирования деятельности по формированию экологической культуры на территории Санкт-Петербурга. Основными задачами формирования экологической культуры на территории Санкт-Петербурга являются: привлечение граждан и общественных организаций к участию в реализации экологической политики, проводимой органами государственной власти Санкт-Петербурга; содействие улучшению экологической обстановки на территории Санкт-Петербурга средствами экологического воспитания, образования и просвещения; вовлечение широких слоев населения в деятельность по улучшению экологической обстановки на территории Санкт-Петербурга, оптимизации потребления природных ресурсов; активизация гражданских и общественных инициатив в этой области; создание межведомственной системы коммуникации, обеспечивающей объединение усилий органов государственной власти Санкт-Петербурга, организаций и граждан в осуществлении практической деятельности по формированию экологической культуры; повышение экологической ответственности и ориентации граждан на идеи устойчивого развития и экологического благополучия [4]. Финансирование расходов, связанных с реализацией настоящего Закона Санкт-Петербурга, осуществляется за счет средств бюджета Санкт-Петербурга. Аналогичные законы приняты в Архангельской (19 ноября 2012 года N 575-35-ОЗ) и Калининградской областях (21 июня 2012 года, № 132).

Таким образом развитие основных социальных институтов, законодательной системы, необходимых для повышения экологической грамотности населения, предполагает непрерывность экологического образования, включение в учебные планы всех уровней образовательного процесса вопросов экологии, подготовку и переподготовку педагогических кадров в области экологии, совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды.

Оценить действенность институциональных преобразований в экологической составляющей социального сектора экономики регионов, в первом приближении, можно на основе динамики основных показателей окружающей среды и здоровья населения. Анализ таких статистических показателей как выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, объемы оборотной и последовательно используемой воды в регионах России, оказывающих влияние на здоровье населения, показал, что их динамика за период 2005-2019 гг. пока еще неблагоприятна [5]. В целом по Российской Федерации наблюдалось увеличение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников. Объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в 2019 году составил 22,7 млн т: 17,3 млн т выброшено стационарными источниками и 5,4 млн т — передвижными источниками (автомобильным и железнодорожным транспортом). Максимум выбросов из стационарных источников пришелся на 2007 год (20,6 млн т). Совокупный объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу достиг максимума в 2005 году (35,8 млн т), после чего к 2014 году их объем сократился на 12,9%. Возвращение совокупного объема выбросов к росту в 2015–

2019 годах связано с выбросами от транспортных средств, которые за 2010–2019 годы выросли на 8,2% (в том числе за счет начала учета железнодорожного транспорта в статистике). В результате доля выбросов от передвижных источников в общем объеме выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в России в 2019 г. выросла до 24% [5].

В субъектах СЗФО РФ за этот период наблюдалось некоторое снижение этого показателя. Тем не менее, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных и передвижных источников в этих субъектах в 2019 году составили 2199 тыс. т [5]. Особенно большие выбросы от стационарных источников были в Вологодской области (413 тыс. т), Республике Коми (392 тыс. т) и Мурманской области (231 тыс. т). Что касается выбросов от передвижных источников, то лидером оказался г. Санкт-Петербург (135 тыс. т).

Загрязнения окружающей среды оказывают воздействие на здоровье населения, которое можно оценить с помощью таких показателей как заболеваемость на 1000 человек населения; заболеваемость на 1000 человек населения по основным классам болезней (новообразования, болезни органов дыхания, болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения и т.д.).

В настоящее время практически во всех субъектах РФ наблюдается увеличение заболеваемости на 1000 человек населения. В целом по России за период 2005-2019 гг. этот показатель вырос в 1,051 раза. Увеличение заболеваемости на 1000 человек населения наблюдалось во всех федеральных округах. В СЗФО он вырос в 1,23 раза. В России практически по всем рассматриваемым классам болезней за этот период наблюдался рост. В СЗФО наиболее высокие показатели по основным классам болезней в Республике Карелия, Республике Коми и в Архангельской области (в 1,3 выше, чем в Российской Федерации). Ведущее место в структуре первичной заболеваемости населения занимают болезни новообразований (Самый высокий показатель заболеваемости на 1000 человек населения в Санкт-Петербурге - превышает средние значения по СЗФО и РФ в 1,3 раза) и органов дыхания. Здесь также значения показателей (заболеваемость на 1000 человек населения) по СЗФО превышают в 1,2 раза значения показателей по РФ. Болезни органов дыхания характерны для жителей Республики Коми, Республики Карелия, Архангельской и Новгородской областей. Болезни системы кровообращения на территории СЗФО наиболее распространены в Архангельской и Новгородской областях, Республике Карелия, в которых заболеваемость на 1000 человек населения превышает средние по СЗФО и РФ. Что касается болезней органов пищеварения, то наихудшие показатели наблюдаются в этих же субъектах СЗФО РФ. В таблице 1 представлены проранжированные показатели по основным классам болезней в субъектах СЗФО РФ в 2019 г. (Расчеты выполнены на основе статистической информации, представленной в сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели» [5]. Значение 1 присваивается субъекту с наихудшими показателями).

Необходимо отметить, что в настоящее время растут уровни заболеваемости, инвалидности, смертности, на фоне которых происходят негативные демографические изменения, продолжается депопуляция населения России, сокращение рождаемости, возникают новые инфекционные заболевания. Анализ статистической информации о загрязнении окружающей среды и здоровье населения показал, что существующие институциональные условия в субъектах РФ пока не обеспечивают развитие *экологической составляющей социального сектора экономики регионов. Сложившаяся экологическая ситуация требует консолидации всех органов управления, общества в целом в решении проблем загрязнения окружающей среды.*

**Таблица 1 – Ранжирование субъектов СЗФО по основным классам болезней
(заболеваемость на 1000 человек населения)**

Субъекты СЗФО	Место, занимаемое субъектом СЗФО по основным классам болезней в СЗФО в 2019 г.			
	Новооб- разования	Болезни органов дыхания	Болезни системы кровообращения	Болезни органов пищеварения
Республика Карелия	4	2	3	3
Республика Коми	6	1	8	5
Архангельская область	5	3	1	1
Вологодская область	8	5	4	7
Калининградская область	10	7	10	4
Ленинградская область	7	10	7	9
Мурманская область	2	8	9	6
Новгородская область	3	4	2	2
Псковская область	9	9	6	10
г. Санкт-Петербург	1	6	5	8

Кроме того, необходимо решение таких теоретических проблем как разработка теории и методологии экологизации социальной сферы; формирование социальной политики с учетом экологических аспектов на государственном, региональном и муниципальном уровнях управления; развитие экологической культуры населения; подготовка управленцев нового типа с высоким уровнем экологического сознания, мышления и поведения; теоретические и методологические проблемы оценки риска здоровью населения от загрязнения окружающей среды.

Литература:

1. Ермолаева П.О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов. – Казань, 2011.
2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (редакция, действующая с 1 января 2021 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718>
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecovitrivio.ru/ekologicheskie-organizatsii/>
4. Закон Санкт-Петербурга «Об экологическом просвещении, экологическом образовании и формировании экологической культуры на территории Санкт-Петербурга». Принят Законодательным собранием Санкт-Петербурга 24.06.2015 г.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. 2000-2020 гг.

Шестакова Н. Н.,
Джанелидзе М. Г.,
Скворцова М. Б.

СЕРЕБРЯНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

В современных условиях в мире актуализируется проблема старения населения, обусловленная целым рядом обстоятельств (основными из которых выступают снижение рождаемости и повышение продолжительности жизни) и предопределяющая множество последствий. По данным таких международных организаций как ООН и ВОЗ, численность людей старше 60 лет к 2050 гг. возрастет до 2 млрд человек, что увеличит долю этой когорты в общей численности населения до 22% [1]. Число же людей возрастной группы 80+ к 2050 году по сравнению с 2015 годом утроится и составит 434 миллиона человек.

Подобного рода тенденции характерны и для Российской Федерации в целом, а для Санкт-Петербурга, в силу возрастной структуры его населения, – в особенности.

Согласно данным Росстата [2, с. 9], сегодня каждый четвертый (26,7%) житель Санкт-Петербурга относится к категории населения старше трудоспособного возраста.

По состоянию на 01 января 2021 г. в Санкт-Петербурге проживало 943009 человека в возрасте 65+, что составляло 17,5% общей численности населения города [2, с. 8]. Для сравнения: в среднем по СЗФО этот показатель находился на уровне 16,8%, а в Москве был равен 17,9%.

В перспективе доля лиц в возрасте старше трудоспособного в структуре населения города сохранится практически на том же уровне. По прогнозам национальной государственной статистики, несмотря на постепенное смещение границ пенсионного возраста граждан в направлении их увеличения, запущенное пенсионной реформой 2018 года [3], в 2025 году 25,2%, а в 2036 году – 25,5% жителей будут находиться в возрасте старше трудоспособного (при этом наибольшими темпами увеличится количество жителей в возрасте 85+: за период 2021-2036 годы планируется их прирост на уровне 26,4%).

То есть в обозримой перспективе *каждый четвертый петербуржец все равно попадет в старшую возрастную категорию, граница которой условно может быть обозначена как превышающая трудоспособный возраст.*

Таким образом очевидно, что в обществе постепенно формируется, а в Петербурге уже фактически сложилась, новая достаточно большая, значимая группа населения, имеющая собственные, весьма специфические особенности, интересы, приоритеты, потребности, за-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения тем НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121011190093-2 и «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века» № АААА-А21-12101129083-2

просы. Представители серебряного поколения становятся одними из основных потребителей услуг, предоставляемых сферами медицины, туризма, гостиничного бизнеса, индустриями здоровья и красоты и т.п.

Трансформация возрастной структуры населения в сторону *возрастания* доли населения старших возрастных групп накладывает на экономику и социальный сектор города обязательства как экономического, так и социального характера.

Экономическими и социальными последствиями старения населения являются:

- увеличение (или же в условиях запущенной пенсионной реформы, по крайней мере, не снижение) в общей численности населения доли пенсионеров по возрасту и, соответственно, повышение иждивенческой нагрузки на общество;

- увеличение доли пожилых и старых людей, обостряющее для общества проблему их финансового обеспечения, тем более что удельный вес лиц старше 80 лет растет быстрее, чем доля пожилых людей в целом;

- возрастание потребности в медицинском обслуживании, пенсионном и социальном обеспечении пожилых, что, соответственно, требует, как дополнительных средств, так и расширения сети медицинских, социальных, геронтологических учреждений, принципиальной перестройки системы здравоохранения;

- сокращение численности и доли лиц трудоспособного возраста;

- необходимость расширения возможностей социальной (включая и трудовую) активности пожилого населения, и в первую очередь «молодых пожилых», желающих работать.

Проводимая экономическая политика должна будет тем или иным образом реагировать на возникающие вызовы. И это фактически уже происходит в наиболее экономически продвинутых государствах: объективно обнаруживающиеся «возрастные тенденции» начинают диктовать свои условия функционирования экономики.

В настоящее время появляются более комплексные подходы, которые рассматривают постарение населения и с точки зрения новых возможностей экономического развития. Речь идет о так называемом «дивиденде долголетия», который может быть реализован, в частности, посредством запуска и продвижения модели серебряной экономики (Silver Economy).

В научном сообществе предложено множество дефиниций категории «серебряная экономика». Среди многочисленных попыток определить этот феномен нами выбрано два. Первое – определение И.П. Цапенко, несколько сужающее представление об объекте исследования: «В узком смысле серебряная экономика определяется как совокупность секторов, ориентированных на производство товаров и услуг для населения старших возрастов, в широком смысле – как совокупность видов народнохозяйственной деятельности, непосредственно производящих продукцию для указанных когорт населения, а также экономическую активность в других сферах, генерируемую функционированием соответствующих секторов» [4].

Второе, расширенное определение серебряной экономики, дано бельгийским экономистом Дэвидом Итоком в докладе Европейской Комиссии [5]. В соответствии с ним, серебряная экономика – это не только удовлетворение растущего числа потребностей и развитие нового рынка услуг для пожилых людей, но и использование возможностей человека в период времени, называемого «старением». При таком подходе серебряная экономика охватывает как изменения рынка труда, расширяющие возможности занятости для лиц старших

возрастных групп, так и мероприятия по содействию активному и здоровому старению, которые позволяют увеличить их трудовой потенциал.

Однако на начальном этапе исследования нами принято решение руководствоваться первым, более узким вариантом трактовки категории.

Сегодня феномен серебряной экономики уже стал реальностью в ряде стран. Причем это не только официально признаваемые развитыми государства Западной Европы (Германия, Франция, Великобритания), Северной Америки, Азии (Япония, Южная Корея), но также Польша, Китай и некоторые другие. Например, в 2014 году производство товаров и услуг для пожилых людей принесло Китаю \$652 млрд, или 8% ВВП. К 2050 году, согласно прогнозу Национального комитета по проблемам старения, рынок серебряных волос составит треть всей китайской экономики [6]. В Европе, по оценке Европейской комиссии, потребительские расходы людей в возрасте 60 лет и старше росли на 50% быстрее за последние два десятилетия, чем расходы населения в возрасте до 30 лет. Согласно прогнозам, объем серебряной экономики будет неуклонно и стабильно расти в ЕС (прирост составляет около 5% в год) и к 2025 году составит 5,7 млрд евро. Ожидается, что к 2025 году серебряная экономика Европы обеспечит 88 миллионов рабочих мест. Это составит 38% занятости Евросоюза [7].

Порядка 70% от суммы совокупного чистого дохода американцев приходится на представителей поколения 60+. Что касается перспектив, то к 2030 году серебряная экономика еще больше упрочится в абсолютном выражении, потому что число пожилых людей ежегодно увеличивается на 3,2 процента.

По данным World Data Lab, общая покупательная способность пожилого населения во всем мире в 2020 году составила около 8,4 млрд долларов. Ожидается, что в течение следующего десятилетия эта цифра вырастет до 14 млрд долларов [8].

Более того, эксперты Всемирного банка полагают, что пожилые люди сыграют важную роль в восстановлении экономики после COVID-19. По международным оценкам, ожидается, что доля потребителей 65+ в 2020-е годы в общей структуре потребителей составит 66%.

Согласно некоторым прогнозам, выход мира из пандемии коронавируса спровоцирует рост расходов пожилых потребителей и откроет новые возможности для инвесторов в отрасли серебряной экономики. Это будет происходить за счет реализации отложенного спроса на медицинские услуги, туризм и путешествия, предметы роскоши, роста спроса на страховые услуги. Эксперты также ожидают, что вынужденное обращение пожилых к Интернету в период изоляции «навсегда откроет эту демографическую группу для компаний электронной коммерции и социальных сетей» [8].

Исследователи Мировой лаборатории данных (World Data Lab) ставят Россию на шестое (после США, Китая, Японии, Германии и Франции) место по перспективному (2030) объему рынков серебряной экономики [9].

Между тем, отечественные специалисты пока не дают определенных оценок объема такого рынка. «Оценить рынок товаров и услуг для пожилых людей непросто — он включает в себя множество отраслей: от косметики, пищевых добавок, оборудования для отдыха и спорта до специализированной медтехники, лекарств и литературы», - отмечало в 2015 году авторитетное издание «Деловой Петербург» [10].

Как показывает проведенный нами анализ, российские, равно как и локальные петербургские производители товаров и услуг для пожилых преимущественно нацелены на потребности больных и немощных, но: не на производство товаров и услуг для активных людей старшего возраста.

По оценкам предпринимателей, в общей структуре рынка для населения старших возрастных групп местные производители занимают около 50–60% рынка нетехнических товаров, средств гигиены для пожилых людей. А вот в реабилитационном и медицинском оборудовании эта доля составляет не более 7–8 процентов.

По состоянию на 2015 год сегмент рынка производителей техники для реабилитации после болезни (рассматриваемый как сегмент рынка товаров и услуг для пожилых) характеризовался следующими проблемами [10]:

- превалированием госзакупок, доля продаж потребителям из сферы бизнеса и домохозяйствам была невысока и составляла порядка 15%;
- задаваемый «сверху» фактор приоритета отечественных производителей перед зарубежными при государственных заказах и тендерах ограничивал ассортимент закупаемых товаров;
- кроме того, отмечался невысокий уровень развития соответствующих отраслей («у российских производителей удается закупать только расходные материалы и самое простое оборудование (костыли, матрасы, ходунки), а технику и оборудование — у иностранных производителей», Г.Лютых, владелец частного пансионата «Столетие»).

Вместе с тем, существуют и позитивные тренды развития отдельных сегментов серебряной экономики. Так, исполнительный директор «Объединения компаний индустрии старшему поколению» (Санкт-Петербург) В. Бараусов, анализируя услуги по вневостановочному (домашнему) уходу за пожилыми, полагает, что «Глобальный тренд, который должен прийти и до России – ориентация на более продолжительное старение человека дома (aging in place) за счет адаптированной недвижимости, услуг и технологий. Этот рынок в разы больше рынка частных пансионатов, и, судя по интересу наших девелоперов, занимающихся, например, апартаментами, здесь тоже можно ожидать прорыва» [11].

Практически все «участники рынка сходятся на том, что он имеет огромный потенциал роста и работа в этой сфере может стать очень прибыльной, но пока инвесторы считают рынок помощи пожилым людям малопривлекательным» [10].

Важно отметить, что запускаемое исследование логично укладывается в рамки международного проекта OSIRIS (участники: Латвия, Литва, Эстония, Дания, Россия и Финляндия, старт – 2019 г.), направленного на изучение возможностей применения интеллектуального подхода для использования возможностей серебряной экономики в регионе Балтийского моря [12].

В целом феномен серебряной экономики можно рассматривать как окно возможностей экономического роста, задействование которого на уровне города будет способствовать решению его насущных проблем, а в перспективе – расширит направления его социально-экономического развития и придаст Санкт-Петербургу дополнительные конкурентные преимущества на межрегиональном уровне.

Литература:

1. World Health Organization, Ageing and health, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). – М., 2021, 443 с., – С. 8-9.
3. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Цапенко И.П. Социальный контекст экономического развития в XXI веке / Отв. ред. Е.Ш. Гонтмахер, И.В. Гришин, И.П. Цапенко – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 238 с.
5. Eatock David. The silver economy: Opportunities from ageing. European Parliament, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epthinktank.eu/2015/07/16/the-silver-economy-opportunities-from-ageing/>
6. Рынок «серебряных волос». Почему старики в Китае – двигатель экономики? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/money/economy/rynok_serebryanyh_volos_pochemu_stariki_v_kitae_-_dvigatel
7. European Commission, Growing the European Silver Economy, Background Paper, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/growing-silver-economy-background-paper>
8. Mookerjee I. and Pham L. After the Pandemic, a Wave of Spending by Older Consumers (13 июня 2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-12/pandemic-turbocharges-aging-theme-for-global-equities-investors?fbclid=IwAR3p5JWZuOKXH5ISaLTGdwBdSmhaKQvxI0TGu3BqkXvP WDmLvIbDo0F2QVg>
9. Fengler W. The silver economy is coming of age: A look at the growing spending power of seniors (January 14, 2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2021/01/14/the-silver-economy-is-coming-of-age-a-look-at-the-growing-spending-power-of-seniors/>
10. Российский рынок товаров и услуг для пожилых людей скоро может стать очень прибыльным (11 марта 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2015/03/11/Raschet_na_pensii
11. Взрослая индустрия (14 февраля 2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5c65464f7a8aa9145cbf36d2>
12. Официальный сайт проекта Osiris [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://osiris.ingria-startup.ru/about>

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ «УМНОГО ЖКХ» И КАДРОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ¹

Жилищно-коммунальная сфера представляет собой сложную систему, встроенную в социально-экономическое пространство городских поселений различного типа, темпы и направленность развития которой в условиях цифровой трансформации во многом определяются экономическим состоянием и уровнем развития городской среды, с одной стороны, и готовностью городов (регионов) непосредственно к внедрению цифровых технологий в ЖКХ. В связи с этим, важными и актуальными аспектами данного исследования являются определение уровня готовности регионов к цифровым трансформациям в сфере ЖКХ (включая анализ индекса качества городской среды, индекса качества жизни и индекса цифровизации городского хозяйства); выявление тенденций формирования «Умного ЖКХ» в регионах и кадровое обеспечение сфер ЖКХ в условиях его цифровизации.

В последнее время концепция «Умное ЖКХ» приобрела особое значение. В рамках этой концепции наиболее актуальными и перспективными направлениями развития и внедрения цифровых технологий являются автоматизация зданий; энерго-, тепло- и водоснабжение (умные счетчики, учет ресурсов); сокращение потребления энергоресурсов; мониторинг общественной безопасности (умные камеры, распознавание лиц и пр.); обращение с отходами; кибербезопасность (защита от утечек информации, системы аутентификации и пр.); электронная торговля и услуги; умное управление организацией; внедрение цифровой модели управления объектами коммунального хозяйства; развитие цифровых платформ для мониторинга и оплаты в сфере ЖКХ.

С целью выявления наличия условий цифрового развития ЖКХ исследованы индексы и ранги регионов и городов, включающих непосредственно показатели жилищных условий населения, состояния городской среды и цифрового развития городов.

Индекс качества городской среды представляет собой комплексную оценку показателей, отражающих уровень комфортного проживания на определенной территории. Максимальное значение показателя соответствует 360 баллам. Показатели для расчета индекса распределены в 6 сферах жизнедеятельности горожан: жилье, придомовые территории и другие пространства удобные для жизнедеятельности человека; улично-дорожная сеть; зеленные пространства (парки, скверы); социально-досуговая инфраструктура; общественно-деловая инфраструктура; общегородское пространство. Для анализа динамики индекса за период 2018-2020 годы выбраны показатели субъектов СЗФО (рисунок 1).

Следует отметить, что наибольшее значение индекса имеет Санкт-Петербург (249 балла в 2020 году), который существенно превышает и средний уровень индикатора по Российской Федерации и имеет индекс сопоставимый с Москвой (288 балла в 2020 году). В целом

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-121011190093-2.

динамика индикатора за три года по всем городам положительна, диапазон увеличений составляет от 9 баллов в Республике Карелия и Псковской области до 19 баллов в Вологодской области и Ненецком АО.

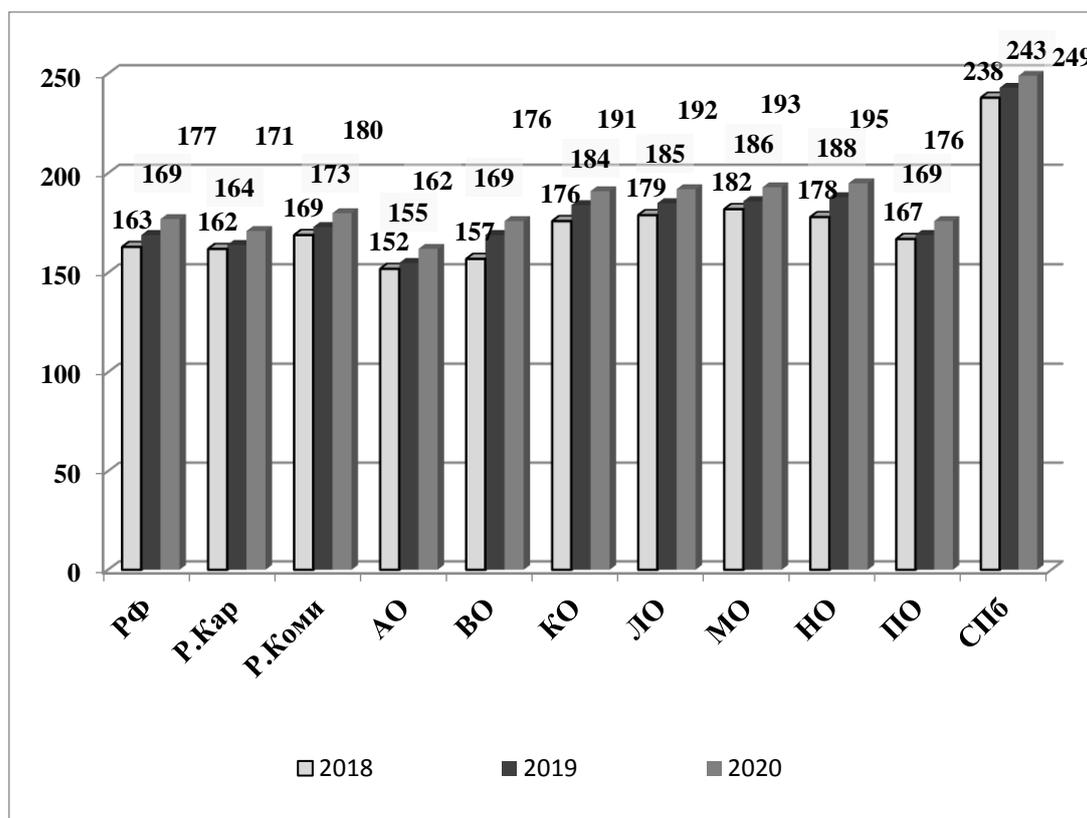

Рисунок 1 – Средний индекс качества городской среды по субъектам Российской Федерации (в баллах)

Сокращения: Р.Кар – Республика Карелия; Р. Коми – Республика Коми; АО – Архангельская область; Нен. АО – Ненецкий автономный округ; ВО – Вологодская область; КО – Калининградская область; ЛО – Ленинградская область; МО – Мурманская область; НО – Новгородская область; ПО – Псковская область; СПб – г. Санкт-Петербург.

Источник: [1].

Однако, не считая Санкт-Петербурга лишь 6 субъектов СЗФО в 2020 году имели минимально благоприятную городскую среду, значение которой должно быть выше 180 баллов и может достигать максимальное значение в 360 баллов. В тоже время 4 региона имеют стабильно неблагоприятную среду.

Представляет также интерес рейтинг регионов РФ по качеству жизни, который включает 70 индикаторов по 11 направлениям развития регионов¹ и может отчасти свидетельствовать

¹ Рейтинг включает следующие группы: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры. [2, С. 4].

о возможностях населения регионов принимать финансовое участие в процессах формирования цифровой инфраструктуры ЖКХ. По рейтинговому баллу и месту среди других регионов в 2020 году субъекты СЗФО распределились следующим образом:

Санкт-Петербург – 80,6 (место в рейтинге – 2)¹;

Ленинградская область – 61,6 (место – 7);

Калининградская область – 59,2 (место – 10);

Мурманская область – 45,8 (место – 43);

Псковская область – 41,2 (место – 57);

Вологодская область – 41,1 (место – 59);

Новгородская область – 39,2 (место – 66);

Республика Коми – 37,5 (место – 71);

Республика Карелия – 37,0 (место – 72);

Архангельская область – 35,2 (место – 75).

Очевидно, что большинство субъектов СЗФО по уровню жизни занимают вторую половину списка, что свидетельствует о существенных проблемах в обеспечении качества жизни населения СЗФО, и не может не сказаться на уровне платежеспособного спроса в сфере цифровизации ЖКХ со стороны населения, и, возможно, на уровне инвестиционной активности региона и т.п. Однако для выявления более точных корреляционных связей между показателями данных групп в сфере ЖКХ нужны дополнительные исследования по конкретному региону.

В тоже время, дополнительным преимуществом данного рейтинга является то, что он позволяет получить данные по каждому из 70 показателей отдельно, включая и индикаторы сферы ЖКХ. В таблице представлены места в рейтинге, занимаемые субъектами СЗФО, по группе показателей, характеризующих жилищные условия населения (таблица 1).

Очевидно, что диапазон значений показателей в рамках данной группы регионов крайне дифференцирован, причем наблюдается различие как по субъектам федерального округа в рамках одного показателя, так и в отдельном субъекте по всем показателям группы. Это позволяет сделать вывод о том, что сфера ЖКХ представляет собой объект с высокой степенью неопределенности условий и уровня развития отдельных подотраслей в каждом регионе, поэтому процессы цифровизации ЖКХ должны осуществляться в строгом соответствии с федеральными и региональными приоритетами развития и носить комплексный характер для выравнивания различий в цифровизации подотраслей ЖКХ регионов.

Далее, по заказу Минстроя в 2018 году была разработана методика определения индекса цифровизации городского хозяйства страны - «IQ городов», с целью выявления готовности российских городов к цифровой трансформации городского хозяйства и мониторинга эффективности, проводимых в данной сфере развития субъектов РФ мероприятий.

¹ Максимально возможный балл -100, количество регионов и соответственно возможных мест – 85, [2, С. 21-23]

**Таблица 1 – Позиции субъектов СЗФО РФ по показателям группы
«Жилищные условия населения», входящих в рейтинг
русских регионов по качеству жизни в 2020 году**

Субъекты СЗФО	Показатели			
	1	2	3	4
Р. Кар	35	81	65	34
Р. Ко	26	75	55	5
АО	28	80	65	72
НАО	59	83	60	1
ВО	8	66	60	23
КО	24	25	8	64
ЛО	17	52	37	38
МО	54	68	3	30
НО	4	62	79	82
ПО	7	52	78	23
СПб	47	1	2	17

Обозначения: 1 – Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. 2 – Доля аварийного жилищного фонда в общей площади жилищного фонда. 3 – Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда. 4 – Доля коммунальных сетей (водопроводной, канализационной сети и тепловых и паровых сетей), нуждающихся в замене, в общей протяженности.

Источник: [2, С. 30-31].

Рейтинг рассчитывается с учетом основных нормативных документов, действующих в настоящее время в сфере цифровой трансформации ЖКХ, включая Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» и Национальный проект «Жилье и городская среда»; Базовые и дополнительные требования к умным городам (стандарт «Умный город») (утв. Минстроем России 04.03.2019); проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» и т.п.

Сбор данных проводится по 10 направлениям, среди которых – городское управление, умное ЖКХ, инновации для городской среды, умный городской транспорт, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, туризм и сервис, интеллектуальные системы социальных услуг, экономическое состояние, инвестиционный климат, инфраструктура сетей связи (максимальное значение по всем группам показателей – 120 баллов).

С помощью данного индекса планируется получить критерии оценки эффективности мероприятий цифровой модернизации городов, оценить эффективность деятельности региональных властей по цифровому развитию территории, определить темпы роста и динамику процессов цифровизации в регионе ежегодных расчетов. На рисунке 2 представлен рейтинг цифрового развития городов Северо-Западного федерального округа, вошедших в выборку при расчете индекса.

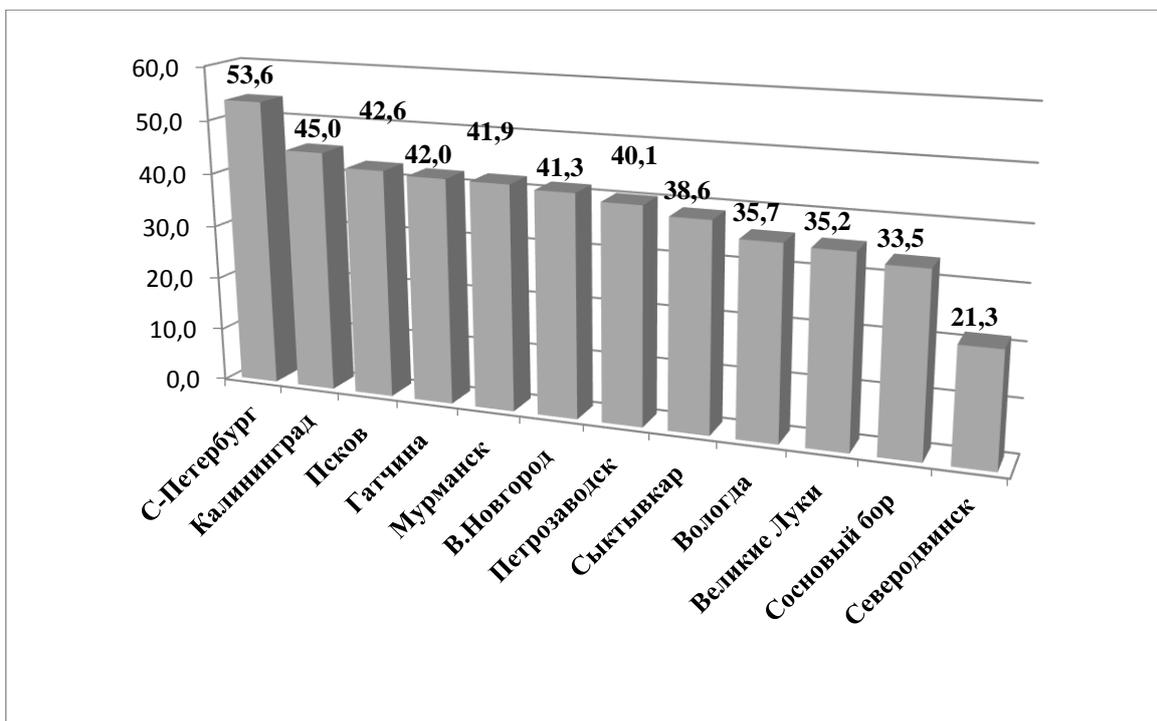

Рисунок 2 – Рейтинг городов СЗФО РФ по индексу цифровизации городского хозяйства - «IQ городов» за 2019 год

Источник: [3]

Учитывая максимальную величину индекса, можно констатировать крайне низкий уровень цифровизации в представленных городах, не зависимо от численности населения, проживающего в них, их положения и значения в региональном развитии.

Особое внимание руководителям городов необходимо сосредоточить на увеличении показателей непосредственно из группы «Умное ЖКХ», а также показателей из других групп, вошедших в данный индекс, и способных непосредственно влиять на уровень и качество цифровизации в сфере ЖКХ. Обратимся к этим показателям:

- наличие системы интеллектуального учета коммунальных ресурсов; доля МКД, оснащенных интеллектуальными системами учета всех типов коммунальных ресурсов; наличие автоматических систем мониторинга состояния зданий; доля многоквартирных домов, оснащенных автоматическими системами мониторинга состояния зданий; проведение общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах посредством электронного голосования (блок ЖКХ);
- наличие цифровой платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития; наличие «цифрового двойника города» (блок управления);
- наличие публичных Wi-Fi сетей (блок инноваций);
- наличие системы интеллектуального видеонаблюдения; количество интеллектуальных камер видеонаблюдения интегрированных в единую систему по отношению к площади городских земель; наличие системы оповещения граждан о возникновении чрезвычайных ситуаций через мобильные средства связи (блок общественной безопасности);

– наличие автоматизированной системы управления обращения с твердыми коммунальными отходами; наличие системы онлайн-мониторинга воздуха и воды (блок экологической безопасности).

По мнению экспертов¹, существует целый ряд барьеров, препятствующий развитию рынка ЖКХ, среди них:

– административные ограничения (включающие бюрократию, коррупционную составляющую, сложный механизм госзакупок, неблагоприятные условия ведения бизнеса) отметили 28% респондентов;

– консервативную культуру организации – 12% опрошенных;

– несовершенство рынка ЖКХ (в том числе: высокий порог входа на рынок, значительная доля государства на рынке, монополизация рыночных сфер, ограничения использования ПО других стран, низкие коммуникативные возможности стартапов на рынке) заявили 10% ответивших;

– несовершенство законодательства и отсутствия стандартов развития сферы ЖКХ – также 10%;

– нехватку информационной поддержки и низкую информированность населения о задачах и целях цифрового развития отраслей ЖКХ подчеркнули 9% респондентов;

– недостаточное финансирование процессов цифровой модернизации отметили 8% опрошенных;

– слабую координацию стейкхолдеров, сложности в их взаимодействии выделили 6% экспертов;

– на дефицит перспективных идей и проектов указали также 6% специалистов;

– дефицит мер поддержки стартапов и инфраструктуры их реализации выявили 5% опрошенных;

– дефицит квалифицированных кадров отметили 3% экспертов.

Важной исследовательской и практической задачей является определение тенденций развития рынка ЖКХ, исходя из особенностей современного этапа формирования системы «Умного города», темпами и уровнем технологической модернизацией отраслей городского хозяйства.

Прежде всего, рассмотрим тенденцию на усиление взаимодействия и заинтересованности в сотрудничестве крупных организаций и представителей малого и среднего бизнеса, которая наибольшей степени определяет эффективность и рациональность развития бизнеса в данной сфере, его конкурентоспособность.

Процессы цифровизации рынка ЖКХ, переход на модель самокупаемости предприятий данной сферы и особый интерес государства к модернизации сферы в последние годы расширили перспективы ее развития в российских условиях и сделали привлекательной для «непрофильных» крупных компаний, имеющих материальные и кадровые ресурсы для освоения рыночных ниш ЖКХ, связанных с цифровым развитием.

Активно участвуют в «освоении» данного рынка такие крупные организации как операторы связи (Мегафон, МТС), банковские структуры, крупные ИТ-компании, отраслевые гиганты (Русатом), государственные структуры, которые заинтересованы в сотрудничестве с

¹ Опрос 180 участников (руководителей и специалистов организаций, занимающихся разработками в рамках концепции «Умный город», а также организаций-стартапов, разрабатывающих решения в сфере ЖКХ [4]

малым бизнесом (в т.ч. и со стартапами) по поводу приобретения новых бизнес-идей и сотрудничеству в разработке уникальных решений и продуктов. Крупный бизнес получает необходимое количество инноваций в различных сферах ЖКХ и сокращает период этапа разработок, обеспечивает более эффективное расходование средств, чем при полном цикле исследований собственными силами, получает результаты уже готовых инноваций с понятной сферой применения, расширяет круг своих интересов.

Малый бизнес, в свою очередь, приобретает необходимое финансирование для разработок и деятельности, постоянного заказчика или бизнес-партнера. По мнению экспертов, дальнейшее укрепление законодательной базы по вопросам защиты интеллектуальной собственности при данных взаимодействиях, создание понятной процедуры взаимодействия малого бизнеса с крупными партнерами (например, через венчурные фонды, грантовую систему «Сколково», регистрацию патентов и т.п.) снизит риски «выживания» для малого бизнеса.

Очевидными конкурентными преимуществами деятельности малых предприятий является скорость и гибкость разработок огромного спектра технологических задач. В этой связи, интересен пример, сотрудничества Сбербанка и микропредприятия ООО «Умный житель» (численность 4 человека), предлагающего программное обеспечение для ЖКХ. Дочернее предприятие Сбербанка «Цифровые технологии» в 2020 году приобрела 5-ти процентную долю в названной компании и инвестировала 6 млн рублей в ее проекты. Такие вложения оправданы интересом Сбербанка к таким перспективным сферам бизнеса, как аналитика больших данных, развитие сферы интернет вещей и создания программного обеспечения для развития концепции «умных городов».

В настоящее время формируется инновационная экосистема, позволяющая активизировать процессы разработки и внедрения инноваций, взаимодействие различных предприятий в данных процессах, включение в эти процессы представителей малого и среднего бизнеса, отдельные команды исследователей. В частности, речь идет о практике организации и проведения государством региональных хакатонов в рамках конкурса «Цифровой прорыв» по решению ИТ-задач в различных отраслях экономики, включая ЖКХ и городскую среду[5].

Примечательна также и практика создания открытой российской платформы для поиска инноваций «Карта инновационных решений», которая аккумулирует информацию о инновационных разработках (включая стартапы) и помогает заказчикам инноваций (представителям региональной власти, частным фирмам и т.п.) осуществить релевантный подбор инновационных решений, обеспечить деловое взаимодействие с производителем продукта, приобрести и запустить инновацию в организации. На 01 октября 2021 года на данной платформе в сфере ЖКХ было представлено 304 проекта (рисунок 3), с учетом доступности данной информации во всех регионах, возможности адаптации проектов к региональным особенностям непосредственно разработчиками, возможности масштабирования наиболее удачных проектов и т.п. можно говорить об эффективности данного инструмента инновационного развития регионов.

В качестве положительной тенденции при осуществлении цифровизации сферы ЖКХ следует отметить практику софинансирования крупных региональных проектов в данной сфере представителями государственного Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, субъектов РФ, муниципальных образований, участников проекта

(таблица 2). Стоимость реализованных с участием Фонда проектов по субъектам СЗФО в сфере модернизации инфраструктуры составила 2 579,79 млн рублей.

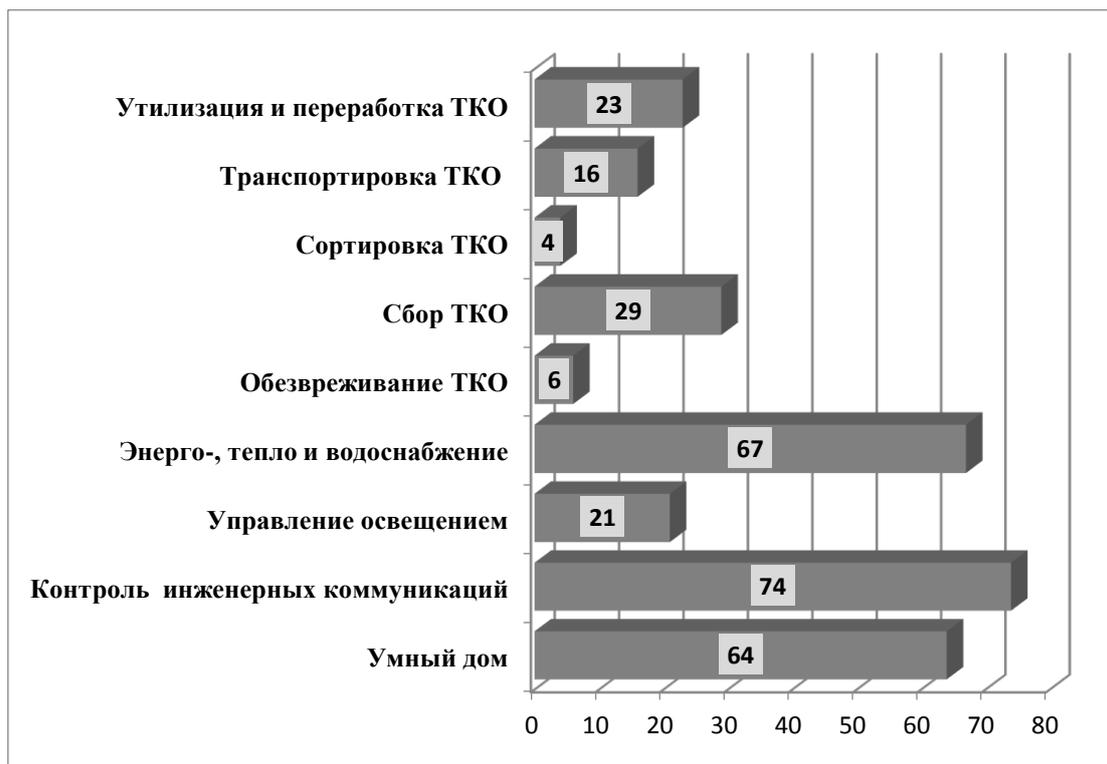

Рисунок 3 - Количество проектов по направлениям ЖКХ на платформе «Карта инновационных решений» на 01.10.2021 год [6]

Деятельность Фонда осуществляется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2015 года № 1451, и включает следующие условия: численность населения в пунктах реализации проектов не должна превышать 500 тыс. человек, стоимость проекта должна составлять не менее 10 млн рублей, срок выполнения проекта – не более 3 лет, финансирование фонда не должно превышать 60% стоимости проекта, модернизированный объект должен удовлетворять не менее 50% потребностей региона в создаваемом продукте или услуге.

Следующую тенденцию формирования системы «Умного ЖКХ» можно сформулировать как недостаточность технологических и инфраструктурных условий в российских городах и регионах для цифрового развития данной сферы. Как правило, существующая жилищно-коммунальная инфраструктура слабо приспособлена для использования цифровых технологий, широко применяемых в странах запада и требующих внедрения на территории России.

Одним из важнейших условий цифровизации ЖКХ является установка систем автоматизированного управления потреблением ресурсов, обеспечивающих их экономное использование, и приборов автоматического учета объема потребленных ресурсов. Однако, осуществлению этой задачи препятствуют следующие обстоятельства: высокий износ основных фондов (ОС) в организациях ЖКХ (средняя степень износа по России составила в 2018 году – 43,0%) [8, С. 26-27] и конструктивные особенности соединения приборов в МКД

(например, последовательное, а не параллельное, подключение радиаторов делает индивидуальный (поквартирный) учет потребления невозможным).

Таблица 2 – Проекты модернизации систем коммунальной инфраструктуры в СЗФО с участием Фонда содействия реформированию ЖКХ

Муниципальное образование	Сфера реализации	Стоимость проекта, руб.	Срок реализации
КО, Город Советск	Теплоснабжение	468 136 809,95	2017
ЛО, Ям-Тесовское	Теплоснабжение	94 000 000,00	2017
Дзержинское сельское поселение	Теплоснабжение	61 000 000,00	2018
Ям-Тесовское	Теплоснабжение	59 000 000,00	2018
Тосненский муниц. район	Водоотведение	500 000 000,00	2018
Подпорожское гор. поселение	Водоотведение	357 570 000,00	2019 - 2021
ПО , город Псков	Теплоснабжение	267 885 001,00	2019- 2021
город Псков	Водоотведение	176 754 147,00	2019- 2021
город Великие Луки	Теплоснабжение	170 009 000,00	2020- 2022
Гдов	Теплоснабжение	61 476 000,00	2020
город Великие Луки	Водоотведение -	319 901 000,00	2020-, 2022
Остров	Теплоснабжение	44 059 000,00	2020, 2021

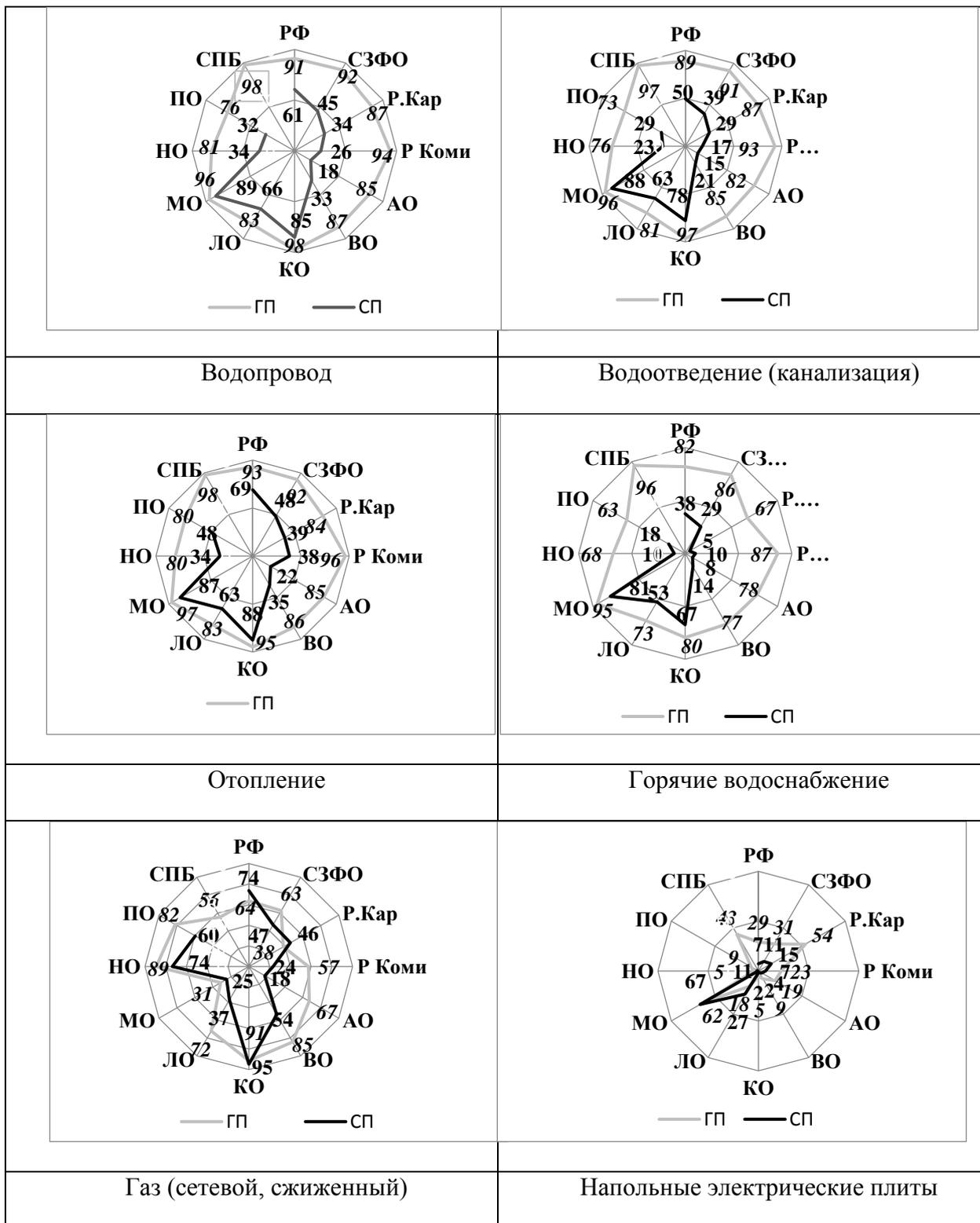
Источник: [7]

Отметим, что цифровое развитие сферы ЖКХ может быть ограничено различным качеством жилья, определяемым наличием водопровода, отопления и т.п. Как видно на рисунке 4, доступность благоустроенного жилья существенно ниже в сельских поселениях СЗФО, однако и в городских поселениях представленных регионов наблюдаются развития в благоустройстве жилья.

Важной составляющей «Умного ЖКХ» является концепция «Умного дома», получившая в последние годы интерес со стороны стейкхолдеров сферы ЖКХ.

Термин «умный дом» появился в начале 80-х годов XX века в США, где Ассоциация строительных компаний назвала так здания с системами автоматизации. В 1989 году в Японии было осуществлено строительство умного дома будущего (проект TRON Intelligent House), в котором приняли участия более 15 разнопрофильных компаний.

Под «Умным домом» (Digital home) принято понимать автоматизированный современный дом, организованный при помощи высокотехнологичных устройств, способных распознавать определенные ситуации и реагировать на них в рамках, заданных интеллектуальными системами.

Сокращения: ГП – городские поселения; СП – сельские поселения.

Рисунок 4 – Удельный вес благоустроенного жилищного фонда в городских и сельских поселениях в СЗФО и в РФ в 2018 году (по видам благоустройства, в процентах от общей площади)

Источник: составлено по [9].

Примерную структуру объектов, заинтересованных в применении систем умного дома, можно представить следующим образом: «умные МКД», «умный частный дом (коттедж)», «умный офис», «умные квартиры», «умные рестораны», «умные гостиницы», «умные медицинские палаты» [10, С. 36].

Основные направления развития умных домов связаны 1) с развитием ПО, платформенных решений, промышленного интернета, 2) повышением всех видов безопасности, 3) ресурсосберегающими технологиями, 4) постепенным повышением спроса за счет снижения стоимости услуг и ориентации на массового потребителя.

Ниже представлена структура стейкхолдеров системы «Умный дом» и круг их интересов в рамках данной системы:

- профильные органы управления города, службы ЖКХ, управляющие компании и ТСЖ (круг интересов связан с ростом эффективности управленческой деятельности, качеством предлагаемых услуг, сокращением издержек по содержанию и использованию объектов недвижимости, уменьшению аварийной напряженности инфраструктуры ЖКХ);
- девелоперы (заинтересованы в наиболее экономичном варианте автоматизации строительства и содержания городских сооружений, и, в тоже время, реализации дорогостоящих проектов по созданию умного дома);
- жители МКД (снижение затрат, связанное с ресурсосбережением, экономия временных и финансовых затрат за счет снижения аварий оборудования, осуществления автоматизированных платежей и т.п.).

Развитие рынка систем «Умного города» требует законодательного закрепления норм его функционирования и контроля за их выполнением в сферах установки умных счетчиков и других приборов на разных стадиях жизненного цикла зданий, а именно, при строительстве первичного жилья, при осуществлении капитального ремонта зданий, замене оборудования. Это будет способствовать ускорению процесса формирования минимального пакета «умных услуг» населению, который принесет, с одной стороны, экономическую выгоду (получение качественной инфраструктуры ЖКХ, возникновение потребностей в дополнительных опциях «умного дома и/или квартиры»), и, с другой стороны, социальную выгоду (лояльность граждан к трансформации в сфере ЖКХ, повышение их заинтересованности в решении проблем эксплуатации жилых и общих площадей МКД). Расширение рынка «умного дома» произойдет, прежде всего, за счет новой целевой аудитории, ориентированной первоначально на опции экономии и безопасности, повышение качества обслуживания, при этом, развитие прежнего рынка «умного жилья» с высокой ценовой категории, по оценкам экспертов, не утратит своей актуальности.

Переход к новой цифровой бизнес-модели сферы ЖКХ приводит уже сейчас к острому кадровому дефициту. Относительно ИТ-специалистов ситуация в сфере ЖКХ складывается практически аналогично процессам в других сферах экономической деятельности. Отметим, что причины нехватки этой категории работников носят во многом объективный характер, к ним можно отнести: всеобщий процесс цифровизации и автоматизации большинства отраслей и сфер экономики, переход многих потребительских и бизнес сервисов в «виртуальную действительность», увеличивающий потребность в их защите, поддержке, обновлении и т.п., крайне недостаточное количество специалистов, подготовленных в учебных заведениях, необходимость больших затрат на поддержание высокого профессионального уровня

ИТ-специалиста как со стороны работодателя, так и со стороны самого специалиста, переизбыток в малом и среднем бизнесе малоэффективных при разработки сложных проектов специалистов начальных уровней подготовки и др.

Трудно представить в обозримом будущем, кардинальное изменение ситуации на цифровом рынке труда и снижение накала конкурентной борьбы за квалифицированных специалистов в ИТ-сфере, однако уже сейчас существуют механизмы получения нужного специалиста, например, через систему аутсорсинга, собственных усилий фирм при «выращивании» специалиста, использовании готовых ИТ-технологий и т.п., поэтому наличие активного рыночного спроса, как правило, приводит к его удовлетворению.

В связи с этим, не менее важной кадровой проблемой представляется непосредственная подготовка профильных специалистов в сферах ЖКХ. Очевидно, что цифровизация сферы ЖКХ изменяет потребности и подходы к подготовке организаций собственных кадров. Следует выявить зависимость между существующими на предприятиях ЖКХ потребностями в инновационных преобразованиях производства, требованиям к качеству специалистов и «внутренней» системы подготовки кадров. В качестве объекта исследования были выбраны два традиционных для сферы ЖКХ предприятия ГУП «Водоканал СПб» и ГУП «ТЭК СПб».

Обе компании проводят активную инновационную политику, привлекая к созданию инноваций как собственных работников, так сторонние организации. При определении инновационности проекта компании исходят из следующих требований к объекту разработки:

- обоснованное ожидание возникновения новых свойств или существенное улучшение прежних параметров объекта;
- проявленный спрос на разработку со стороны производителей благ и других стейкхолдеров (таблица 3);
- возможность реализации проекта при условии технологических, этических, экологических и др. ограничений;
- достижение планируемого результата по улучшению параметров объекта проекта и социальному эффекту.

Представленные ниже списки потребностей «Водоканала СПб» и «ТЭК СПб» в инновациях определяют круг профессиональных и кадровых интересов этих организаций (табл. 3).

Анализ реестра профессиональных стандартов Минтруда на 01.06.2021 позволил выделить разделы и группы профессий, которые в наибольшей степени соответствуют процессам модернизации в сфере ЖКХ, к ним можно отнести: 16 «Строительство и жилищно-коммунальное хозяйство» (153 стандарта), 20 «Электроэнергетика» (46 единиц), 06 «Связь, информационные и коммуникационные технологии» (45 единиц).

Рассмотрение процесса обучения в Учебном центре ГУП «ТЭК СПб» позволил понять существующую сегодня направленность подготовки и переподготовки по востребованному кругу специальностей в сфере теплоснабжения ЖКХ (рисунок 5).

**Таблица 3 – Заявленная потребность ресурсоснабжающих предприятий
на инновационные разработки в 2020-2021 гг.**

ГУП «Водоканал СПб»	ГУП «ТЭК СПб»
<ul style="list-style-type: none"> - Новые технологии утилизации снежных масс; - Методы оперативного выявления и мониторинга плохо пахнущих веществ; - Создание системы автоматизированного управления процессами транспортировки и очистки сточных вод; - Устройство диагностики технического состояния и методы защиты железобетонных конструкций; - Автономная система передачи информации об уровне в тоннельных коллекторах; - Способы использования золы для дальнейшего производства; - Технологии переработки и использования осадка сточных вод; - Технологические решения, препятствующие биообрастанию на водозаборных оголовках; - Программный комплекс планирования модернизации коммуникационных сетей; - Диагностика водопроводной сети и заглубленных сооружений неразрушающими методами; - Улучшение качества подготовки воды за счет смешения реагентов. 	<ul style="list-style-type: none"> - Технологии для оценки технического состояния трубопроводов тепловых сетей неразрушающими методами; - Коррозионно-стойкие трубопроводы из неметаллических материалов для тепловых сетей различных диаметров и видов прокладки, включая сети подвальной прокладки; - Системы автоматизации и диспетчеризации тепловых сетей; - Устройство гидроизоляции и тепловой изоляции строительных конструкций тепловых камер; - Устройство тепловой изоляции оборудования тепловых камер; - Конструкция уплотнений проходов предизолированных труб по ГОСТ 30732 через наружные стены зданий и тепловых камер; - Эффективные решения по шумовиброизоляции тепломеханического оборудования; - Утилизатор тепла дымовых газов (Конденсационный экономайзер).

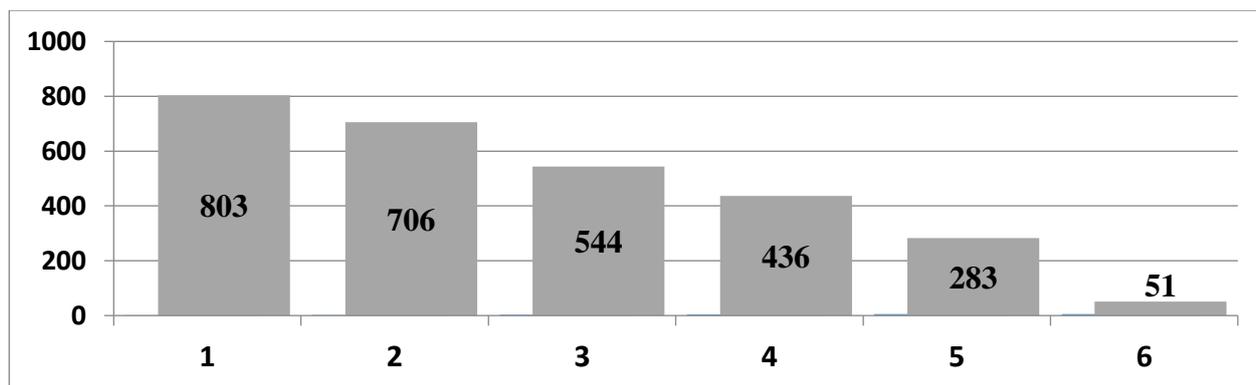
Ниже представлены программы подготовки и переподготовки учебного центра «ТЭК СПб» по рабочим профессиям сферы городского теплоснабжения:

- «Слесарь по ремонту оборудования котельных и пылеприготовительных цехов», «Слесарь-ремонтник», «Слесарь по ремонту оборудования тепловых сетей», «Слесарь по обслуживанию тепловых сетей», «Слесарь-ремонтник», «Оператор теплового пункта», «Слесарь по обслуживанию тепловых пунктов», «Обслуживание баллонов, работающих под давлением», «Слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматике», «Аппаратчик химводоочистки», «Машинист насосных установок», «Машинист (кочегар) котельной».

Программы с применением дистанционных технологий:

- Программа обучения на II группу электробезопасности «Устройство и безопасная эксплуатация электроустановок напряжением до 1000 В».
- Повышение квалификации по промышленной безопасности.

– Обучение оказанию первой помощи пострадавшим при несчастных случаях на производстве.

- 1 – Обучение пожарно-техническому минимуму руководителей, специалистов и рабочих
- 2 – Предаттестационная подготовка руководителей и специалистов по требованиям НТД¹ Ростехнадзора
- 3 – Периодическое обучение рабочих с получением допусков к обслуживанию ОПО
- 4 – Получение дополнительных допусков по рабочим специальностям
- 5 – Обучение по охране труда
- 6 – Профессиональное обучение рабочих

Рисунок 5 - Направления подготовки специалистов в Учебном центре ГУП «ТЭК СПб» в 2020 году

Источник: [11].

Отметим, что по рабочим специальностям теоретические занятия совмещаются с производственным обучением (до 30% учебного времени) на рабочем месте с использованием современной технологической базы ГУП «ТЭК СПб».

В заключении исследовалась кадровая потребность по ведущим ресурсоснабжающим предприятиям ЖКХ (таблица 4).

Очевидно, что требования к ИТ-специалистам предъявляются согласно их специализации, уровня квалификации и востребованности на рынке труда. Исследования рынка специалистов ИТ-сферы показывают, что происходит сегментация этого рынка, которая прослеживается, в том числе, и на уровне оплаты труда, предлагаемого работодателями (интервал может составлять от 20 до 250 тысяч рублей). В данных организациях уровень оплаты ИТ-вакансий составляет от 60 до 90 тысяч рублей, что с учетом стабильности этих предприятий, премиальных и других выплат, социального пакета и пр., может соответствовать достаточно высокому уровню специалистов.

Однако, наличие в сфере ЖКХ большого количество малых предприятий ставит задачу создания такой инфраструктуры данного сегмента рынка труда (включая различные формы

¹ Нормативно-технический документ (НТД) – документ, устанавливающий требования к объектам стандартизации, обязательный для исполнения в определенных областях деятельности, разработанный в установленном порядке и утверждённый компетентным органом (стандарты и технические условия). Нормативно-техническая документация. URL:<http://rostestbarnaul.ru/normativno-texnicheskaya-dokumentaciya/>

занятости специалистов, законодательную базу, социальную защиту и т.п.), которая бы способствовала комплексной цифровизации данной сферы.

Таблица 4 - Список вакансии на 01.06.2021 года, размещенных на сайтах организаций

ГУП «Водоканал СПб» [12]	ГУП «ТЭК СПб» [13]
<ul style="list-style-type: none"> - ведущий инженер СВТО; ведущий специалист по работе с системами АСУТП; ведущий специалист отдела информационных технологий; - ведущий инженер информационных технологий; - системный администратор; - специалист имущественных отношений; - специалист по охране труда; - слесарь аварийно-восстановительных работ; - слесарь механосборочных работ; - слесарь-ремонтник (4-6 разряд); - токарь (5 разряд); - электромонтер по обслуживанию электрооборудования, 6 разряда; - лаборант химико-бактериологического анализа 3 разряда; - машинист насосных установок 3 разряда; - оператор котельной 3 разряда; - водитель автомобиля; - машинист экскаватора-погрузчика; - монтировщик шин; - слесарь по ремонту дорожно-строительных машин и тракторов; - слесарь по ремонту топливной аппаратуры; - слесарь-ремонтник. 	<ul style="list-style-type: none"> - ведущий инженер в отдел проектирования (разделов ТС, АК, ПС, ОС, СС, ПБ)¹; - начальник управления корпоративных отношений; - ведущий специалист отдела обслуживания телефонии и сервиса; - ведущий юрист-консультant сопровождения производственных программ; - заместитель начальника отдела ПТО; - бухгалтер-аудитор в отдел контроля учета и отчетности; - ведущий специалист отдел внутреннего контроля; - водитель категории В, С; - аппаратчик очистки сточных вод; - электрогазосварщик 5-6 разряда; - контролер абонентного отдела; - дефектоскопист по магнитному и ультразвуковому контролю; - уборщик территории; - изолировщик на термоизоляции; - стропальщик; - огнеупорщик 3-4 разряда;

Литература:

1. ЕМИСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/59146>
2. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2020. – М., 2021.
3. Минстрой России представил результаты второго Индекса «IQ городов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorodsreda.ru/news/tpost/ch0jzt6j31-minstroj-rossii-predstavil-rezultati-vto>
4. Стартап-кафе Smart city 22.11.19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://innoagency.ru/files/Smart%20City-Итоги-Финальный.pdf>

¹ Разработка проектной и рабочей документации разделов ТС (тепловые сети), АК (автоматизация), ПС (пожарная сигнализация), ОС (охранная сигнализация), СС (сети связи), ПБ (пожарная безопасность) при проектировании реконструкции тепловых сетей. [13]

5. Уберизация ЖКХ как задача для хакатона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/tribuna/71308-uberizaciya-zhkh-kak-zadacha-dlya-hakatona>

6. Открытая платформа для поиска инноваций. Карта инновационных решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://innovationmap.innoagency.ru/catalog/communal/?str=&subcategory=&group=%2СЭнерго-%2С%20тепло%20и%20водоснабжение%2СУправление%20освещением%2ССбор%2СТранспортировка%2СУтилизация%20и%20переработка&market=&technology=&city=&activity=>

7. Сайт Государственной корпорации Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reformagkh.ru/communal-infrastructure/projects>

8. Жилищное хозяйство в России. 2019: Стат. сб./ Росстат. – М., 2019. 78 с.

9. Приложение к статистическому сборнику «Жилищное хозяйство в России 2019» (Информация в разрезе субъектов Российской Федерации). – М., 2019.

10. Кардапольцев, К.В., Султанова Л.Ф. О нормативном регулировании внедрения автоматизированных систем управления зданием «Умный дом» в сфере ЖКХ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2018. Т. 12, № 4. – С. 35–40. DOI: 10.14529/em180404

11. Учебный центр ГУП «ТЭК СПб» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uc.gptek.spb.ru/>

12. Сайт ГУП «Водоканал СПб» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vodokanal.spb.ru/vacancy.php>

13. Сайт ГУП «ТЭК СПб» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gptek.spb.ru/career/vakansii/>

УДК: 332.145

DOI: 10.52897/978-5-8088-1636-7-2021-15-1-197-205

Щелкина С. П.

ЭКОЛОГО-ИННОВАЦИОННАЯ КОМПОНЕНТА СОЦИАЛЬНОГО СЕКТОРА РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

В современных условиях способность создать на практике механизмы экологически сбалансированного развития социального сектора региона является определяющим фактором обеспечения синергетического эффекта, проявляющегося в реализации принципов циркулярной модели экономики.

Переход к циркулярной экономике предполагает более интенсивное применение эколого-инновационного подхода, так как обусловлен не только экономическими интересами, но и необходимостью формирования такой модели развития, которая будет соответствовать рациональному использованию ресурсов, экологическим стандартам и требованиям экологической безопасности населения.

¹Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН ««Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»: АААА-А21-1211011190093-2.

Применение эколого-инновационного подхода на принципах циркулярной экономики к деятельности хозяйствующих субъектов региона по созданию, внедрению и использованию новшества способствует поддержанию устойчивого экономического, экологического и социального развития общества. При этом улучшается благосостояние общества, так как создается не только прибавочная стоимость, но и различные благоприятные факторы экологического и социального развития. Положительный интегральный эффект, который возникает от применения такого подхода, позволяет достичь высокой степени ее принятия со стороны населения [1, 2].

Следует подчеркнуть, что экологическое новшество по существу всегда призвано содержать в себе социальный компонент, это придает ему больший статус, чем просто новый вид товара, даже в том случае, когда экологическое новшество связано с появлением новых деловых рынков или отраслей экономики: переработку отходов, рециркуляцию, и др. На этом пути имеются свои стимулы и препятствия, а социальный эффект в этом случае тесно переплетается с экологическим [3].

Однако несовершенство рынка, ценовой политики и другие барьеры в реальности приводят к тому, что многие хозяйствующие субъекты не обращают внимания на негативное влияние на экосистему до тех пор, пока явление не приобретет острого социально значимого характера или не отражается на их материальном положении. Фактически часто более выгодным (либо менее затратным) является игнорирование отрицательного влияния на экосистему, чем вкладывание ресурсов в ее сохранение на инновационной основе. Очень часто так и происходит, пока не принимается очень важное решение, преследующее социально значимые цели. Классическим примером такой ситуации являются возникшие экологические проблемы целлюлозно-бумажного комбината на озере Байкал, которые активно обсуждались учеными и общественностью. В 1966 г. на комбинате началось производство, в результате чего стали деградировать прилегающие донные территории озера. Пылегазовые выбросы стали негативно влиять на тайгу вокруг комбината, что привело к уничтожению леса. Наконец, под давлением общественности Правительство РФ выпустило постановление, регламентирующее использование бессточных систем водопользования, а также вопросы складирования, захоронения и сжигания опасных отходов на берегу озера Байкал.

В последние годы при переходе к цифровой экономике произошли изменения в формировании экономики разных стран, особенно в укреплении экологической составляющей социального сектора экономики. Новой социальной парадигмой развития становится модель циркулярной экономики, основанная на принципах устойчивого развития, главным инструментом которой является эколого-ориентированные инновации, играющие ключевую роль в достижении необходимого баланса между развитием человека и окружающей средой обитания.

Концепция циркулярной экономики предполагает построение экономической деятельности на принципах возобновления ресурсов и здоровьесбережении социо-эколого-экономической системы, что позволяет обеспечивать эффективность во всех масштабах: от домохозяйств и малых предприятий до глобальной экономики [4].

Основой циркулярной экономики являются замкнутые цепи поставок, под которыми понимаются цепочки поставок, обеспечивающие максимизацию добавленной стоимости в течение всего жизненного цикла продукта с динамическим восстановлением в рамках относительно длительных временных интервалов ценностей различных типов и объемов. В идеале создание замкнутых цепей поставок должно приводить к соблюдению принципа нулевых

отходов, а распространение подобных цепочек на значительную часть отраслей, в свою очередь, приблизит человечество к формированию циркулярной экономики в целом. Следует иметь в виду, что циркулярная экономика не ограничивается только решением задачи переработки отходов в конце жизненного цикла продукции; она дает толчок для технологических, организационных и социальных инноваций по всей цепи создания стоимости, начиная с экологического дизайна продукции и предотвращения образования отходов [5].

Как показывает анализ опыта развитых и ряда развивающихся стран комплексное решение перехода от преобладавшей ранее линейной модели экономики к циркулярной экономике, осуществляется поэтапно и предпринимаются активные усилия в области институциональной поддержки поэтапного перехода к практической реализации принципов циркулярной экономики. К ним относятся меры по нормативно-правовому регулированию, а также экономическому стимулированию и финансовой поддержке эколого-инновационных проектов, ориентированных на развитие циркулярной экономики. Циркулярные инновационные технологии находят широкое применение в деятельности крупнейших компаний, многие из которых интегрируются в отвечающие требованиям устойчивого развития замкнутые цепочки поставок.

Наиболее важной их чертой, с социологической точки зрения, представляется ориентация на развитие саморегулирования и самоорганизации, что приводит к изменению вовлеченных в экологическую политику социальных субъектов. Забота о здоровье нации (предотвращение загрязнений, уменьшение шумового воздействия и т.п.) является центральным направлением современной экологической политики, как органов местного самоуправления, так и федеральных властей.

Стратегия развитых стран в этом направлении ориентирована на стимулирование активности компаний в области эколого-инновационного менеджмента по формированию циркулярной модели экономики. Правительства некоторых стран, таких как Финляндия, Швеция и некоторые другие выделяют значительные средства на научные исследования для создания циркулярных инноваций. Так, например, объем средств, направленных Швецией на экомодернизацию составляет около 10% от всех государственных инвестиций [6]. Особое внимание в этой стране уделяют исследованиям экотехнологичных компаний в области альтернативной энергетики, переработки отходов и энергоэффективности. Однако существуют определенные сложности с коммерциализацией экологических новшеств. По имеющимся оценкам, на рынок выводится только до 15% всех новинок в области ресурсосбережения и рационального природопользования. В этой связи возник даже специальный термин «шведский парадокс» – когда затраты велики, а отдача минимальна [6]. Тем не менее, такой показатель успешности вывода на рынок экологических новшеств можно считать вполне приемлемым, если учесть, что уровень успешности инновационных идей составляет от 2 до 10%.

Поскольку корпорации имеют естественную тенденцию максимизировать текущую прибыль, стимулами к внедрению эколого-ориентированных инновационных технологий важными становятся меры государственной политики (стандарты, налоги, субсидии), а также новые возможности для развития «экологичного» бизнеса; создаются специальные исследовательские центры и фонды, зачастую при поддержке государства.

В США, например, действует множество программ, направленных на развитие эколого-инновационных технологий. В Китае функционирует более 1600 государственных инкуба-

торов и научных парков, большинство из них вовлечены в проекты по разработке экологически чистых технологий. Так что КНР занимает одну из лидирующих позиций в мире по патентам в шести основных областях, включая ветровую энергетику, производство биотоплива и экологически чистое использование угля. Даже сокращение ВВП в первом квартале 2020 года и социально-экономические последствия COVID-19 не мешают росту китайских стартапов, принадлежащих к новым отраслям промышленности стратегического характера. Южная Корея тоже взяла курс на зеленую высокоэффективную экономику на основе реализации принципов циркулярной модели развития [7]. За счет производства экологически чистых автомобилей там стремятся придать импульс развитию национального автотрома и активно участвовать в борьбе с глобальным потеплением.

Помимо прямой отдачи в виде улучшения качества окружающей среды, преобразования в рамках зеленой экономики позволяют дополнительно увеличить ВВП, создать новые рабочие места, сформировать новые отрасли промышленности и сферы услуг, снизить потребление ресурсов и расширить потребление побочных продуктов, а также обеспечить более здоровые и равноправные условия жизни для населения. Например, авиатранспорт сейчас использует на 50–60% меньше энергии в расчете на одного пассажира по сравнению с началом 1970-х [7]. Более эффективной стала добыча нефти и газа; если раньше попутный газ сжигался в факелах, сейчас его закачивают в пласт для повышения нефтеотдачи. Повторно используются строительные материалы, утилизируется мусор и т.д.

Ключевой в эколого-инновационных технологиях остается энергетика. Основные направления ее экологизации — повышение энергоэффективности и развитие новых источников энергии, в первую очередь, возобновляемых.

Важным направлением движения к циркулярной экономике в мировом сообществе являются разнообразные законодательные предпосылки, формирующие эффективную институциональную среду. Следует отметить, что прямое законодательное закрепление циркулярной экономики встречается на государственном уровне редко (табл. 1). Но в мире существует более 500 компаний в разных странах, утвердивших бизнес-стратегию циркулярной экономики и развивающихся на принципах инновационной экологичности.

Для регионов России актуальность задачи существенной активизации усилий по созданию циркулярной модели развития экономики очевидна, так как исследования и внедрение циркулярных инновационных технологий носит фрагментарный характер. Это объясняется, прежде всего, наличием сравнительно дешевых ресурсов, а также целым рядом барьеров: технико-технологических, финансово-экономических, нормативно-правовых и барьеров, вызванных потребительскими предпочтениями.

Предприятия страны продолжают действовать в основном в рамках модели линейной экономики еще и потому, что сложившаяся система тарифов не мотивирует использование прогрессивных способов обращения с отходами, то есть предприятиям выгоднее заплатить экологический сбор, который обходится в 3-4 раза дешевле, чем организовать сбор и доставку отходов переработчику.

Серьезной проблемой развития эколого-инновационных технологий остаются сроки экономической эффективности, так как первоначальный этап их внедрения является достаточно затратным, поэтому увеличение прибыли компании и рост ВВП возможно ожидать только в долгосрочной перспективе.

Таблица 1 – Законодательное закрепление циркулярной экономики

Год	Страна	Название
2009	Китай	Закон о поощрении циркулярной экономики
2012	Германия	Акт о циркулярные экономики Закон об экономике замкнутого цикла при обращении с отходами
2013	Китай	План действий по стратегии развития циркулярной экономики
2015	ЕС	Пакет мер по циркулярной экономике
2016	Финляндия	Финская дорожная карта циркулярной экономики 2016-2025 гг.
2016	Нидерланды	Общенациональная программа циркулярной экономики в Нидерландах до 2050 г.
2017	ЕС	Европейская платформа для заинтересованных сторон по циркулярной экономике
2017	ЕС	Стандарт BS 8001:2017 «Внедрение принципов круговой экономики в организации»
2018	ЕС	Европейская стратегия по пластику в циркулярной экономике
2018	Нидерланды	Дорожная карта по циркулярной экономике

По уровню развития эколого-инновационных технологий Россия значительно отстает от стран, лидирующих в этом направлении. Отсутствуют инновационные технологии, реализующие принципы циркулярной экономики, включая технологии переработки отходов и ремануфактуринга, экологического дизайна продукции и др. Отечественные зеленые патенты на общем рынке составляют всего 1% [5]. В условиях отсутствия целенаправленной системы поддержки ориентированного на инновации бизнеса наблюдается низкая активность предприятий по созданию замкнутых цепей поставок.

Однако в регионах РФ есть возможности, а также целый ряд принятых мер по совершенствованию законодательства в области обращения с отходами для поэтапного перехода от линейной экономики к эколого-инновационной циркулярной модели развития регионов.

Так, 25 января 2018 года была утверждена распоряжением № 84-р Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления, на основе ее реализации создается новая отрасль промышленности, которая позволит вовлекать во вторичный оборот дополнительные ресурсы на инновационных принципах, что должно снизить объемы захоронений промышленных и коммунальных отходов и тем самым уменьшить вредные экологические последствия. К инновационным организационным факторам движения в этом направлении следует отнести следующие:

- создание государственного реестра объектов размещения отходов;
- включение всех видов отходов в федеральный классификационный каталог отходов;
- расширение системы лицензирования видов работ с отходами, включая их обработку и утилизацию;
- создание системы региональных операторов обращения с твердыми коммунальными отходами;

– поэтапное введение запрета на захоронение отходов, не прошедших сортировку, механическую и химическую обработку, а также отходов, которые могут быть использованы в качестве вторичного сырья.

Следует отметить такое событие как официальное присоединение России к Парижскому соглашению, регулирующему меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере, так как оксид углерода является одним из факторов, оказывающих отрицательное влияние на окружающую среду и изменение климата. Кроме того, возникла тенденция к росту спроса и инвестиций, в первую очередь в энергосбережение и разработку электромобилей, солнечную энергетику, формируются институты эколого-инновационного развития региональной экономики.

Для активизации процессов создания и внедрения эколого-инновационных технологий в сфере обращения с отходами, как одному из исходных этапов перехода к циркулярной экономике, актуальна эффективная реализация государственного национального проекта «Экология» общей стоимостью более 4 трлн рублей. В рамках его реализации принимаются новые планы и законы, утверждены основы государственной политики экологизации инновационного развития экономики регионов (только в 2019 году было привлечено 0,5 трлн рублей внешних средств) [8]. Такая системная поддержка для экологической сферы особенно важна, поскольку без регуляторной политики действия экономических субъектов имеют тенденцию к более краткосрочному планированию, чем требуется для реализации инновационных проектов, приносящих долгосрочный положительный эффект.

Национальный проект «Экология» включает четыре блока: «Воздух», «Вода», «Отходы» и «Биоразнообразие» и содержит одиннадцать федеральных проектов. В одиннадцатом федеральном проекте предусматривается государственная поддержка процессов создания и внедрения наилучших доступных технологий, который будет реализовываться как инвестиционный проект и будет осуществляться на основе механизма возмещения затрат на выплату купонного дохода по облигациям. Облигации будут выпускаться для реализации проектов по внедрению наилучших доступных технологий на объектах, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду. Кроме того, предусматривается механизм предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение части затрат для выплаты купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий на объектах, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду.

Нарастание инновационных изменений под воздействием возмущений в эколого-экономической системе регионов России в последние годы приняло ускоренный характер. Можно выделить следующие аспекты влияния этих изменений:

- общество стало более ответственно относиться к проблеме осознанного потребления;
- население не только заявляет о своей готовности к экологичному образу жизни, но и ожидает от государства и компаний экологической ответственности;
- появляется у людей интерес к продуктам, созданным на основе чистых технологий;
- население готово участвовать в мероприятиях, решающих задачи минимизации негативного воздействия на окружающую среду, экономии энергии и материалов, например, заниматься сортировкой мусора (к сожалению, не повсеместно, а лишь в отдельных муниципалитетах);
- в регионах формируется эковолонтерство и экоактивизм;

- под воздействием соответствующего запроса со стороны общества бизнес начинает проявлять интерес к эколого-инновационным проектам как минимум в рамках имиджевых инвестиций;

- современные города стремятся создавать «умные» города, с точки зрения использования экологических инноваций;

- появляются эколого-инновационные возможности для бизнеса, которые предоставляют доступ к новым источникам дохода;

- формируются новые виды бизнеса в совершенно разных отраслях, например, каршеринг, производство солнечных батарей, электротранспорт и др.

Однако во всем мире идет усиление регулирования процессами экологизации экономики, в том числе введение экономических стимулов, направленных на значительное снижение воздействия промышленности на окружающую среду. В современных условиях общественное мнение оказывает серьезное влияние на лица, принимающие решения, в результате в различных странах все чаще реализуются меры по стимулированию экономических субъектов к более экологичному поведению. Для России очень важно соблюдение международных требований, так как она значительно интегрирована в мировую экономику и без применения чистых технологий не сможет успешно конкурировать на рынке.

Особенно остро стоит вопрос с введением «углеродного налога». Риск для России состоит в углеродном протекционизме. Больше половины стран Евросоюза уже приняла законодательство, по которому ввозимые на их территорию товары с повышенным углеродным следом будут облагаться повышенными импортными пошлинами.

Как отмечал глава управляющей компании «Роснано» Анатолий Чубайс 13 мая 2020 г. в рамках проекта «Антихрупкость»: в России нефтегазовая отрасль – это 60% экспорта. То есть 60% экспорта будут облагаться «углеродным налогом». В результате потери получит страна не только по нефтегазу, но и по металлургической отрасли. В результате его введения произведенный без использования зеленых технологий товар будет или облагаться запретительным налогом, или же его экспорт полностью запретят. «Углеродный налог» станет реальностью в ближайшие годы, это окажет значительное влияние на способность российских компаний вести бизнес за пределами своей страны. В этом случае речь идет не только о риске снижения прибыли, но и о самой возможности вести торговые отношения с внешним миром. Основными товарными позициями российского экспорта остаются на сегодня топливо и металлопродукция – отрасли, традиционно связанные с существенным воздействием на окружающую среду и прямо попадающие в фокус вводимого «углеродного налога».

Современное экологическое законодательство в России достаточно жестко регулирует текущие загрязнения, но в нем уделяется относительно мало внимания ограничению долгосрочного воздействия на окружающую среду в логике минимизации «углеродного следа». Однако отечественные регионы будут вынуждены синхронизировать внутренние требования с мировыми трендами, так как промышленность регионов страны не может существовать только за счет внутреннего рынка.

Следующий важный аспект, касающийся формирования циркулярной экономики в регионах России, исходя из позитивного зарубежного опыта, связан с необходимостью участия в масштабных программах, вовлекающих стартапы в работу над концепцией устойчивого развития на инновационных принципах и снижения воздействия человека на окружающую

среду. К такой программе можно отнести, созданный в августе 2020 года, экологический акселератор Green Tech Startup Booster, организованный Фондом «Сколково» при поддержке ключевых министерств (Министерство природных ресурсов и экологии, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства, Министерство энергетики), вовлеченных в решение эколого-ориентированных инновационных задач.

Особенность программы Green Tech Startup Booster состоит в следующем:

во-первых, объединяются Фондом «Сколково» промышленные крупные партнеры из различных отраслей, которые ориентируются на решение задач экологически устойчивого развития экономики регионов страны и тем самым создаются уникальные условия для экологических стартапов по развитию их бизнеса;

во-вторых, участники данной программы (СИБУР, НЛМК, Нелух, Северсталь, Татнефть, Газпромнефть, Трубная металлургическая компания) получают инновационные технологии для реализации своих экологических программ;

в-третьих, компании-разработчики будут иметь возможность для быстрой реализации пилотного проекта и масштабирования, привлечения частных инвестиций и получения государственных инструментов поддержки;

в-четвертых, научные партнеры акселератора: РХТУ им. Менделеева, РГУ нефти и газа им. Губкина, МИСИС, МФТИ, Сколтех и другие вузы призваны обеспечивать высокий уровень экспертизы в рамках этой программы и предоставлять разработки на базе собственных компетенций;

в-пятых, участие в данной программе иностранных индустриальных партнеров, таких как Total, EDF, ENEL позволит стартапам получать доступ к экспертизе мирового уровня и возможность выхода на международные рынки;

в-шестых, зарубежные высокотехнологичные компании смогут пользоваться программой «софтлендинга» от Фонда «Сколково», которая позволит начать работу в России не только для продажи своих технологий, но и с целью глубокой локализации разработок, открытия производств и создания рабочих мест в регионах нашей страны.

Следует отметить, что поставленные задачи перед акселератором Green Tech Startup Booster перекликаются с направлениями нацпроекта «Экология» и наиболее современные и эффективные решения в области эколого-инновационного развития региона на принципах циркулярной экономики должны стать одним из вкладов Фонда «Сколково» в реализацию нацпроекта.

Таким образом, принимая во внимание отечественный и зарубежный опыт перехода от линейной экономики к циркулярной, предполагающей применение инновационных подходов можно выделить следующие стратегические векторы, направленные на реализацию целей экологически устойчивого развития регионов страны [4, 5, 9]:

- создание благоприятной институциональной среды в регионе для долгосрочных инвестиций в эколого-ориентированные инновации;
- льготное налогообложение для инновационно-ориентированных компаний, переходящих на циркулярную модель эколого-экономического развития;
- формирование научной базы для создания и развития инновационных технологий замкнутого производственного цикла;
- разработка и принятие законодательных документов, определяющих ограничение или полный запрет не перерабатываемых продуктов;

- создание обучающих программ и подготовка кадрового резерва для освоения новых ресурсосберегающих технологий и создания инновационной эко продукции;
- повышение информационной грамотности общества, предоставление информации о принципах циркулярной экономики и экологически устойчивого развития на всех уровнях образовательного процесса.

Следует отметить, что изложенные выше направления по реализации целей экологически устойчивого развития регионов на основе циркулярных инноваций могут быть эффективны только при сотрудничестве государства, бизнеса и общества. При этом ключевыми вопросами являются поиск практических решений для достижения поставленных целей и их финансирование в науку, новые технологии и инновационные разработки как на основе государственной поддержки, так и на уровне частного сектора.

Литература:

1. Fraser, J. Social Enterprise Toolkit. Selnet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://selnet-uk.com/wp-content/uploads/2014/03/SUL-Social-Enterprise-Toolkit.pdf>.
2. GEM Global Entrepreneurship Monitor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gemconsortium.org/>
3. Get ready for social entrepreneurship. TC report. June 09-14, 2014, Pre-deal, Romania [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.salto-youth.net/downloads/4-17-3011/GRSE%20Final%20Report%20HQ.pdf>.
4. Валько Д. В. Циркулярная экономика: основные бизнес-модели и экономические возможности // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 1.
5. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., М.А.Ветрова. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т. 33. Вып.2
6. Проблемы современной экономики. Монография / Под общей редакцией к.э.н. С.С.Чернова. – Новосибирск. 2016.
7. Аленкова И.В. Оценка эколого-инновационной активности промышленных предприятий. Диссертация на соискание ученой степени к.э.н. – Нижний Новгород. 2021.
8. Национальный проект «Экология». Утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, Протокол от 24 декабря 2018 г. №16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fbad8a780cfe43d0d4e807eb166ae5fb/NP_ЕКО_241218.pdf
9. Чеканова Е.В. Анализ инновационного потенциала России в процессе перехода к циркулярной экономике // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. № 4. 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Совершаева Л. П.</i> Предисловие научного редактора	3
<i>Васильев И. Г.</i> Государственно-частное партнерство в системе факторов формирования культурной среды национального проекта «Культура»	4
<i>Гринчель Б. М., Назарова Е. А.</i> Оценки устойчивости развития регионов Российской Федерации по фактору человеческого потенциала	18
<i>Джанелидзе М. Г.</i> Риски реализации стратегий инновационного развития	30
<i>Дорофеева Л. В.</i> Бюджетное обеспечение стратегического развития Санкт-Петербурга на основе реализации региональных программ	41
<i>Замятина М. Ф.</i> Эколого-климатические аспекты народосбережения регионов России	48
<i>Кайсарова В. П., Кайсаров А. А.</i> Концепции развития и оценка устойчивости крупнейшего города в России (на примере Санкт-Петербурга)	60
<i>Кузнецов С. В., Горин Е. А.</i> Экономика Санкт-Петербурга в 2021 году: изменения, тенденции, приоритеты	71
<i>Кузьмина Л. К.</i> Влияние процессов трансформации на развитие инфраструктуры здравоохранения	79
<i>Рубцова М. В., Болотник А. М.</i> Степень влияния социально-экономических факторов на уровень заболеваемости ВИЧ в Российской Федерации: результаты регрессионного анализа	85
<i>Румянцев А. А.</i> Инвестиции в инновации в контексте наукоемкого производства на предприятиях Санкт-Петербурга	94
<i>Свириденко М. В.</i> Инфраструктурные и экономические возможности развития муниципального образования в условиях изменения его административного статуса: потенциал Колтушского сельского поселения Ленинградской области	102
<i>Скворцова М. Б., Шестакова Н. Н., Кузьмина Л. К.</i> Социальный сектор: формирование человеческого капитала в условиях цифровой экономики	114
<i>Смирнова Е. А.</i> Диверсифицированная поддержка резидентов технопарков	120
<i>Совершаева Л. П.</i> СЗФО как территория макрорегиона	129
<i>Ходачек А. М., Степанова Е. С.</i> Вопросы экономического районирования с учётом Стратегии пространственного развития Российской Федерации	139
<i>Ходачек Г. М.</i> Региональная политика в Российской Федерации	149
<i>Ходько С. Т.</i> Постоянные жители как цель клиентоцентричности в управлении территориями	157
<i>Фесенко Р. С.</i> Оценка соответствия эколого-экономического развития региона современным требованиям устойчивого производства и потребления	163

<i>Шабунина Т. В.</i> Теоретико-методические подходы к институциональным преобразованиям в экологической составляющей социального сектора экономики регионов в контексте экологического образования населения и его здоровья	170
<i>Шестакова Н. Н., Джанелидзе М. Г., Скворцова М. Б.</i> Серебряная экономика как окно возможностей для социально-экономического развития Санкт-Петербурга: постановка проблемы	177
<i>Ширнова С. А.</i> Основные тренды «Умного ЖКХ» и кадровая составляющая цифрового развития отрасли	182
<i>Щелкина С. П.</i> Эколого-инновационная компонента социального сектора региона в условиях перехода к циркулярной экономике	197
<i>Сведения об авторах</i>	208
<i>Аннотации</i>	210

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Болотник А. М. – НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Васильев И. Г. – к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Гринчель Б. М. – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Джанелидзе М. Г. – к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Дорофеева Л. В. – к.э.н., научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Замятина М. Ф. – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Кайсарова В. П. – к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Кайсаров А. А. – к.э.н., доцент, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Горин Е. А. – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Кузнецов С. В. – д.э.н., профессор, руководитель научного направления Института проблем региональной экономики РАН

Назарова Е. А. – к.э.н., старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Кузьмина Л. К. – к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Рубцова М.В. – д.с.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Румянцев А. А. – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Свириденко М. В. – к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Скворцова М. Б. – к.э.н., старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Смирнова Е. А. – научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Совершаева Л. П. – к.э.н., доцент, заслуженный экономист РФ

Степанова Е. С. – преподаватель НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ходачек А. М. – д.э.н., профессор, президент НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

Ходачек Г. М. – к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ходько С. Т. – к.т.н., доцент, советник ректората, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Фесенко Р. С. – к.э.н., старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Шабунина Т. В. – к.э.н., старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Шестакова Н. Н. – к.т.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Ширнова С. А. – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

Щелкина С.П. – к.э.н., старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН

АННОТАЦИИ

***Васильев И. Г.* Государственно-частное партнерство в системе факторов формирования культурной среды национального проекта «Культура».**

Представлены результаты исследования возможностей государственно-частного партнерства для формирования новой культурной среды, современных направлений и механизмов для достижения национальных целей развития культуры, повышения социальной эффективности инвестиций в культуру

Ключевые слова: государственная культурная политика, культурная среда, государственно-частное партнерство (ГЧП), формы и механизмы ГЧП, ГЧП в культуре, социальная эффективность ГЧП.

***Vasiliev I. G.* Public-private partnership in the system of factors of formation of the cultural environment of the national project "Culture".**

The results of the study of the possibilities of public-private partnership for the formation of a new cultural environment, modern trends and mechanisms for achieving national goals of cultural development, increasing the social effectiveness of investments in culture are presented.

Keywords: state cultural policy, cultural environment, public-private partnership (PPP), forms and mechanisms of PPP, PPP in culture, social efficiency of PPP.

***Гринчель Б. М., Назарова Е. А.* Оценки устойчивости развития регионов Российской Федерации по фактору человеческого потенциала.**

В исследовании изучается человеческий потенциал, который является одним из наиболее ценных ресурсов регионального развития. Приводится методика оценки устойчивости развития по фактору человеческого потенциала на основе изменения конкурентной привлекательности и рейтинговых позиций регионов. Предлагается математически описанный критерий устойчивости развития человеческого потенциала. Используемая методика проверяется на статистическом материале регионов России за период 2016-2019 гг. по 10 показателям. Выделяются группы устойчивых и неустойчивых регионов по фактору человеческого потенциала в зависимости от критерия устойчивости.

Ключевые слова: фактор человеческого потенциала, конкурентная привлекательность, устойчивость регионального развития, критерий устойчивости, конкурентные рейтинги.

***Grinchel B. M., Nazarova E. A.* Assessment of the sustainability's development of the human potential factor of the Russian regions.**

The study examines human potential, which is one of the most valuable resources for regional development. The article provides a methodology for assessing the sustainability of development by the factor of human potential based on changes in the competitive attractiveness and rating positions of regions. A mathematically described criterion for the sustainability of human development is proposed. The technique used is verified on the statistical material of the regions of Russia for the period 2016-2019 by 10 indicators. Groups of stable and unstable regions are distinguished according to the factor of human potential, depending on the criterion of sustainability.

Keywords: human potential factor, competitive attractiveness, sustainability of regional development, sustainability criterion, competitive ratings.

Джанелидзе М. Г. Риски реализации стратегий инновационного развития

Статья посвящена анализу рисков реализации инновационных стратегий, связанных с выявленными автором разрывами между системами стратегического планирования и управления. Показана недостаточная проработанность механизмов управления инновационным развитием, выявлено рассогласование между процессами его стратегического планирования и механизмами реализации. Определены критически важные для успешной реализации стратегий инновационного развития характеристики системы управления ими. Показано, что существующие практики государственного стратегирования инновационного развития не учитывают в полной мере его особенностей как объекта управления. Также определены проблемы, связанные с недостаточной разработанностью механизмов стратегического управления инновационным развитием и намечены направления их совершенствования.

Ключевые слова: инновации, стратегия, развитие, принципы, механизмы управления, система планирования.

Djanelidze M. G. Implementation risks of innovative development strategies.

The article is devoted to the analysis of the risks of implementing innovative strategies associated with the gaps identified by the author between the systems of strategic planning and management. Insufficient elaboration of innovative development management mechanisms is shown, a mismatch between the processes of its strategic planning and implementation mechanisms is revealed. The characteristics of the management system that are critical for the successful implementation of innovative development strategies have been identified. It is shown that the existing practices of state strategizing of innovative development do not fully take into account its features as an object of management. The problems associated with the insufficient development of mechanisms for strategic management of innovative development are also identified and directions for their improvement are outlined.

Keywords: innovation, strategy, development, principles, management mechanisms, planning system.

Дорофеева Л. В. Бюджетное обеспечение стратегического развития Санкт-Петербурга на основе реализации региональных программ.

Стратегическое развитие Российской Федерации и её субъектов является одним из приоритетных направлений государственной политики, способствующим повышению уровня и качества жизни населения и сбалансированному экономическому развитию всей страны. Вместе с тем важной составляющей для прогресса страны является её система бюджетного обеспечения. Качество бюджетного планирования играет ключевую роль для достижения стратегических целей в каждом регионе. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что бюджетное обеспечение стратегического развития в конечном счёте способствует реализации национальных и региональных проектов Санкт-Петербурга, а также государственных программ.

Ключевые слова: региональное развитие, бюджетное обеспечение, региональные программы, стратегическое планирование, бюджет региона.

Dorofeeva L. V. Budgetary support for the strategic development of St. Petersburg based on the implementation of regional programs.

The strategic development of the Russian Federation and its constituent entities is one of the priority directions of state policy, contributing to an increase in the level and quality of life of the population and a balanced economic development of the entire country. At the same time, an important component for the country's progress is its budgetary support system. The quality of budget planning plays a key

role in achieving strategic goals in each region. The relevance of the chosen topic is due to the fact that the budgetary provision of strategic development ultimately contributes to the implementation of national and regional projects in St. Petersburg, as well as government programs.

Keywords: regional development, budget support, regional programs, strategic planning, regional budget.

Замятина М. Ф. Эколого-климатические аспекты народосбережения регионов России.

В статье сохранение и улучшение здоровья населения в регионах РФ рассматривается как важная составляющая проблемы народосбережения; обосновывается необходимость учета негативного влияния эколого-климатического фактора на здоровье населения и совершенствования нормативно-правовой базы; по результатам санитарно-гигиенического мониторинга анализируются позитивные тенденции и проблемы санитарно-эпидемиологического благополучия населения в регионах; кратко формулируются рекомендации, включая переход к экологически устойчивому развитию страны и регионов и достижение целей устойчивого развития.

Ключевые слова: народосбережение, здоровье, эколого-климатический фактор, санитарно-эпидемиологическое благополучие, устойчивое развитие, цели устойчивого развития.

Zamyatina M. F. Ecological and climatic aspects of the people's conservation of the regions of Russia.

The article considers the preservation and improvement of the health of the population in the regions of the Russian Federation as an important component of the problem of people's preservation; substantiates the need to take into account the negative impact of the environmental and climatic factor on the health of the population and improve the regulatory framework; based on the results of sanitary and hygienic monitoring, positive trends and problems of sanitary and epidemiological well-being of the population in the regions are analyzed; briefly formulates recommendations, including the transition to environmentally sustainable development of the country and regions and the achievement of sustainable development goals.

Keywords: people's conservation, health, environmental and climatic factor, sanitary and epidemiological well-being, sustainable development, sustainable development goals.

Кайсарова В. П., Кайсаров А. А. Концепции развития и оценка устойчивости крупнейшего города в России (на примере Санкт-Петербурга).

Статья посвящена исследованию концепций развития современных городов, среди которых преобладают идеи устойчивого развития. Авторы оценили устойчивость развития крупнейшего города, формирующего облик современной урбанизации в России на основе массива данных из 31 показателя. По уникальной системе оценена устойчивость пяти сфер развития Санкт-Петербурга за 2006-2017 годы. Результаты доказывают необходимость проведения экспертизы и корректировки содержательных аспектов утвержденной стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга после пандемии COVID-19.

Ключевые слова: крупнейший город, урбанизация, концепции будущего городов, устойчивое развитие, оценка устойчивости, Санкт-Петербург.

Kaisarova V. P., Kaisarov A. A. Development concepts and assessment of the sustainability of the largest city in Russia (the case of St. Petersburg).

The article is devoted to the study of the concepts of the development of modern cities, among which the ideas of sustainable development prevail. The authors assessed the sustainability of the development of the largest city that forms the image of modern urbanization in Russia based on an

array of data from 31 indicators. According to a unique system, the stability of five areas of development of St. Petersburg assessed in 2006-2017. The results prove the need to conduct an examination and adjust the content aspects of the approved strategy for the socio-economic development of St. Petersburg in the field after of the COVID-19 pandemic.

Keywords: the largest city, urbanization, concepts of the future of cities, sustainable development, sustainability assessment, St. Petersburg.

Кузнецов С. В., Горин Е. А. Экономика Санкт-Петербурга в 2021 году: изменения, тенденции, приоритеты.

Рассматривается состояние экономики Санкт-Петербурга по итогам 2020 года через изменения в деятельности организаций и предприятий Санкт-Петербурга, а также наиболее существенные факторы, влияющие на производственную деятельность промышленных предприятий города в условиях кризисных воздействий и эпидемиологических ограничений. Обсуждается кадровая обеспеченность организаций и предприятий Санкт-Петербурга различными категориями работников. Приводится анализ целей, реализуемых различными субъектами хозяйственной деятельности в рамках осуществления инновационного процесса, и их изменение.

Ключевые слова: экономика Санкт-Петербурга, предприятия и организации, инновационный процесс, цели и факторы, кадровая обеспеченность, тенденции.

Kuznetsov S.V., Gorin E. A. The economy of St. Petersburg in 2021: changes, trends, priorities.

The state of the economy of St. Petersburg at the end of 2020 through changes in the activities of organizations and enterprises of St. Petersburg are analyzed, as well as the most significant factors affecting the production activities of industrial enterprises of the city under crisis impacts and epidemiological restrictions. The staffing of organizations and enterprises of St. Petersburg with various categories of employees are discusses. The analysis of the goals implemented by various economic entities within the framework of the implementation of the innovation process, and their changes are given.

Keywords: economy of St. Petersburg, enterprises and organization, innovation process, goals and factors, employee sufficiency, trends.

Кузьмина Л. К. Влияние процессов трансформации на развитие инфраструктуры здравоохранения.

В статье раскрываются вопросы инфраструктурных преобразований системы здравоохранения: содержание, цели и приоритеты.

Ключевые слова: трансформации здравоохранения, особенности, приоритеты, цели.

Kuzmina L. K. The impact of transformation processes on the development of healthcare infrastructure.

The article reveals the issues of infrastructural transformations of the health care system: content, goals and priorities.

Keywords: healthcare transformations, features, priorities, goals.

Рубцова М. В., Болотник А. М. Степень влияния социально-экономических факторов на уровень заболеваемости ВИЧ в Российской Федерации: результаты регрессионного анализа.

Распространение вируса иммунодефицита человека – одна из основных глобальных про-

блем. Во всех странах мира есть ряд программ, направленных на борьбу с этим заболеванием. Мы провели регрессионный анализ, чтобы выявить наиболее влияющие факторы жизни населения на распространение ВИЧ. Результаты показали, что внешние социально-экономические факторы не имеют значительного влияния на распространение вируса. Из этого следует, что прямое влияние на уровень распространения ВИЧ в стране влияет система здравоохранения и ее уровень развитости.

Ключевые слова: ВИЧ, СПИД, АРТ, политика предотвращения распространения вируса, государственная политика.

Rubtcova M. V., Bolotnik A. M. The degree of influence of socio-economic factors on the incidence of HIV in the Russian Federation: the results of regression analysis.

The spread of the human immunodeficiency virus is one of the main global problems. In all countries of the world there are a number of programs aimed at combating this disease. We conducted a regression analysis to identify the most influencing factors of the population's life on the spread of HIV. The results showed that external socio-economic factors did not have a significant impact on the spread of the virus. It means that the health care system and its level of development directly affect the level of HIV prevalence in the country.

Keywords: HIV, AIDS, HART, virus prevention policy, government policy.

Румянцев А. А. Инвестиции в инновации в контексте наукоемкого производства на предприятиях Санкт-Петербурга.

Проанализированы инвестиции в инновационную деятельность по двум группам предприятий. Отмечено достижение ведущих предприятий Санкт-Петербурга статуса наукоемкого производства. Выделены факторы развития инновационной деятельности в городе.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, отрасль, предприятие, наукоемкость производства, факторы развития.

Rumyantsev A. A. Investments in innovations in the context of knowledge intensity production at the enterprises of Saint Petersburg.

Investments in innovative activity for two groups of enterprises are analyzed. The achievement of the status of knowledge intensity production by the leading enterprises of St. Petersburg was noted. The factors of the development of innovative activity in the city are highlighted.

Keywords: investment, innovation, industry, enterprise, knowledge intensity of production, development factors.

Свириденко М. В. Инфраструктурные и экономические возможности развития муниципального образования в условиях изменения его административного статуса: потенциал Колтушского сельского поселения Ленинградской области.

В статье представлены результаты сравнения социально-экономического развития Колтушского сельского поселения с некоторыми городскими поселениями Ленинградской области. Продемонстрировано, что рассматриваемое муниципальное образование демонстрирует темпы развития в некоторых случаях даже выше, чем аналогичные городские поселения Ленинградской области. Выявлены инфраструктурные и экономические возможности развития муниципального образования. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности органов региональной власти и местного самоуправления, а также служить основой для дальнейших научных изысканий в сфере эффективного разграничения полномочий между различными уровнями управления.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, сельские поселения, инфраструктура, статус муниципального образования, муниципальное управление, Ленинградская область.

Sviridenko M. V. Infrastructural and economic opportunities for the development of a municipality in the conditions of changing its administrative status: the potential of the Koltush rural settlement of the Leningrad region.

The article presents the results of comparing the socio-economic development of the Koltush rural settlement with some urban settlements of the Leningrad region. It is demonstrated that the considered municipality demonstrates the pace of development in some cases even higher than similar urban settlements of the Leningrad region. The infrastructural and economic opportunities for the development of the municipality are identified. The results of the study can be used in practical activities of regional authorities and local self-government as well as serve for further scientific researches in the field of effective separation of the powers between different levels of government.

Keywords: socio-economic development, rural settlements, infrastructure, the status of the municipality, a municipal governance, Leningrad region.

Скворцова М. Б., Шестакова Н. Н., Кузьмина Л. К. Социальный сектор: формирование человеческого капитала в условиях цифровой экономики.

В статье рассмотрены сферы образования, здравоохранения, социальной защиты населения, которые входят в социальный сектор экономики и оказывают существенное влияние на формирование человеческого капитала. Акцент сделан на анализе процессов цифровизации в указанных сферах.

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая экономика, здравоохранение, образование, социальная защита населения.

Skvortsova M. B., Shestakova N. N., Kuzmina L. K. Social sector: formation of human capital in the digital economy.

The article examines the spheres of education, health care, social protection of the population, which are included in the social sector of the economy and have a significant impact on the formation of human capital. The emphasis is on the analysis of digitalization processes in these areas.

Key words: human capital, digital economy, healthcare, education, social protection of the population.

Смирнова Е. А. Диверсифицированная поддержка резидентов технопарков.

Данное исследование посвящено анализу развития технопарков в регионах России. В первой части исследования проводится обзор современной литературы по развитию инновационных парков и их роли в экономике. Во второй части исследования проводится анализ эмпирических данных российских технопарков.

Ключевые слова: технопарки; мультифакторная поддержка резидентов технопарков.

Smirnova E. A. Diversified support for science parks' residents.

Science parks in Russian regions are analysed in the study. The first part of the study is devoted to the contemporary literature review on the science parks' development and their role in the economy. The second part of the research contains Russian science parks' empirical data analysis.

Keywords: science parks; multi-factor support for an science park's residents

Совершаева Л. П. СЗФО как территория макрорегиона.

В статье приводится анализ хода реализации мер по экономическому районированию с учетом возникновения федеральных округов, разработки и реализации Стратегии социально-экономического развития Северо-Запада. Определена роль Северо-Запада как формирующегося макрорегиона на основе факторов, влияющих на комплексное развитие территории.

Ключевые слова: макрорегион, экономический район, территориальное разделение труда, экономическое и социальное пространство, пространственное планирование.

Sovershaeva L. P. The Northwestern Federal District as the territory of a macroregion.

The article provides an analysis of the progress in the implementation of measures for economic zoning, taking into account the emergence of federal districts, the development and implementation of the Strategy for the socio-economic development of the North-West. The role of the North-West as an emerging macro-region is determined on the basis of factors influencing the complex development of the territory.

Keywords: macroregion, economic region, territorial division of labor, economic and social space, spatial planning.

Ходачек А. М., Степанова Е. С. Вопросы экономического районирования с учётом Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

В статье сделана попытка оценить современное территориальное устройство Российской Федерации и сопоставить предложенное деление на экономические районы и будущие макрорегионы со сложившейся схемой федеральных округов. Раскрыты особенности действующего и предлагаемого экономического районирования на основе Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Ключевые слова: экономический район, территориальная организация хозяйства, производительные силы, территория макрорегиона, территориально-производственный комплекс.

Khodachek A. M., Stepanova E. S. Issues of economic zoning considering the Spatial Development Strategy of Russia.

The article tries to assess modern territorial structure of the Russian Federation and compare the proposed division into economic regions and future macro-regions with the existing scheme of federal districts. The features of current and proposed economic zoning based on Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 are disclosed.

Keywords: economic region, territorial economic organization, forces of production, macroregional territory, territorial production complex.

Ходачек Г. М. Региональная политика в Российской Федерации.

В статье рассматриваются принципы региональной политики. Оценивается влияние экономической интеграции на уровень социально-экономического развития территорий на основе анализа группы факторов. Рассмотрены основные черты региональной политики, отвечающие потребностям развития территорий.

Ключевые слова: региональная политика, прогноз, развитие территорий, стратегия, потенциалы развития.

Khodachek G. M. Regional policy in the Russian Federation.

The article discusses the principles of regional policy. The influence of economic integration on the level of socio-economic development of territories is estimated on the basis of an analysis of a

group of factors. The main features of the regional policy that meet the needs of the development of territories are considered.

Key words: regional policy, forecast, development of territories, strategy, development potential.

Ходько С. Т. Постоянные жители как цель клиентоцентричности в управлении территориями.

В статье приводится перечень подходов к государственному и муниципальному управлению, а также уточнение положений территориального маркетинга с позиций различного характера потребителей в целевой группе «постоянные жители»: покупателей и клиентов. Представляются подходы с точки зрения клиентоориентированности и клиентоцентричности.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, основные потребители, клиентоориентированность, клиентоцентричность.

Khodko S. T. Permanent residents as a goal of customer orientation in the territorial management.

The article covers a list of approaches to the state and municipal management as well as clarification of the territorial marketing states from the position of various consumers in the “permanent resident” target group: customers and clients. Customer-centric orientation approaches are presented.

Keywords: territorial marketing, main customers, customer orientation, customer-centric orientation.

Фесенко Р. С. Оценка соответствия эколого-экономического развития региона современным требованиям устойчивого производства и потребления.

В статье предлагается методика оценки соответствия эколого-экономического развития региона современным требованиям устойчивого производства и потребления, основанная на декомпозиции базового соотношения устойчивого производства и потребления (максимизация уровня жизни на единицу экологического следа). Проводится оценка соответствия эколого-экономического развития региона современным требованиям устойчивого производства и потребления в регионах СЗФО РФ по предлагаемой методике.

Ключевые слова: эколого-экономическое развитие, устойчивое производство и потребление, регион, оценка.

Fesenko R. S. Assessment of the compliance of the region's ecological and economic development with modern requirements for sustainable production and consumption.

The article proposes a method for assessing the compliance of the region's ecological and economic development with modern requirements for sustainable production and consumption, based on the decomposition of the basic ratio of sustainable production and consumption (maximizing the standard of living per unit of ecological footprint). An assessment of the compliance of the ecological and economic development of the region with the modern requirements of sustainable production and consumption in the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation is carried out according to the proposed method.

Keywords: ecological and economic development, sustainable production and consumption, region, assessment.

Шабунина Т. В. Теоретико-методические подходы к институциональным преобразованиям в экологической составляющей социального сектора экономики регионов в контексте экологического образования населения и его здоровья.

В статье рассмотрены институты, влияющие на формирование экологической грамотности

населения, необходимой для развития экологической составляющей социального сектора экономики регионов. Даны предложения по совершенствованию системы образования, законодательства, средств массовой информации, общественных организаций. Действенность институциональных преобразований в экологической составляющей социального сектора экономики регионов предлагается оценивать, в первом приближении, на основе динамики основных показателей окружающей среды и здоровья населения. Выделены теоретические проблемы, решение которых необходимо для развития институциональной среды региона.

Ключевые слова: регион, институциональная среда, экологическое образование, здоровье населения.

Shabunina T. V. Theoretical and methodological approaches to institutional transformations in the environmental component of the social sector of the regional economy in the context of environmental education of the population and its health.

Abstract: improving the education system, legislation, mass media, and public organizations are given. The effectiveness of institutional transformations in the environmental component of the social sector of the regional economy is proposed to be assessed, in the first approximation, on the basis of the dynamics of the main indicators of the environment and public health. The theoretical problems, the solution of which is necessary for the development of the institutional environment of the region, are highlighted.

Key words: region, institutional environment, environmental education, public health.

Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. Серебряная экономика как окно возможностей для социально-экономического развития Санкт-Петербурга: постановка проблемы.

В статье рассматриваются вопросы запуска и продвижения модели серебряной экономики как ответа на общемировую тенденцию старения населения. Исследуется экономическая сторона опыта государств, реализующих эту модель. Отмечается роль населения старших возрастов в восстановлении экономики после пандемии COYID-19. Обосновывается актуальность продвижения модели серебряной экономики для Санкт-Петербурга как города, имеющего в своей текущей и перспективной структуре более четверти населения старших возрастных групп.

Ключевые слова: старение населения; серебряная экономика; население старших возрастных групп; производство товаров для населения старших возрастов; оказание услуг для населения старших возрастов.

Shestakova N. N., Djanelidze M. G., Skvortsova M. B. Silver economy as a window of opportunities for socio-economic development of St. Petersburg: problem statement.

The article discusses the issues of launching and promoting the model of the silver economy as a response to the global trend of population aging. The economic side of the experience of states implementing this model is investigated. The role of the older population in the economic recovery after the COYID-19 pandemic is noted. The urgency of promoting the model of the silver economy for St. Petersburg as a city, which has more than a quarter of the population of older age groups in its current and future structure, is substantiated.

Keywords: population aging; silver economy; population of older age groups; production of goods for the elderly population; provision of services for the elderly population.

Ширнова С. А. Основные тренды «Умного ЖКХ» и кадровая составляющая цифрового развития отрасли.

В статье рассмотрены основные тенденции трансформации сферы ЖКХ в условиях цифрового развития экономики и общества. Определено состояние сферы ЖКХ с учетом современной системы индикативного анализа. Исследованы процессы формирования цифровой инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства в рамках концепций «Умное ЖКХ» и «Умный дом». Рассмотрены проблемы кадрового обеспечения сфер ЖКХ профильными работниками и ИТ-специалистами.

Ключевые слова: Рынок ЖКХ, цифровое развитие сферы ЖКХ, «Умное ЖКХ», концепция «Умный дом», кадровое обеспечение.

Shirnova S. A. The main trends of "Smart Housing and Utilities" and the personnel component of the digital development of the industry.

The article discusses the main trends in the transformation of the housing and communal services sector in the conditions of digital development of the economy and society. The state of the housing and communal services sector is determined taking into account the modern system of indicative analysis. The processes of building the digital infrastructure of housing and communal services within the framework of the concepts of "Smart housing and communal services" and "Smart home" are investigated. The problems of staffing of housing and communal services by specialized workers and IT specialists are considered.

Keywords: Housing and communal services market, digital development of housing and communal services, "Smart housing", the concept of "Smart home", staffing.

Щелкина С. П. Эколого-инновационная компонента социального сектора региона в условиях перехода к циркулярной экономике.

В статье рассматриваются основы концепции циркулярной экономики, предполагающей построение экономической деятельности на принципах возобновления ресурсов и здоровьесбережении социо-эколого-экономической системы, анализируется зарубежный и отечественный опыт стимулирования активности компаний в области эколого-инновационного менеджмента по формированию циркулярной модели экономики. Предлагаются направления эколого-инновационного развития регионов России для перехода к циркулярной экономике.

Ключевые слова: инновационное развитие, социальный сектор экономики, циркулярные технологии.

Shchelkina S. P. Ecological and innovative component of the social sector of the region in the conditions of transition to a circular economy.

The article considers the basics of the concept of circular economy, which assumes the construction of economic activity on the principles of resource renewal and health conservation of the socio-ecological and economic system, analyzes foreign and domestic experience in stimulating the activity of companies in the field of environmental and innovative management to form a circular model of the economy and suggests directions for environmental and innovative development of Russian regions.

Keywords: innovative development, social sector of the economy, circular technologies.

Научное издание

ISBN 978-5-8088-1636-7

Региональная экономика и развитие территорий

Сборник научных статей

Под редакцией Л. П. Совершаевой

Утверждено к печати решением Ученого совета ФГБУН ИПРЭ РАН
«04» октября 2021 г., протокол № 12

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

Компьютерная верстка – Николаева М. Н.
Подписано в печать 01.11.2021. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 550 экз. Заказ № 498.

Отпечатано в редакционно-издательском центре ГУАП
190000, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, д. 67